МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ДЕТИ ЭМИГРАЦИИ. ВОСПОМИНАНИЯ

Дети эмиграции

Сборник статей под редакцией
проф. В. В. Зеньковского

Москва
Берлин
2019

УДК 94(47): 929
ББК 63.3(2)6
Д38

Дети эмиграции : сборник статей / Под ред.
Д38 В. В. Зеньковского. – Москва ; Берлин :Директ-Медиа, 2019. – 205с.

ISBN 978-5-4475-4829-2

Память прошлого – это то, от чего нельзя ни отречься, ни забыть. Намного страшнее небытие, заставляющее нас похоронить прошлое, тем самым забыв нашу историю. Эта книга составлена на основе анализа более двух тысяч сочинений на тему «Мои воспоминания о последних годах пребывания в России», написанных учащимися русских эмигрантских учебных заведений. Авторы воспоминаний – дети, юноши и девушки в возрасте от 8 до 24 лет, не являвшиеся «ответственными участниками» исторических событий, определявших судьбу России. Но для нас, современников, для будущих историков их воспоминания не менее важны, чем воспоминания лиц с историческими именами, поскольку они обладают одним достоинством – глубокой непреднамеренной и непосредственной жизненной подлинностью.

Наивные детские фразы выстраиваются перед нами в канву текста, воссоздающего незабываемое прошлое – порой страшное, леденящее душу и пахнущее смертью, порой наполненное тоской по утраченному, а порой кажущееся сухим и беспристрастным изложением когда-то виденного.

Редактор сборника – известный религиозный философ, белоэмигрант, профессор Василий Васильевич Зеньковский (1881—1962 гг.).

УДК 94(47): 929
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4475-4829-2

В. В. Зеньковский
Предисловие к сборнику 1925 года

Исключительная ценность и значительность того материала, который был собран в русской гимназии в Моравской Тшебове и издан Педагогическим Бюро под названием «Воспоминания 500 русских детей»[1], побудили Педагогическое Бюро к попытке собрать аналогичный материал по возможности во всех русских школах за рубежом. Говорить о громадном значении этой задачи не приходится: те, кто знаком с изданными нами «Воспоминаниями», хорошо знают, какие богатейшие данные содержат в себе эти детские сочинения – для педагога и для психолога, для историка и для социолога. Я не знаю, что может сравниться с этими детскими сочинениями – в их простодушных описаниях событий последнего времени; не знаю, где отразились эти события глубже и ярче, чем в кратких, порой неумелых, но всегда правдивых и непосредственных записях детей? Погружаясь в эти записи, мы прикасаемся к самой жизни, как бы схваченной в ряде снимков, мы глядим во всю ее жуткую глубину... Собрать этот материал в возможно большом объеме и сохранить его для будущего – такова была задача, которую себе поставило Педагогическое Бюро.

Для нас было совершенно ясно, что единственно допустимой для этого формой является та, которая была принята в Тшебовской гимназии, где детям было предложено написать сочинение на тему «Мои воспоминания с 1917 г.». Конечно, эта форма имеет большие дефекты, ибо она ставит перед детьми очень широкую и неопределенную задачу, в силу чего обработка материала крайне затруднительна.

[1] См. Бюллетень Педагогического Бюро № 4, а также отдельное издание этого очерка.

Метод анкеты, с однообразными вопросами и допускающими вследствие этого сравнение ответами, был бы удобнее, но он лишил бы детей свободы и непринужденности, столь необходимых в этом случае. Метод анкеты дал бы в наше распоряжение ряд детских высказываний по одним и тем же вопросам, но он не дал бы нам возможности заглянуть в детскую душу так, как это возможно для нас в свободных изложениях детей. Сохранить всю непосредственность детских переживаний, дать им полный простор в выявлении того, что особенно близко каждому из детей, важнее, чем добиться большей доступности материала для обобщающего исследования. Но, кроме этого методологического мотива, другие, более глубокие и педагогически более ответственные соображения побудили нас остаться при форме, избранной в Моравской Тшебове: раны, нанесенные детской душе всеми событиями последних лет, так глубоки, так свежи, что прямое прикосновение к ним совершенно недопустимо. Даже и свободная запись воспоминаний иногда вызывала у детей мучительное чувство, как это видно из сочинений; впрочем, должно сказать, что в подавляющем большинстве случаев эта запись не только не растравляла свежих ран, но даже способствовала вдумчивому анализу пережитого. Во всяком случае, свободная запись воспоминаний наименее тяжела для детей, наименее опасна для их психического здоровья.

Предложение Педагогического Бюро встретило сочувственный отклик почти во всех русских школах, и мы в настоящее время располагаем немного более чем 2400 детских сочинений. Даже беглое знакомство с этим материалом убеждает в том, что он требует разностороннего изучения и содержит в себе богатейшие данные по целому ряду вопросов нашего времени. Не имея возможности организовать это всестороннее изучение материала, Педагогическое Бюро признало, однако, совершенно необходимым выпустить теперь же небольшую книгу, посвященную нашим детям, по-

ложив в основу книги материал детских сочинений. Нам хотелось прежде всего дать общий очерк материала, зафиксировать некоторые характерные и яркие черты его; к этому очерку естественно было присоединить несколько статей, посвященных разработке отдельных сторон материала. Для правильной ориентировки в вопросах, возникающих при этом, мы считали необходимым ввести в книгу очерк, не связанный прямым образом с детскими сочинениями, но имеющий чрезвычайное значение для оценки положения детей в эмиграции, – именно сводку статистических данных, касающихся детей эмиграции.

Выпуская в свет эту книгу, мы очень хорошо сознаем всю недостаточность ее в отношении к материалу, которым мы располагаем, но мы надеемся, что и то, что содержит в себе книга, ставит с полной ясностью общественно-педагогические вопросы, на разрешение которых должно обратить все наши силы. Неотложность и исключительная важность этих вопросов побуждает нас предложить вниманию русского общества настоящую книгу, не откладывая ее на дальнейшее. Время не ждет, жизнь идет безостановочно вперед, и мы должны поспевать за ней. Ut desint vires, tamen esta – necessaria voluntas! Мы не спрашиваем себя, найдутся ли силы у всех нас для решения задач, которые ставит нам время, – но мы хотим способствовать ясной и вдумчивой постановке этих вопросов. Пусть слабы наши силы, но мы должны найти в себе волю к тому, чтобы сознать, чего требуется от нас жизнью.

Председатель Педагогического Бюро
Проф. В. В. Зеньковский

Н. Цуриков
Дети эмиграции

(Обзор 2400 сочинений учащихся в русских эмигрантских школах на тему: «Мои воспоминания»)

«Мы иногда собираемся человек 20, начинаем говорить о России, с кем были какие случаи. Много рассказывают, как их родителей мучили, и так жалко станет, что чуть не плачешь!..»

«Сколько приходилось переносить... нам детям, а о мамочке и говорить нечего, она была страдалицей за всех».

«Мы, дети, уже тогда стали взрослыми».

«Любовь и вера – это все наше богатство, если и это потеряем, то жизнь станет бесцельной...»

(Из «воспоминаний» русских детей-эмигрантов.)

Настоящая работа явилась результатом ознакомления с 2403 сочинениями учащихся в русских эмигрантских учебных заведениях – сочинений, написанных на одну общую тему: «Мои воспоминания». Не говоря уже о содержании, и самый заголовок в различных учебных заведениях в своем продолжении варьировался: «Мои воспоминания о последних годах пребывания в России», «Мои воспоминания, начиная с 1917 года по день прибытия в N» и т. д. Задачей настоящего очерка является наивозможно полное, а вместе с тем неизбежно сжатое и краткое изложение результатов обследования детских работ.

Дальнейшее изложение распадается по своему содержанию на три части: 1) значение обследованного материала, цифровые данные, почерпнутые из воспоминаний, общий обзор материала с суммарными характеристиками: авторов, формы сочинений и их содержания; 2) попытка установить типические подходы детей ко всему пережитому, поскольку они выразились в сочинениях, с приведением соответственных цитат из сочинений.

История появления этих воспоминаний такова.

12 декабря 1923 года в самой большой русской эмигрантской средней школе – в русской гимназии в Моравской Тшебове в Чехословакии – по инициативе бывшего директора этой гимназии А. П. Петрова совершенно неожиданно и для учащихся, и для педагогического персонала были отменены два смежных урока, и учащимся было предложено: не стесняясь формой, размером и т. д. и без получения ими каких-либо указаний, написать сочинение на тему: «Мои воспоминания с 1917 года по день поступления в гимназию». Получившийся материал был обследован преподавателем этой гимназии В. М. Левицким, и изложение обследования напечатано в «Бюллетене Педагогического Бюро», а также издано отдельной брошюрой[2].

Еще до напечатания работы г-на Левицкого, при первом ознакомлении с ней, для Педагогического Бюро стало ясно, какой огромной ценности материал получился в результате изложения детьми своих воспоминаний, и Бюро обратилось к ряду учреждений ведающих и лиц, возглавляющих различные русские эмигрантские школы, находящиеся в различных государствах Западной Европы, с просьбой произвести, с соблюдением тех же условий, что и в гимназии в Моравской

---

[2] «Воспоминания 500 русских детей». С предисловием проф. В. В. Зеньковского. – Прага 1924.

Тшебове, тождественные работы и по исполнении доставить их в Бюро.

Почти все без исключения адресаты Бюро исполнили его просьбу, и в результате этого к 1 марта 1925 года в Бюро скопилось 2403 сочинения, около 6500 страниц исписанного учащимися текста. В промежутке времени между напечатанием очерка г-на Левицкого и производством настоящей работы преподавателем русской реальной гимназии в Праге г-ном С. И. Карцевским был самостоятельно обследован материал детских сочинений этой гимназии, и результат обследования напечатан в журнале «Русская Школа за рубежом», а также был издан Педагогическим Бюро отдельной брошюрой[3].

Исключительный и общий интерес, вызванный к обеим вышеуказанным работам в специальной и общей русской, а частью и иностранной печати, побудил Бюро, несмотря на двухкратное напечатание материала двух школ, произвести обследование всех имеющихся детских работ, и результат их изучения вновь напечатать, включая и сочинения детей, уже ранее рассматривавшиеся[4].

Нечего и говорить, что не только в краткой статье, но, может быть, и в большой книге нет возможности познакомить со всей той полнотой, которой заслуживают эти 2403 сочинения, познакомить с содержанием этих – исписанных то уже сложившимся твердым почерком на больших листах, то детской прописью в синих тетрадочках – живых и трепетных страниц.

---

[3] «Человеческие документы» – Русск. Шк. за руб. № 10–11. С. 63–87 и отд. «Воспоминания детей-беженцев из России». Обработано и составлено прив.-доц. С. И. Карцевским. – Прага, 1924. С. 28.

[4] В отношении сочинений этих двух школ автор этого очерка лишь воздержался от приведения цитат из «воспоминаний», чтобы предоставить слово и другим и в виду того, что наиболее яркие места из них были уже напечатаны.

Значение обследованного в настоящем очерке материала не только велико, но и разносторонне. Прежде всего, это материал огромной ценности для суждения о строе детской души в наши дни (чему посвящена особая статья). Затем – это исторические документы, и притом несравнимого значения.

Авторы воспоминаний, в возрасте от 8 до 24 лет, конечно, помнят все, что с ними произошло с 1917 года, неодинаково. Все они – дети, юноши и девушки – не являлись ответственными участниками тех исторических событий, которые определили судьбы России: не стояли у власти, не управляли и не руководили. Но для будущего историка их воспоминания не менее важны, чем воспоминания лиц с историческими именами. И, кроме того, произведения таких людей, как авторы сочинений, да еще такого возраста, обладают одним достоинством – глубокой непреднамеренной и непосредственной жизненной подлинностью. Это отражается и в правдивости детского языка, и в свежести и яркости их образов, и в значительности их мыслей. Уже в одном этом отношении можно считать, что инициатива лиц, задумавших произвести такую работу, вполне оправдана.

Но кроме такого значения, они имеют и другой интерес и другое значение для всех тех, кто посвятил себя делу сбережения и сохранения самого дорогого нашего национального имущества, нашей молодежи вообще, и в частности находящейся в изгнании, молодежи уцелевшей от войны, революции, голода, эпидемий, разврата, бездомного скитальчества и бесконечных, невыразимых и неописуемых горя и страданий. Русские педагоги и вообще все те, кто в той или иной форме посвятил себя школе, не могут не интересоваться всеми попытками установить духовный облик, подлинное лицо наших учащихся, наших детей и юношей. Конечно, непосредственные впечатления педагогов, работающих в школе в настоящий момент, несравненно ценнее и глубже, чем знакомство с детьми путем чтения их воспоминаний. Однако обследование

материала показывает, что состав учащихся в различных школах далеко неодинаков; кроме того, сама тема – «мои воспоминания», с изложением в этих воспоминаниях часто самого значительного, что произошло сучащимся, и самого важного и дорогого, о чем он думает и мечтает для себя и о себе в будущем, – исключительно по содержанию концентрирована, а потому и показательна и многозначительна.

Наконец, мы думаем, что и каждому русскому человеку надо знать, что ныне представляет из себя «выпускаемое» в жизнь на чужбине новое поколение, что оно пережило, передумало и перестрадало.

Таково, по нашему мнению, многообразное значение обследованного материала.

Во всех учебных заведениях, для того чтобы не стеснять детей, им не было дано при начале работы никаких инструкций. Все сочинения без подписи авторов. Внешние сведения, которые они давали о себе в воспоминаниях, крайне разнообразны, и главное, не однотипны. В них нет ответа на ряд вопросов. Однако в них все же заключается материал, который можно назвать материалом анкетного типа. К этому материалу, извлеченному из сочинений путем записи таких данных на особую карточку для каждого сочинения, мы теперь и обращаемся. Он интересен как для суждения о работах детей, так и самостоятельно.

2403 детских работы принадлежат учащимся 15 русских эмигрантских школ: 2-х из Турции, 1-ой из Болгарии, 10-ти из Югославии и 2-х из Чехословакии. Из них 9 смешанных, 4 мужских и 2 женских[5].

---

[5] Из них 2 содержатся на средства Чехословацкой Республики и находятся в ведении ее Министерств: Иностранных Дел и Народного Просвещения, 6, содержась на средства Земско-Городского Комитета в Париже и правительств Югославии и Болгарии, находятся в ведении Веер. Союза Городов, 5 содержатся на средства Королевства С. Х. С. и находятся в ведении Шк. Рус. Сов. Держ. Комиссии и 2, являясь английскими школами для

Авторов сочинений: мальчиков 1603, девочек 781 и 19 детей, пол которых остался невыясненным[6].

По учебным заведениям они распределяются: в смешанных учебных заведениях мальчиков 577, девочек 366, неизвестных 19. Остальные приходятся на мужские и женские учебные заведения. По классам все учащиеся распределяются так (в разных учебных заведениях, надо сказать, имеется неодинаковое количество классов):

Мл. приг. Классе…………..	27	4-ом классе………………….	315
Ст. приг. «…………………...	74	5-ом «..……………………….	328
1-ом «………………………...	263	6-ом «………………………...	271
2-ом «………………………...	255	7-ом «………………………...	327
3-ем «………………………...	316	8-ом «………………………...	214

Репетиторском классе – 13.

То же распределение в смешанных учебных заведениях:

Мл. приг. классе…………..	27	4-ом классе………………….	132
Ст. приг. «…………………...	74	5-ом «..……………………….	90
1-ом «………………………...	93	6-ом «………………………...	112
2-ом «………………………...	113	7-ом «………………………...	118
3-ем «………………………...	131	8-ом «………………………...	59

То же в мужских учебных заведениях:

Мл. приг. классе…………..	–	4-ом классе………………….	132
Ст. приг. «…………………...	–	5-ом «..……………………….	181

русских детей с преподаванием на русском языке и с русским педагогическим персоналом, обязаны своим существованием благородной энергии известного друга русской молодежи мистера Чорчворда, обеими ими и заведующего.

[6] Исключительно младших классов, рассказ которых ведется все время в множественном числе («мы» – семья).

1-ом «……………………...	94	6-ом «……………………...	110
2-ом «……………………...	96	7-ом «……………………...	148
3-ем «……………………...	144	8-ом «……………………...	121

То же в женских учебных заведениях:

Мл. приг. классе………..	–	4-ом классе……………….	51
Ст. приг. «………………....	–	5-ом «..………………….	57
1-ом «……………………...	76	6-ом «……………………...	49
2-ом «……………………...	46	7-ом «……………………...	61
3-ем «……………………...	41	8-ом «……………………...	34

Вот и другие цифры, менее полные, но представляющие больший интерес. В 701 сочинении совсем не упоминается о семейном положении авторов; относительно 360 сочинений – не ясно, каково в настоящий момент семейное положение ребенка: сирота ли он или одинокий. 1012 говорят о родителях, обоих или одном, как о живущих с детьми или хотя и в других странах, но как о несомненно ныне здравствующих.

Все последующие цифры должны рассматриваться как цифры не фактов, а лишь упоминаний об этих фактах, т. к. много сочинений не упоминают о тех или иных событиях совсем и из содержания сочинений нельзя заключить, почему в них нет ответа на тот или иной вопрос: потому ли, что факт не имел места, или по простому пропуску. Единственная цифра, по-видимому, несколько более приближающаяся к действительности, – это цифра нахождения в армии, т. к. сочинения описывают такой период, а факт поступления в армию для детей так значителен, что совсем о нем не упомянуть трудно. Но и здесь приходится сделать очень большую оговорку. Как раз мальчики старших классов дают самый большой процент рассуждений без единого факта. Очень многие сочинения заключают в себе массу косвенных данных об участии, но прямого ответа все же не дают. С этими оговорками эти

цифры таковы: 889 учились в России, 151 – в других русских школах в эмиграции (до поступления в данное русское учебное заведение), 32 ребенка учились в школах с иностранным языком преподавания. Ввиду того, что во многих сочинениях не указан возраст детей, без чего эти цифры не представляют интереса, так как очень многие дети покинули Россию в дошкольном возрасте. Вот те же цифры, но по классам:

Училось в России, находящихся в настоящий момент в

Мл. приг. классе…………..	–	4-ом классе………………….	113
Ст. приг. «…………………...	5	5-ом «..…………………….	134
1-ом «……………………...	21	6-ом «……………………...	171
2-ом «……………………...	40	7-ом «……………………...	195
3-ем «……………………...	80	8-ом «……………………...	119

Репетиторском классе – 11.

Училось в эмиграции, находящихся в настоящий момент в

Мл. приг. классе…………..	–	4-ом классе………………….	19
Ст. приг. «…………………...	5	5-ом «..…………………….	15
1-ом «……………………...	42	6-ом «……………………...	14
2-ом «……………………...	19	7-ом «……………………...	11
3-ем «……………………...	23	8-ом «……………………...	3

303 сочинения упоминают о перенесенных детьми болезнях, не считая 31 упоминания о ранениях (одном или многократных), 330 – о смерти отца, 137 – матери, 54 – обоих родителей (одного ребенка). Из них 97 упоминают об убийстве отца на войне, 47 – о расстреле отца, 18 – матери, 6 – обоих родителей (одного ребенка). Очень важную цифру – числа одиноких детей, то есть тех, родители которых находятся в России, – привести невозможно. Во всяком случае она – представляя совершенно своеобразное и типичное для современного ребенка-эмигранта явление – весьма значи-

тельна; особенно много одиноких в кадетских корпусах и институтах, то есть тех учебных заведениях, которые сложились еще в России и эвакуировались как учебные заведения. Многие родители, оставаясь в России и не зная, что ждет их в будущем, с трепетом, но и надеждой доверяли своих детей учебным заведениям, спасая детей от голода, лишений, а иногда и одиночества, в ожидании возможного сиротства детей – то есть своей смерти. Нечего и говорить, что одного этого момента достаточно, чтобы уяснить себе, какую задачу возложила судьба на плечи учителя-эмигранта. Наконец, пожалуй, самой интересной и, как уже говорилось, относительно более приближающейся к действительности цифрой является самая «современная» из них – цифра числа детей, упоминающих о нахождении в рядах армии. Общая цифра участников – 247, то есть по отношению ко всем учащимся – около 10%, по отношению к одним мальчикам всех классов – 15%. По отношению к мальчикам, начиная с IV класса – 23%, и если, наконец, взять только V, VI, VII и VIII классы, то мы получим 27%.

IV класс избран в этом отношении как исходный по следующим соображениям. Большинство детей выехало с родителями или с учебными заведениями в 1920 году. В большинстве учебных заведений анкета была произведена в 1924 году. Таким образом, промежуток между переживаниями детей и описанием этих переживаний равняется 4 годам. Этот срок надо все время иметь в виду при дальнейшем ознакомлении с излагаемым мной материалом. Пишут юноши, но воспоминания касаются детей. Воспоминания относятся к 1917–1920 годам. Если принять возраст учащихся в IV классе 15–16 лет (несколько преувеличенно), то для вспоминаемого детьми периода он будет: для 15 лет – 8–11 лет, для 16 – 9-12 лет. И действительно, дети с 11–12 лет уже принимали участие в вооруженной борьбе, почему и при-

шлось взять IV класс как исходный. Вот несколько свидетельств самих авторов (несколько из сотен). Обычно возраст цитируемых авторов приходилось устанавливать косвенно[7].

«Мобилизации никакой не было, но все кадеты, гимназисты шли добровольно в армию»[8].

«Я рвался на фронт отомстить за поруганную Россию. Два раза убегал, но меня ловили и привозили обратно. Как я был рад и счастлив, когда мать благословила меня».

«Мне было 12 лет. Я плакал, умолял, рвался всей душой, прося брата взять меня с собой, и когда мои просьбы не были уважены, решился сам бежать на фронт защищать Россию, Дон».

«Я одиннадцатилетний мальчик долго ходил из части в часть, стараясь записаться в полк».

«Мне было 11 лет, я был записан в конвой, одет в форму, с маленьким карабином за плечами... Встретил старого генерала, хотел, как всегда, стать во фронт, но поскользнулся и упал, ударившись спиной о затвор».

«Я кадет 2-го класса поступил в отряд, но, увы, меня назначают в конвой Главнокомандующего».

«В скором времени мне удалось уйти из дома и поступить в один из полков... Но после трех месяцев боевой жизни меня отыскали родители и заставили поехать в корпус».

«Видя родину в море крови, я не мог продолжать свое прямое дело – учение, и с винтовкой в руках пошел я с отрядом белых биться за несть и благо России».

---

[7] Указания на годы в *самом* тексте очень редки; там, где они попадаются, они свидетельствуют, что юноша настолько вырос и вышел из детства, что смотрит уже на свое детство со стороны, жалеет себя в прошлом и указанием возраста хочет подчеркнуть ненормальность явления.

[8] Во всех дальнейших цитатах в скобки заключены пояснительные заметки автора этой работы. Точками в середине текста обозначены пропуски в тексте подлинников. Кроме выправления орфографии, никаких других изменений в текст воспоминаний не внесено.

Вот свидетельство сестер, возраст братьев неизвестен.

«Коля тогда был еще совсем мальчик, но и то пошел сражаться за родину и мама ему позволила».

«Папа и мама просили его остаться, так как он был еще мальчиком. Но ничто не могло остановить его. О, как я завидовала ему... Настал день отъезда. Брат радостный, веселый, как никогда, что он идет защищать свою родину, прощался с нами. Никогда не забуду это ясное, правдивое лицо, такое мужественное и красивое... Я видела его в последний раз».

Надо, однако, считать приводимую мной цифру участия детей в рядах белых армий недостаточной, т. к., во-первых, все же возможны неупоминания (есть сочинения, представляющие чистые рассуждения), во-вторых, для настоящей работы важно не участие в рядах армии, а участие в активной борьбе, хотя бы и в течение короткого периода или в виде единичного эпизода, но неупоминания об этом могут встречаться чаще. Формы этой внеармейской борьбы разнообразны. Это и борьба целых станиц, рассказы о которой многочисленны, и партизанские отряды, и индивидуальные действия, и даже белые ученические организации. Вот свидетельства самих авторов:

«Образовались партизанские отряды, в которые пошла исключительно молодежь».

Мальчик-казак, оставшись при большевиках в станице, сообщает о своем «занятии»:

«Я утаскивал целые ящики (с патронами) и спускал под яр в балку».

«В *** собрался кружок молодежи, работавшей против большевиков. Приходилось осторожно пробираться по городу и расклеи-

вать прокламации против большевиков, подкупать красноармейцев у чрезвычаек и доставлять возможность бегства офицерам».

Таким образом, вышеуказанная мной цифра нахождения в армии должна быть значительно увеличена.

Вот весь тот цифровой материал, который удалось извлечь из детских сочинений.

Но прежде чем переходить к дальнейшему изложению, необходимо остановиться на одном вопросе: каково было отношение детей к заданной им работе, насколько добросовестно они к ней отнеслись и, наконец, насколько для них самих выполнение ее явилось удовлетворением какой-то внутренней потребности? На все эти вопросы мы должны со всей определенностью ответить утвердительно. В значительной своей части воспоминания детей обратились в исповеди. Дети не щадят в них ни родителей, ни начальников, ни больше всего самих себя. Часто это покаяния, в которых они бестрепетно, хотя и с болью и с горечью, обнажают тяжкие душевные раны. Авторы стремятся быть объективными и, где для этого есть возможность (очень редко), охотно примирительно отмечают все случаи, где есть основание отозваться хоть сколько-нибудь положительно о тех, кто их преследует или хотя бы выполняет это преследование. Вот примеры:

«Конечно были и среди них хорошие, которые останавливали их, но таких было очень мало».

«Эти большевики (занявшие квартиру родителей девочки) были очень вежливые: вечером, когда они приходили, то они снимали сапоги и говорили тихо, чтобы нам не мешать».

«Ушли, ничего не взяв, хоть и видели у мамы кольца, а у папы серебряный портсигар».

«Большевики спрашивали меня: «Где твой папа?» Но я говорила, что я не знаю, где мой папа, тогда они поставили меня к стенке и хотели убить меня. Тогда пришел еще один большевик и сказал: «Зачем вам мучить девочку, может, она и не знает ничего?»

«Настал вечер, но никто к нам не приходил и не приносил есть (два мальчика, братья заключены в тюрьму за попытку уехать к отцу за границу); солдат (красноармеец) принес ужин: по селедке и по пол хлеба. Мы просили его нам продать хлеба, он нам дал свою порцию и попросил у товарища пол его порции и отдал нам, мы ему давали денег, но он не взял их. Он рассказал, что не по своей воле служит, а что его заставили».

«Их повезли в крепость Кронштадт... Но жена дяди спасла его... дала взятку и хлеб матросам и они отпустили дядю, переодели его и спасли».

Вот почти все, что мне удалось найти во всех сочинениях.

Два раза встречаются упоминания о помощи красным солдатам и советскому правительству (первый раз участниками белой армии). Дети не скрывают и не уклоняются от рассказов – это видно по ходу сочинения – от описания случаев освобождения родителей из тюрем, иногда с предположительным объяснением – «сжалились»; передают они и о семейных драмах.

«Меня взяли от отчима и матери и тяжело мне было жить с отцом и сильно притесняла мачеха».

Девочку взяли к себе родные.

«Хоть нехорошо, но все-таки я помню, как сладко мне было жить у моих других родителей».

Этим исключительно серьезным и ответственным подходом к заданной теме объясняется и то, что есть среди них и откровенно протестующие против темы, есть делающие то же под каким-нибудь предлогом, есть и прямо отказывающиеся писать, ссылаясь на запамятование, несмотря на нахождение в старшем классе.

«Воспоминания эти настолько неприятные, что писать о них нет никакой охоты. К тому же, для того, чтобы даже вкратце описать все

пережитое за три года, понадобится много времени, поэтому скажу только, что пережитое мною за три года революции вполне было достаточно, чтобы стать ее противником»[9].

«Какие могут быть воспоминания у ребенка»[10].
«Я был маленький и ничего не помню»[11].

Если бы эти дети не серьезно подходили к работе, то проще бы было кратко перечислить общеизвестные события, что некоторые хотя и редко, но делают. Есть и такие, которые с чрезвычайной добросовестностью, опустив какой-нибудь часто и не очень значительный факт, в сносках или postscriptum'ах его восстанавливают. Такой характер сочинений – характер то тщательного и добросовестного свидетельского показания, то честной, горячей и горестной исповеди; их открытая доверчивость – по справедливости дающая право на чувство законной гордости руководителям школ, которым они безбоязно отдали свои исписанные признаниями листы, – вместе с тем налагает серьезную и тяжелую ответственность на тех, кто выносит сочинения детей за пределы родной им школы, – на *всех* их использующих до читателей изложения этих сочинений включительно.

Сотни страниц с выписками подлинных выражений авторов, с изображением их грустных дум, с их страшными и горестными рассказами, просят – более того – настоятельно требуют быть поведанными всем, напечатанными целиком. Но это невозможно. Приходится с трудом выбирать, не потому, чтобы было мало, а потому, что слишком много, и привести лишь самую незначительную часть. И только эта невозможность на все темы, поставленные в этой работе, от-

---

[9] Это все сочинение.

[10] Пишет юноша.

[11] Пишет мальчик 14 лет.

ветить собственными словами авторов, заставляет дать ряд суммарных, кратких, отдельных, общих характеристик своими, а не «ихними» словами. Между тем это было бы осуществимо, так как нет темы, которой бы дети не затронули, ко-которую нельзя было бы передать их собственным образным и правдивым языком.

Некоторые сочинения достигают 20 мелко исписанных и связно изложенных страниц, размера ученической тетради, и это за два часа и без предварительного предупреждения! Уже одно это сопоставление количества страниц со временем, в которое они написаны, показывает, как наболело у многих на душе и как много хотелось им передать, объяснить, поделиться горем, пожаловаться и, может быть, услыхать в ответ слово сочувствия, утешения, поддержки, ободрения и помощи... И это, в свою очередь, накладывает на того, кто все это слышал и услыхал, кто неотразимо чувствует, что к нему в руки попал драгоценный материал, какую-то глубоко ощущаемую обязанность, как бы молчаливо переданное поручение: все и всем рассказать, не забыть, не похоронить под спудом молчания даже мелочи, ничего не скрыть, не упустить. Поручение трудное, почти невыполнимое.

Во второй части этого очерка, как уже говорилось выше, будет дана попытка путем цитирования отдельных сочинений на наиболее ярких индивидуальных примерах показать типические черты внутренних переживаний современных детей, попытка раскрыть их внутренний душевный мир. Но такая характеристика была бы и не полна и не ясна, если бы все время, опираясь только на «воспоминания» детей и ни в какой мере на сведения, почерпнутые из других источников, автор этих строк не дал бы общей внешней, так сказать, биографической характеристики детей и такого же внешнего обзора содержания их сочинений и их литературной формы и вида.

Кто такие авторы воспоминаний и в чем те черты несходства в их судьбе и духовном облике с их сверстниками – прежними русскими детьми, в прежней России – и современными детьми, но не в России, а в других странах?

Но прежде чем к этому обратиться, несколько слов об одном, хотя и внешнем, но, однако, существенном моменте. Каково социальное положение родителей большинства детей, сочинения которых рассматривались? Хотя для школы происхождение детей не может служить причиной различного к ним отношения, но оно все же важно для полного представления о ребенке, с которым педагог имеет дело, и потому желание дать полный обзор требует ответа и на этот вопрос.

В огромном большинстве родители детей принадлежат к средней городской интеллигенции. Родом почти со всей России, они в главной массе выехали за границу во время ряда эвакуаций, завершивших длинный путь их скитаний: из Одессы, Новороссийска, Крыма в 1920 году (главная масса), Архангельска и Владивостока. Множество детей выехало с учебными заведениями без родителей. Меньшинство приехало из России уже после окончания гражданской войны, пережив голод 1921 г.

«Там начали есть человеческое мясо и часто бывали случаи, что на улицах устраивали капканы... ловили людей... делали из них кушанья и продавали на базарах».

Обычно с матерями они уезжают за границу по вызову отцов. Это особая группа. На их долю выпало больше испытаний, голод наложил на них особую печать, встреча с родителями описывается в трогательных выражениях:

«Наконец мы приехали в Сербию и моей радости не было конца».

«Мама нас встретила и я ее сразу узнала; я папу не видала 5 лет, а маму 3 года».

«В Сербии папа встретил нас у своего дома... мы все от радости плакали».

«Когда папа пришел к нам, то мой младший брат совсем не узнал его, а прогуливаясь по фабрике, Эля заявил: «Это ваша фабрика?»

«Папа уехал, а с ним и мама, обещали приехать... но Бог... иначе судил... на одной стороне стали большевики, а на другой белые. Мы остались... с няней... скончалась... остались без призора... нас поместили в коммунистический приют... голод, холод, беспризорность. От родителей известий не имели, и была только надежда на будущность... Получили известие, что они живы. Нам прислали денег».

И вот два мальчика 12 и 13 лет самостоятельно приезжают в Белград:

«Они нас поехали встречать в Белград и там мы разъехались; а мы так устали, что я заснул, но вдруг вошли папа и мама и меня разбудили; и от такой необычайной радости я – заплакал».

Другая значительная группа-это дети казаков, главным образом донцов. Выделение их в особую группу, как отличную от городской интеллигенции, помимо других специфических, им присущих черт, вызывается еще и тем, что это по большей части сельские жители, земледельцы, часто бедные, сами работавшие с семьей на земле. Вот одно из свидетельств:

«Родился я на тихом Дону в очень бедной семье. Отец простой казак, образование получил маленькое, кончил приходскую школу, нас было у него шесть человек, чтобы добиться образования я своими маленькими ручонками подбирал скошенную рожь».

Наконец, не очень большая группа – дети помещиков. Вероятно, не больше как в 10–20 сочинениях есть указания на

прочную, постоянную и бытовую связь родителей авторов с землей и деревней. В большинстве сочинений этой незначительной группы есть лишь краткое сообщение факта.

Во всех этих группах есть и нечто общее. Читая детские воспоминания, можно подумать, что из России выехали только военные или что только они в эмиграции отдают своих детей в школы, так как многие сочинения заключают в себе фразу: «Мой папа был офицер». Однако если вспомнить, что описание относится к 1917 году, когда среди интеллигенции известного возраста не офицеров было очень мало, то указание это приобретает другой и особый смысл. В некоторых сочинениях это раскрывается и самими детьми. «А папа мой был студентом и офицер и капитан», – пишет одна девочка, сообщая о себе то, что могли бы сказать и многие другие.

Мальчики и девочки[12]. Если в младших классах смешанных школ ищешь первое лицо прошедшего времени, чтобы определить пол автора, и иногда безуспешно, то в старших классах, в соответствии с общей тенденцией положения современного ребенка-эмигранта, и здесь находишь следы трагической преждевременности – в возложении судьбой на плечи детей непосильной для них ноши. Среди мальчиков мы находим массу преждевременных воинов, а среди девочек, помогающих матерям при возвращении домой, – хозяек, заменяющих их на время арестов, болезни и т. д., опекающих младших братьев и сестер, радостно, как и их братья-воины, принимающих на себя обязанности старших, – девочек не веселых и беззаботных, а сосредоточенных и грустных.

---

[12] В дальнейшем мы все время будем их так именовать, не прибавляя «юноши и девушки», и не только для краткости, но и потому, что юноши и девушки описывают свои переживания за тот период, когда они были мальчиками и девочками.

«Когда я приезжаю домой, я стираю белье, мою пол, убираю комнату, помогаю маме в шитье, и все это делаю с большим удовольствием».

«Когда я приходила из гимназии в 4 часа, я убирала дом, готовила обед... Мы ужинали, я убирала со стола, мыла посуду и садилась делать уроки... Дома я была до возвращения (со службы) папы и мамы полной хозяйкой».

«Моя мать и сестра служили у большевиков. Мне тогда пришлось бросить гимназию, чтобы готовить обед, убирать в доме, стирать и смотреть за маленьким братом. Все это тяжело было для меня 12-тилетней девочки».

«Бедная мама должна была поступить на службу... прибежишь из гимназии, схватишь соленый огурец без хлеба, съешь и начинаешь дрожать на сундуке, укутавшись в шубу. Согреешься... бежать за мамой... такое малокровие, что она не могла ходить...

Приходилось ходить в лес в 14-ти верстах от города. Слабая, изнуренная тащишься туда, наберешь немного дров, выйдешь из лесу, встретит какой-нибудь комиссар и все это отберет».

«Мамочка не выдержала тифа и скончалась. Папа не мог остаться и уехал на фронт... Старший брат лежал в госпитале... Мы остались одни. Я была самая старшая – мне было 8 лет, и у меня на руках была сестра 5 лет и брат 7-ми месяцев... На Принцевых островах мой младший брат, оставшийся после мамочки грудным ребенком, не мог перенести этого – он заболел и умер».

«В дом ворвалась... шайка «зеленых» и убила маму и папу, это был такой страшный удар для меня тогда, 13-тилетней девочки, что я несколько дней ходила как помешанная... Я осталась одна на всем большом чуждом свете и с маленькой пятилетней сестрой на руках и никого, никого из близких и родных не было у нас... После сыпного тифа старалась найти себе хоть какое-нибудь дело. Приходилось слабой девочке не по силам работать. Приходилось носить воду, рубить дрова, готовить обед, смотреть за двумя маленькими детьми, но нравственно я была удовлетворена».

Следует еще сказать, что мальчики и девочки отличаются в своих сочинениях еще в двух отношениях. Первые дают бо-

лее богатый фактический материал, их описания точнее и ярче, затем они гораздо больше рассуждают, а иногда и резонерствуют, вторые зато эмоциональнее и потому более раскрывают свой внутренний мир. В их сочинениях семье и родителям посвящено несравненно больше места, чем у мальчиков, которые, особенно в старших классах, иногда совершенно о них не упоминают. Кроме того, пробыв те годы, когда их братья были на фронте, дома или в учебном заведении, они грамотнее пишут и глубже вошли в школу. Резюмируя, можно сказать, что нормальная обычная дифференциация полов в период, совпадающий с прохождением через средние классы средней школы, благодаря указанным выше причинам сказывается теперь резче. Резкая разница детей младшего и старшего возраста, рассмотренная в отношении их пола, особенно сказывается в отношении к ним школы и их к ней – места, которое школа в их жизни занимает, и ее роли для них.

Дети, находящиеся в современной эмигрантской школе, в зависимости от возраста, могут быть поделены на две группы, которые можно обозначить как учащихся и доучивающихся. 10–14 летние дети, несмотря на страшные, но для многих уже, слава Богу, туманные, выцветшие и потускневшие именно «воспоминания», – уже нормальные учащиеся. Конечно, надо отбросить при этом то, что нарушает их приближение к типу нормального ребенка, а именно не только личное прошлое, но и теперешнее положение многих из их родителей, о котором они пишут. Выбитые из колеи, все еще не устроенные, живущие без перспектив, сегодняшним днем (день да ночь – сутки прочь), в непривычной обстановке, бедные, а еще более не привыкшие к бедности, не выработавшие по отношению к ней иммунитета, – они заботят своих детей, и отклики последних на это многочисленны: «папа не устроился», «мама не работает» или «теперь, слава Богу, папа

зарабатывает», «нам было трудно» и т. д. Колебания в одном сочинении между «нам жилось хорошо» и «нам жилось плохо» не редки. И все же это настоящие учащиеся. Это заметно сказывается на их несравнимой со старшими классами относительной грамотности, литературности и психической уравновешенности. *Можно сказать, что школа ввела их в нормальные берега*[13]. В старших классах положение совершенно иное. Ученик средней школы, голодавший и скитавшийся по всей России, на глазах у которого убили его родителей, избитый и сидевший в чрезвычайке, затаивший горячее чувство мести, принявший участие в гражданской войне с целью отомстить за смерть близких, иногда расстреливавший и почти всегда не могущий этого забыть, много раз раненный, побывавший в плену у красных и бежавший от них в армию, вернувшийся в школу в тот же класс, в котором он был 7 лет тому назад, израненный не только физически, но и душевно, – не может быть приравнен к нормальным учащимся средней школы, как бы страстно сам он этого и ни хотел и как бы добросовестно он ни занимался. И можно только удивляться, что и с ними, по их собственному свидетельству, школа сделала чудеса.

Если велик результат излечивающего воздействия школы на детей, то и сознание ими ее роли для них исключительно. Роль эта многообразна и несравнима с прежней.

«Я учусь в русском реальном училище уже четвертый год, его хотели закрыть, но на счастье оно спаслось».

---

[13] Более того, они вкладываются и вмещаются в нее всем своим существом, особенно сироты и одинокие. Для старших это гораздо труднее, если и не невозможно. Можно даже предполагать, что окончательному отрыву младших от тяжкого недавнего прошлого и приобретению нормального детского облика значительно препятствует общение со старшими учениками, особенно в закрытых учебных заведениях.

«Я не знаю, что бы мы делали, если бы мы не были в гимназии, – пришлось бы умирать с голоду».

«Училище это все, что осталось у нас вдали от родины. И когда входишь в него, то чувствуешь все то родное, русское, которое вносит оно в наши души».

«Тем более мы оценили свою школу: это... для нас как бы островок родины и, если Россия уходит в даль, – наша школа не дает совсем оторваться от прошлого».

Из материала мной изучавшегося возникает ряд значительных и глубоких специально педагогических проблем. Вопрос о переросших учениках, об отсутствии какой-либо грани между учениками V, VI, VII и VIII классов, т. к. зачастую даже в V классе попадаются ученики старше, чем в VIII, наглядно выявляющем расхождение неизбежно интеллектуальных школьных критериев с критериями жизни, и многие и многие другие.

В общей массе детей – распространяя на себя все то, что было сказано о старших и младших, – особняком стоят дети-казаки и кадеты. Особняком в нескольких отношениях, кое в чем имея и общие черты, кое в чем и разнясь. И те и другие – это квалифицированные жертвы революции. В этом их общее. На их долю пришлось больше, чем на долю других детей.

Если дети индивидуально пострадавших родителей ощущали, что хотя и безвинно, но их родители и они все же страдают как таковые – *лично*, то дети-казаки не ощущали и этого момента, они страдали как представители группы и даже территории. Дети офицеров регулярно отмечают: «мой папа был офицер, и его хотели убить» и даже больше: «и потому его хотели убить». Казаки отмечают то же, но уже вне зависимости от чина. Они живут в местностях, подвергающихся разгрому не поквартирно, а постанично.

«В 1919 году я прибыл к себе в станицу и, конечно, увидел ее не такой, какой покидал. От своего дома я увидел лишь только груды кирпича».

Свидетельства кадетов иные. Они не только связаны с преследуемой территорией – здания их корпусов обстреливались красными и зелеными (в Москве, Полтаве), – но они отчетливо ощущают, что они уже не дети «преступников», а сами «преступники». Бесконечны их свидетельства, и бесконечно эти свидетельства трагичны. Корпуса, и в том часто была причина особой тягостности судьбы их воспитанников, также как институты, находились, как известно, далеко не во всех даже губернских городах; родители зачастую издалека привозили в них детей... 1917 год, отречение Государя, недоуменное непонимание происшедшего, октябрьский переворот, обстрел корпуса из орудий и взятие его штурмом; нежелание детей снять погоны, убийства многих из них – и старших и младших. Или поездка к родителям среди моря серых шинелей, «также» возвращающихся «по домам» и редко к ним дружественных, или бегство на Дон к генералу Корнилову, или превращение корпуса в коммунистический приют с жестокими и первобытными способами «перевоспитания». Все это налагает на детские лица особую, лишнюю, им одним присущую, дополнительную скорбную складку. Только в 1919–1920 году, когда они то сами съезжаются, то собираются военным командованием опять в корпуса: в Полтаву, Владикавказ, временно – проездом – в Грузию, Новочеркасск, Одессу и Крым и потом частью в Египет[14], – положение их становится как будто легче, чем детей, семьи которых бегут индивидуально. Но и здесь отступление пешком зимой из Новочеркасска до Кущевки или из Владикав-

---

[14] Донской Корпус I-й эвакуации.

каза по Военно-Грузинской дороге во Мцхет полно тяжелых и вместе с тем трогательных сцен. Неожиданная эвакуация, колебания между остающейся матерью и корпусом, решимость матери на разлуку, прощание с ней многократно повторяются в их рассказах. «Наша тесная кадетская семья, наш родной корпус» – фразы, встречающиеся в их сочинениях очень часто, – для них не фраза. У них много общего друг с другом, включительно до путешествий. Прочтя сотню их сочинений, уже знаешь, что если сочинение начинается с упоминания о Псковском корпусе, то скоро попадешь в Казань, Омск, Владивосток, Шанхай, Цейлон, Порт-Саид и Югославию, если с Московского, то надо ждать Полтаву, Владикавказ, Мцхет, Батум, Феодосию и все ту же Югославию, приютившую всех их. Проторенные дороги на «юг» маленьких перелетных птичек.

Их история, если и не так уже резко отличается от истории других учащихся – детей средней русской семьи с «обычными» для периода 1917–1921 гг. испытаниями, – то, во всяком случае, менее разнообразна, почему ее легче изложить. Есть и специфические черты, легко отделяемые и любопытные.

Проследим ее по собственным рассказам авторов. Своими словами этого передать нельзя[15].

Первое воспоминание о революции. Февраль

«Директор вынул из кармана телеграмму и начал медленно читать. Наступила гробовая тишина: «Николай II отрекся от престола», – чуть слышно прочитал он и тут не выдержал старик, слезы одна за другой, слезы солдата покатились из его глаз... «Что теперь будет?» Разошлись по классам, сели за парты, тихо, чинно, было такое впечатление, что в доме покойник. В наших детских головках

[15] Цитаты принадлежат только учившимся или учащимся и сейчас в кадетских корпусах, разных возрастов и классов.

никакие могла совместиться мысль, что у нас теперь не будет Государя».

«После отречения Государя вся моя дальнейшая жизнь показалась мне такой серой и бесцельной, что когда корпус был распущен, я ничуть об этом не пожалел».

«Нас заставили присягать Временному Правительству, но я отказался. Был целый скандал. Меня спросили, отчего я не хочу присягать. Я ответил, что я не присягал Государю, которого я знал, а теперь меня заставляют присягать людям, которых я не знаю. Он (директор) прочел мне нотацию, пожал руку и сказал: «Я Вас уважаю!»

«Солдаты, тонувшие в цистернах со спиртом, митинги, семечки, красные банты, растерзанный вид».

«Вся Тверская украсилась обгрызками семечек».

«Помню, как кадеты бежали группами из корпуса на фронт, как их ловили, возвращали обратно и сажали в карцер».

Октябрь. Первые дни

«Вечером большевики поставили против нашего корпуса орудия и начали обстреливать корпус и училище. Наше отделение собралось в классе, мы отгородили дальний угол классными досками, думая, что они нас защитят. Чтобы время быстрее шло, мы рассказывали различные истории, все старались казаться спокойными; некоторым это не удавалось и они, спрятавшись по углам, чтобы никто не видел, плакали».

«Первый снаряд, пущенный в наш корпус, попал в нашу роту. После этого нашу роту повели в подвал, причем впереди роты несли ротную икону. В подвале у нас часто были молебны. Такая жизнь продолжалась неделю».

«Через несколько дней в корпус, когда все стояли в церкви, ворвалась банда. Первая и вторая рота были вызваны из церкви и выгнали толпу из корпуса».

«Мы сидели как ни в чем не бывало на втором уроке, и вдруг разом посыпались пули по нашему классу; стекла летели вовсю. Дежурный офицер скомандовал: «ложись», и мы на животе поползли с третьего в нижний этаж, где и находились без всякой надежды на продолжение своей короткой жизни. Но все прошло

благополучно. После долгой осады корпус был сдан и к нам был назначен комиссар».

Присяга новой власти

«Когда нас привезли в крепость и поставили в ряд для присяги большевикам, подошедши ко мне, матрос спросил, сколько мне лет? Я сказал: «девять», на что он выругался по-матросски и ударил меня своим кулаком в лицо; что потом было, я не помню, т. к. после удара я лишился чувств. Очнулся я тогда, когда юнкера выходили из ворот. Я растерялся и хотел заплакать. На том месте, где стояли юнкера, лежали убитые и какой-то рабочий стаскивал сапоги. Я без оглядки бросился бежать к воротам, где меня еще в спину ударили прикладом».

«По канавам вылавливали посиневшие и распухшие маленькие трупы (кадет)».

«Нам сняли погоны. Отпустили, вернее погнали по домам. Вскоре разрешили опять приехать, но преподавателей переменили».

«Корпус с октября переименовали в трудовую школу, но жить там трудовым людям было не под стать... трудовые ученики ели только тухлую воблу».

«Расформировали наш корпус, распылили его по всяким приютам. Там нас кадет всячески притесняли... за малейшее ругали... выгоняли на все четыре стороны. – Многие из выгнанных гибли – ***жестоко наказывали».***

Самочувствие детей

«В моей душе столько накопилось горечи».

«Нас «товарищи» называли «змеенышами контрреволюции», как обидно было слышать такое прозвище!»

«Нравственная жизнь в эти годы была ужасна. Жил и чувствовал, как будто я живу в чужой стране».

«Чувствовать, что у себя на родине ты чужой, – это хуже всего на свете».

Обращение советской власти к юнкерам и кадетам за помощью

«В начале 18 года татары хотели устроить свое ханство в Казани. Новое правительство прислало телеграмму к нам и юнкерам, чтобы не сдавались татарам, и обещало прислать поддержку. Юнкера и кадеты дрались с ними три дня. Татары подъезжали к нам очень близко и били по зданию. Малыши-кадеты переходили с одной стороны здания на другую, а старшие выбегали и отбрасывали татар. Подмоги не было прислано. Юнкеров татары оттеснили в кремль, а кадетов в свое здание, и мы принуждены были сдаться. Нас татары вначале не трогали, но юнкеров не оставляли в живых, даже тех юнкеров, которые были в корпусе и прямо заявляли татарам, что они юнкера, и их выводили и рубили».

Поездка домой

«Вагоны полны солдат; стекла выбиты, в воздухе белой пеленой расстилается едкий махорочный дым, толкотня, ругань».

Дома

«Встретил меня полковник, и я отдал ему честь. Он сказал: „Я старый полковник, был храбрый, говорю Вам по совести, чтобы Вы сняли погоны, не рискуйте своей жизнью... кадеты нужны“».

«Император убит. Я оставил это известие без внимания. Разве может Император быть убитым! Разве найдется такой человек, у которого поднимется рука на Императора?»

Поиски родных и возвращение в корпус

«Я поехал в Батум, чтобы разыскать родных, и, не узнав о родных, поехал зайцем в Тихорецкую, но в Тихорецкой я их не нашел; мне сказали, что они поехали в Петроград; не долго думая, я поехал в Петроград. Из Петрограда поехал в Туапсе; отдохнув немного у знакомых, поехал в Одессу, где также не нашел родителей и поехал в корпус»[16].

---

[16] Дело происходит во время гражданской войны. Автор, очевидно, два, если не более, раза переезжает через фронт, о чем даже не упоминает.

«И вот после долгих мытарств попал я в N-ский корпус, где директором был генерал X, этот человек всегда поддерживал нас в тяжелые минуты, хотя самому ему было тяжело».

«Наш директор заменял нам отца».

Эвакуация

«Нам объявили, что корпус эмигрируется».

«Отец мне посоветовал не ездить домой, так как он был болен. Я решил отступать с корпусом».

Прощание

«Наступил день эвакуации... С глубокой тоской простилась мамочка со мной и благословила в тяжелый далекий путь».

«Помню также в самую последнюю минуту, уже со всех ног бросившись бежать к корпусу, я вдруг вернулся и отдал матери свои часы-браслет, оставшиеся мне от отца. Еще несколько раз поцеловав мать, я побежал к помещению, чтобы где-нибудь в уголке пережить свое горе».

Отступление Донского корпуса[17]

«...Большевики были в 40 верстах. Мы, младшие кадеты, были возбуждены. У многих был замысел бежать на фронт. День 22-го декабря склонялся к вечеру, когда нам объявили, что в 8 часов вечера корпус выступает из города. За полчаса до отхода был отслужен напутственный молебен. И сейчас я ярко представляю себе нашу маленькую уютную кадетскую церковь, в полумраке которой в последний раз молятся кадеты. После молебна была подана команда выстроиться в сотни, где сотенный командир сказал несколько слов... У командира, который смотрел на кадет мальчиков, стоявших с понуренными головами, блеснули на глазах слезы. Видно было... что он искренно жалел нас. Наконец мы, перекрестившись на кадетскую сотенную икону, подобравши свои сумочки, тихо стали выходить из корпуса. Это шествие... напоминало похоронную процессию. Все молчали... Часов в 9 вечера мы вышли из

---

[17] Из Новочеркасска через Кущевку в Новороссийск.

города... нас нагоняли обозы... всадники, извещающие... что фронт недалеко, что большевики нас могут настигнуть... бодро ступали по дороге с винтовками за плечами... среди нас были слабенькие... мы ободряли, облегчали их, помогали нести вещи. Чувствовалось сильное воодушевление».

«Особенно жалко было смотреть на малышей, среди которых попадались 8-ми и 9-ти лет... завернутые в огромные шинели, с натертыми до крови ногами, плелись за обозом... Кадеты помогали друг другу и шли, шли и шли».

«Идти было очень трудно, особенно маленьким, которые плакали и часто падали в глубокий снег, но все-таки продолжали идти вперед».

«Помещение отведенное для нас[18] было очень маленькое, так что пришлось спать согнувшись на корточках или совсем не спать. Так проходили мы станицу за станицей, село за селом; дошли до Кущевки... Погрузившись на поезд, мы облегченно вздохнули».

«Приехали в Новороссийск, где умер наш директор и еще много кадет».

Отступление Владикавказского корпуса[19]

«Кадеты... обернувшись на оставшееся позади здание шептали: – прощай, прощай, прощай! Прощай, дорогое гнездо кадет, прощайте, зеленые горы».

«Я очень устал, сидя на одном камне, не мог встать».

«Было очень холодно, снег был глубокий, я чуть не замерз, ноги и руки окоченели, я не мог идти и упал, меня подняли незнакомые казаки и повезли на подводе».

Отступление Одесского и Киевского корпусов[20]

«В этом же месте Киевский и Одесский корпуса тоже хотели перейти (границу), но их обстреляли румыны из орудий, и они несчастные не спаслись».

---

[18] Отдых на ночлеге.

[19] По Военно-Грузинской дороге – зимой.

[20] Из Одессы в Румынию.

На пароходе в Египет

«Нельзя не отдать должного директору корпуса, который делил с нами последний кусок хлеба. Он проводил целые дни на палубе среди кадет, подбодряя их и внося своим присутствием и примером даже веселость».

В Египте

«Этот лагерь находился далеко в пустыне и пищу привозили на верблюдах, которые шли целыми вереницами».

«Там мы жили в палатках среди колючек и камней; нигде даже не было деревьев – и только море, камни и колючки окружали нас».

«Жить все-таки было бы невозможно, если бы не наш директор, который с большой энергией улучшал наше положение».

«Я не ел иногда и ходил по пустыне и вспоминал свой дом... весенние вечера дома... поле с лошадьми, и все это мне было милым и дорогим».

Из Египта в Болгарию

«Донской корпус перевозили в Болгарию. Лица у всех были печальные, как будто расстаются со своим домом... Прощай, наш Египет!.. тяжело стало на душе. Пароход тронулся... Наш кадетский оркестр заиграл марш. Чем ближе к Константинополю... какая-то новая тоска одолевала нас. Вдруг закричали: «Вот Константинополь, вот Константинополь!» Но не доброе эти крики предвещали... На следующее утро было объявлено, что 200 кадет младших классов будут оставлены в Константинополе в одной из школ. И тут разыгрывается трагедия. За последние два года, т. е. в Египте, мы так сжились друг с другом, что это было одно семейство, одни и те же интересы, и каждый стоял горой друг за друга, и каждый из кадет был братом моим. Мне тяжелее было расставаться с корпусом и с кадетами, чем со своими родными. «Строиться на верхней палубе», крикнул дежурный кадет... Директор сказал речь... Напомнил родину, Дон, донское казачество. Многие плакали... Речь кончена, и все, которые должны были высаживаться, кинулись к директору, как отцу родному, с плачем и слезами, чтобы их оставили и не отправляли... Директор не в силах был дольше смотреть и ушел.

Товарищи стали прощаться друге другом, как братья, я не могу описать эту трогательную сцену... В гимназии я уже три года, а все мои мысли и вся моя душа с моими бывшими товарищами и дорогим директором, и все светлые мои воспоминания остались с корпусом».

Прибытие в Югославию

«Когда мы ехали, то по дороге на станциях многие жители подготовляли заранее кульки со сладостями и вообще было очень много пожертвований».

«Сербы нас встретили очень хорошо. На станции они дарили кадетам подарки, давали вина кадетам, чтобы кадеты разогрелись».

Воспоминания о погибших товарищах

«Сколько там погибло дорогих нам кадет». «Сколько их было... героев, еще мальчиков, беззаветно отдавших жизнь свою за правое дело».

* * *

Девичьи институты, эти прежние во многих отношениях спутники корпусов, в некоторых моментах повторяют их печальную судьбу. Вот описание девочки-институтки о роспуске института:

«К нам пришла инспектриса с заплаканным лицом и сказала нам, что мы должны оставить здание. Забрав часть моих вещей – взять все было не по силам десятилетнему ребенку, – я вышла на улицу. Это было перед Пасхой. На улице было холодно. Адрес матери я знала, но дойти сама не могла. Я шла и плакала. – «Чего ревешь?» – раздался надо мной грубый голос. Я остановилась и с изумлением смотрела на незнакомое мне, красное, пьяное лицо. К такому обращению я не привыкла и не могла еще прийти в себя. – «Ну?» – толкнул он меня. – «Нас прогнали большевики» – захлебываясь от слез, проговорила я. Злой хохот потряс тело большевика. – «Так вам и надо, ишь буржуенок! Порасстрелять бы вас всех». – Вокруг нас образовалась толпа, я стала плакать сильнее. Вдруг я по-

чувствовала, что меня кто-то поднял на руки. Я оглянулась. На меня смотрело приятное добродушное лицо мужчины. Узнав мой адрес, он понес меня домой».

Дети вообще нежно прощаются с родными местами, уезжая в неизвестную даль.

«Высунувшись из окна, я смотрел затуманенными от слез глазами на свой родной город, пока он не скрылся у меня из глаз».

«Погрузка кончилась, поезд тронулся и слезы катились из глаз при виде того, как город родной скрывался где-то вдали».

Дети-казаки и казачки во многих отношениях стоят особняком. Они страстно любят свои станицы и находят для изображения этой любви яркие краски и запоминающиеся образы.

«Когда полк проезжал мимо церкви, к брату стали подъезжать казаки, прося его: «Ваше Благородие, отпустите у храма землицы родной взять». Эти закаленные рядом войн казаки плакали, когда набирали «родной землицы» у алтаря, бережно сыпали в сумочку и привязывали ее к кресту».

Защита «родной станицы» приобретает в глазах детей-казаков особое значение.

«Мне в это время казалось, что если мы не пустим большевиков в станицу, то Россия спасена».

«Казачьи сочинения» наполнены описаниями природы.

«Весна! Степь красивым ковром запестрела кругом по-над хутором. Через неделю хутор потонул в зеленых садах... К вечеру тучи затянули небо, ночь легла над хутором. Страшная темная ночь! Ни месяца, ни звездочки не видать на небе. Ветер воет... дождь стучит по крышам куреней, жутко одному в такую ночь дома».

Попадаются бытовые сцены с описанием начала революции на Дону.

«На станичных сходках драки. Артамоновы сыны отца избили! – За что? – За то, что плюнул на их свободу. – А Семен Х-в сыну ухо отрубил. – Свобода».

Если девушки вообще, не находя исхода для своего чувства в активной борьбе с людьми, обидевшими или убившими их родителей, изливаются в выражении бесконечно нежного чувства к дорогим им людям, и особенно к отцам, то у казачек – и это резко выражено в их сочинениях – любовь к отцу приобретает характер культа.

«Папа сидел с друзьями и молча, глядя на раскаленные угли, курил папиросу[21]. Мне всегда хотелось узнать, о чем он думает, всегда хотелось вылезти из-под целого ряда бурок, обнять его и сказать: «папа, не грусти». Красным пятнышком светился огонек его папиросы, бледно освещая его лицо... Любила его горбинку на носу, любила его черные, полные доброты глаза, любила мягкий родной голос».

Многие из детей-казаков по-взрослому непримиримы и рассказывают об этом своеобразным языком.

«Сначала похоронил своего родного братца, проводил племянника, проводил своего любимого папашу, а потом и сам со своим родным братцем (инвалидом) выехал из дому и вот до сих пор нахожусь в отступлении. Жалко было покидать свою мамашу, а ей и подавно жалко было меня пускать, но я настоял на своем: покушал я от них, чертей, и не хотел больше оставаться».

Кадетские корпуса и девичьи институты насчитывают в своих стенах, как уже говорилось, немало не только одиноких,

---

[21] Ночь при отступлении зимой по Военно-Грузинской дороге.

но и сирот. И это придает их воспитанникам особый облик, усугубляемый еще и тем, что сейчас они кроме того и «национальные сироты». Лишенные семьи, а через нее и разностороннего вхождения в жизнь, они часто беднее кругозором, сосредоточеннее на одном, но углубленнее в достигнутом и осознанном. У них особое отношение к своим учебным заведениям, если и не заменившим им (незаменимых), то заместившим для них и семью и родину. Это же, с другой стороны, ставит в исключительное положение и всех тех, кто возглавляет их школы или вообще посвящает себя их воспитанию.

«Она заменила нам родную мать».
«Наш директор заменил нам отца».

Эти лучшие и бесконечно ценные, а вместе с тем так тяжко обязывающие аттестаты выдаются этими сиротами нередко. Таков же и состав учащихся и в двух английских школах в Турции и отзывы детей об иностранцах, не несущих на себе национальной обязанности: заботы о русских детях и посвятивших себя их воспитанию также глубоко трогательны.

«Школа переводится на малоазиатский берег в Эрен-Кей, где проживаю и по сие время... благодаря Бога и людей, у которых осталась... жалость к людям, не имеющим ни родителей, ни крова».

Таковы те самые общие сведения об авторах сочинений, которые почерпнуты у них из их же работ.

* * *

Что представляют из себя детские работы с литературной точки зрения: в каком виде и форме изложены их воспоминания и в чем, наконец, особенность этих сочинений, в чем отличие *детских* воспоминаний от таковых же взрослых?

Все детские сочинения можно грубо разбить на три группы: это или чистый рассказ, или рассказ, осложненный лирикой, то характера элегии или оды, реже сатиры, и, наконец, или чистая лирика, или голое рассуждение, в которых нет ни имен, ни дат, ни событий, а в рассуждениях ни одного слова и об их авторах, а лишь попытка: или как-то эмоционально откликнуться на события, или сделать выводы из пережитого, и притом не самим автором, а всей Россией; попадается и неприкрытое резонерство. Эти типы сочинений нечасто встречаются именно в таком чистом виде, и трудно было бы прикрепить их к определенному возрасту. Многие – и младшие и старшие – поняли свою задачу, как сообщение сведений типа curriculum vitae, другие свели его на записи характера ничего не говорящих протоколов, но это не так уже часто. Все же приближенно можно сказать, что чистые воспоминания принадлежат по преимуществу мальчикам *младшего возраста* и девушкам *вообще.* Юноши дают очень много картин боевых эпизодов, и даже с чужих слов, как самое яркое, «необыкновенное», что они видели и слышали, головокружительных приключений типа (не по их вине) уголовных романов, часто тонкие и глубокие психологические этюды, страшные и кровавые рассказы; есть, понятно, и сочинения непреодоленного гимназического типа. Характерно, что в сочинениях покаянного характера, принадлежащих вообще юношам, изредка еще встречаются упоминания о разврате, но воспоминания и юношей и девушек совершенно лишены любовного элемента[22].

В общем можно сказать, что ценность сочинений старших в том, о *чем* они пишут, – в их *содержании,* в том, что их воспоминания суть свидетельские показания, и притом, что

---

[22] Намеки на него удалось найти лишь всего в двух-трех сочинениях мальчиков.

свидетели рассказывают о преступлениях, совершенных на их глазах или даже с ними самими, когда они были еще маленькими детьми. Дети видели, *знают* и рассказывают столько, сколько видели и могли бы рассказать разве только их мучители. Благодаря своему возрасту они часто проникали в такие места, куда не пробраться взрослому, и фотографически запечатлевали виденное. Кроме того, часто, избив и надругавшись над ними, их «все-таки» выпускают оттуда, откуда взрослые, испытав для начала то же, живыми уже не выходят, и поэтому это как бы свидетели, пришедшие с того света, как бы мертвецы, вставшие из гроба, чтобы обличить своих убийц.

Ниже будут приведены примеры их свидетельств.

Сочинения старших – это «история о том, что видели и испытали русские дети с 1917 года по 1921 год в России, написанная ими самими, и в этом, и, пожалуй, только в этом, их исключительное значение, поскольку мы говорим о самих сочинениях детей, а не о тех выводах, которые можно из них сделать.

Совершенно иное надо сказать о сочинениях младших. Эти сочинения, хотя также заключают в себе «богатый» и страшный фактический материал о пережитом детьми, но центр их значения не в этом. Их не только значение, но и прелесть не в том, о *чем,* а в том, *как* они пишут. Непередаваемое очарование их воспоминаний в той прозрачной безыскусственности, ясной и открытой непосредственности, с которой они повествуют о своем горе и о своих испытаниях. Неожиданность, смелость и яркость образов, чистота языка, искренность чувства, нелукавство мысли – в этом извечном моменте детскости – главное обаяние и несравнимая убедительность сочинений. Благодаря тому, что дети не негодуют там, где взрослый не удержался бы от этого, обвинения их, отзывы и замечания еще сильнее, т. к. совершенно лишены какой-либо преднамеренности.

«Сделали обыск и взяли маму в тюрьму, но после 3-х недель отвезли маму в Екатеринодар, я подошел попрощаться, а красноармеец ударил меня по лицу прикладом – *я и не успел»*.

«Мы занимали одну маленькую комнату, она была вероятно богатых хозяев, так как в ней было очень много дырок от снарядов».

Желая наглядно определить, чем отличались так называемые «первые большевики» от вторых, мальчик пишет:

«Через месяц большевики заняли Киев, тогда не было чрезвычайки, а расстреливали на улицах».

Короткая фраза сразу открывает способ «путешествий» за последние годы:

«Когда я ехал в Новый Сад, мы ехали не на паровозе, а на извозчике».

Естественно, что фактического материала в них меньше, ибо и память-то у них короче захватывает; но от этого они не становятся менее интересными и значительными, ибо относительная со старшими «скудость» фактического материала в полной мере окупается их неустранимой внутренней достоверностью. И хотя в них гораздо меньше специфически современного и гораздо больше общедетского, но и в отношении современности их свидетельства приобретают особый смысл, давая жуткое и нестерпимое сочетание: первозданной детской чистоты и всей той грязи, крови и предела человеческого падения, которые дети не только видели, но в которые их судьба и безжалостно погружала. Это фон, на котором особенно режуще выступают события памятных лет. Некоторые начала сочинений детей, их определения, их слова и образы запоминаются как формулы; сочинения перемежаются описаниями замечательной художественности, сло-

весная беспомощность некоторых искупается передачей внутренней музыки событий. Большое количество приводимых ниже, по преимуществу коротких цитат, выбранных из сочинений детей, как нам кажется, подтвердят и иллюстрируют наши утверждения. Благодаря большому их количеству и разнообразию тем они не только дадут возможность познакомиться с тем, *как* дети пишут, но и попутно «познакомиться» с самими детьми и с их жизнью. Подбор цитат – почему *данное* выражение, а не другое обратило внимание пишущего эти строки, – понятно, субъективен и не может быть обоснован. Так как суть их все же не в содержании, то их очень трудно классифицировать, и рамки, в которые они только для удобства чтения вставляются, рубрики и заголовки, совершенно условны. Приводятся здесь также и слова старших юношей и девушек, но их здесь относительно немного и их легко можно отличить по языку. В оправдание цитирования последних приведу очень меткое замечание подростка в качестве вступления:

«Я пишу теми словами, какими мне все это казалось».

Вот несколько «начал» сочинений:

«Вдруг совершенно неожиданно для меня Государь отрекся от престола».

«Когда на Хасаф-Юрт наступали чеченцы».

«Один раз, когда папа был на войне, и мама служила на службе, и няня была дома, вдруг совсем неожиданно вошли к нам большевики».

«Как-то раз, когда я поссорился с сестрою и вместо обыкновенного: «Спокойной ночи», я сказал «неспокойной ночи», так и было: ночью меня разбудили дедушка и мама, слышались выстрелы... Ночь была холодная. Мы вышли из дома, войдя в какой-то подвал».

Вот окончания:

«Мне было тогда пять лет, я помню, как меня все любили и баловали, но я к этим ласкам относилась очень равнодушно и даже не любила, когда меня осыпали поцелуями и теснили объятиями; и вот после долгих собираньев, мы, наконец, собрались ехать за границу. В каких удобствах мы ехали, описывать я не стану, потому что я думаю, что каждый поймет и наверное знает, как и что».

«Когда мы приехали в Петроград, то первым долгом к нам пришел какой-то комиссар и стал искать оружия, залез в сундук и нашел там маленькую коробочку от колец и брошек, взял ее и стал смотреть. Тогда мама сказала: «Что вы в таких маленьких коробочках ищете оружия», – тогда комиссар строго сказал: «Прошу в мои дела не вмешиваться». Мама сказала: «хорошо». Потом мы сели на пароход и поехали в Сербию».

Некоторые заключения детей по-детски неожиданны:

«Когда мы проезжали берег Италии, то нам отдавали честь немцы».

«Этот дом называли сумасшедшим, потому что там жило много детей».

«Когда я ехала, мне было очень весело. Папа по дороге заболел и нас обокрали».

«Однажды снаряд попал к нам в квартиру, был страшный переполох, т. к. мы еще не привыкли к таким случаям».

«Поезд назывался Максим Горький, и действительно мы поехали не спеша».

Изредка дети шутят, иногда иронизируют:

«В Константинополе я сел на «Австрию» и поехал в Сербию и надеюсь со временем вернуться в Россию».

«Одного мальчика спросили: „Ты коммунист?“ – на что он ответил: „Нет, я православный“».

«Ехали мы в тесноте и в обиде».

«Было найдено много контрреволюционного, то есть чайные ложки, мамины кольца и т. д.».

«Золотые часы, которые папа оставил мне, приняли за оружие».

«И грабили по мандатам и без мандатов».

Вот некоторые отзывы и определения:

«Это были гады, пропитанные кровью, которые ничего не знали человеческого».

«Я начинала чувствовать ненависть к большевикам, а особенно к матросам, к этим наглым лицам с открытыми шеями и звериным взглядом».

«Часто попадались зеленые, т. е. дезертиры».

«Наш поезд был остановлен зелеными, т. е. разбойниками, которые жили в горах и нападали на поезд и на проходящих пешеходов».

«Я пошел в комнату и увидел, что какие-то люди лежат и стреляют; они себя называли зелеными; я не понимал, что это за люди, – на другой день они были красные».

«Вскоре начались так называемые дни бедноты, это у всех отбирали белье и вещи».

«Помню злых комиссаров, которые называли друг друга товарищами».

«Мама не могла приехать ко мне, потому что большевики буянили».

«У нас появилась чрезвычайка и разные большевистские выдумки».

«В это время был сильный голод и каждый человек молился Богу, чтобы дожить свою жизнь до конца».

«Все стали грубыми, озлобленными и голодными».

«Наступило мучительное время, когда все забирают, и сам не знаешь, может быть и тебя возьмут».

«Из России, как из дырявой бочки, все более и более приливало красных»[23].

---

[23] Жалуется мальчик, донской казак.

«Из России я уехал по следующим причинам: когда наши неприятели начали нас беспокоить, то мы были принуждены выехать оттуда в другой город».

«Комиссар сказал, что паспорт наш венгерских подданных, и что он не имеет права расправляться с нами».

«Об этом ужасном годе у меня остались смутные воспоминания, т. к. я была еще довольно мала, но все же помню его, помню что-то красное вокруг».

«Стали делать что-то с царем и выпускать каторжников... Папу увели в тюрьму из-за каких-то бумаг и взяли много вещей».

«Это были большевики, которые вскоре заняли нашу родную землю».

«И жили мы очень хорошо, но вот случилось несчастье – пришли большевики и разграбили все русские владения».

«Большевики все больше и больше забирали русскую землю».

«Я понял, что при большевиках, как они себя называли, нам, русским, хорошо не будет».

«Я спрашивал у своей матери: зачем это все, разве наша родина будет населена другими? Но мать только молча кивнула головой».

Вот образцы уже не определений, а суждений и сентенций, имеющих характер некоторых заключений[24].

«Я купил себе красную ленту и повесил над кроватью, но потом, когда узнал в чем дело, проклинал себя за то, что купил эту паршивую ленту».

«Я сначала думала, что все делается к лучшему, но потом дела пошли хуже, и я поняла, что такое революция».

«Началась революция. Несмотря на свои десять лет, я сразу же понял, что все кончено».

«Помню выкрик одной старухи по их адресу: «У проклятые! Ишь понацепили красного тряпья, так и Россию кровью зальете, как себя бантами разукрасили». И оно таки вышло».

---

[24] В большинстве они принадлежат учащимся средних и старших классов.

«Они собирали людей и говорили, что все будут равны между собой, и что они будут помогать бедным, и что все будут товарищи. Но все вышло наоборот. Голод, притеснения, убийства».

«Мой папа был полковник, дед генерал, и поэтому мы не могли оставаться больше».

«Я увидел израненных офицеров, только что возвратившихся с фронта и нашедших конец свой на родине».

«Ложась спать я забыла помолиться Богу, и в эту ночь убили папу».

«Опять начались обыски и расстрелы, идя по улице, чувствовался запах тления, приносимый всегда с собой большевиками».

«Я почему-то была уверена, что мы не скоро вернемся обратно, потому что уж очень тяжело было уезжать из России».

«Россию посетил голод, мор и болезни, она сделалась худою, бледною, оборванною нищенкою, и многие покинули ее со слезами на глазах. Бежали от нее и богатые и бедные».

«Штыками, пальбой провожала меня Родина. Прощай, больная Мать!»

«Наконец обрушился камень на Россию и раздавил ее».

«Человечество не понимает, может быть, не может, может быть, не хочет понять кровавую драму, разыгранную на родине... Если бы оно перенесло хоть частицу того, что переиспытал и перечувствовал каждый русский, то на стоны, на призыв оставшихся в тисках палачей, ответило бы дружным криком против нечеловеческих страданий несчастливых людей».

Приводимые ниже детские отклики на все ими виденное и испытанное, уже не рассуждения, а преимущественно описания, короткие отрывки воспоминаний, редко размышления, так разнообразны не только по внешнему содержанию, но и по внутреннему смыслу в них заключенному, что, не поддаваясь какой-либо несложной классификации, они располагаются нами по чисто внешнему признаку последовательности описываемых событий. Лишь некоторые мы считаем нужным оттенить.

«Помню первый день революции, я подошел кокну и увидел, как с крыши напротив поднялся голубь и тотчас свалился, подстреленный пулеметом».

«Когда я первый раз вышел из дома, я думал, что на каждом шагу меня укусит собака, и я боялся привидений».

«У нас в печках пеклись куличи, но они сплющились и не могли подняться от сотрясения и гулов орудий».

«Показался грузовик... на нем сидели бабы с красными платками; за ними шла пехота, а за пехотой кавалерия».

«Я до того была напугана большевиками, что ходила, держась за мамино платье; но все-таки я заболела – у меня было потрясение мозга».

«Однажды я пошла гулять, а большевики так выстрелили, что я упала и потеряла штаны».

«Большевики ворвались в дом, схватили моего папу и увели его в тюрьму... На другой день мама и фрейлейн понесли ему обед; я была такая маленькая, что проскочила в ту комнату, где папа сидел и передала ему все. Большевикам показалось это смешно и они меня не тронули».

«Когда отец шел домой, то просился в какую-нибудь избу, и его спрашивали, откуда и куда он идет; и он отвечал, что из тюрьмы; тогда его спрашивали: «кто посадил», и когда он говорил, что большевики, его принимали как родного гостя».

«Французы начали ходить по городу[25] с красными флагами и стреляли от 8 час. утра до 4-х часов вечера».

«Начался обстрел... Вот сидим в погребе, темно, горит лампочка, всем не весело, тяжело на душе».

«Раздался выстрел, девушка упала и из головы у нее потекла кровь. На кровь я подумал, что это лента».

«Единственно, что я помню, это что был обыск в нашей квартире, «товарищи» забрали 3 ф. картошки, $1^1/_2$ ф. сахара и еще что-то, и мы остались без обеда».

«Вдруг вошла мама, она большевиков не боялась, так как ей приходилось часто с ними расправляться. Но видя такую картину,

---

[25] Одессе.

страшно испугалась и сказала, чтобы они уходили, что им нечего здесь делать. Они страшно возмутились, говоря, что какое право она имеет им так говорить. Она отвечала, что имеет полное право, потому что ее дом. Они хотели ее побить, но она им этого не позволила».

«Слезы навертывались на глаза, когда смотрел я на своего отца, человека привыкшего к кабинетному труду, близорукого в пенснэ, который босиком, с бичом в руках, шел рядом с волами и кричал умоляюще: «Цоб Бровка, Цобе Лыска!»[26]

«Свет от пожара освещал церковь... на колокольне качались повешенные; их черные силуэты бросали страшную тень на стены церкви».

«Многие ораторы умели так захватывающе говорить, что водили за собой толпы. Я помню, Махно говорил речь о свободе и уже уехал он. Только пыль по дороге видна. А толпа все стояла, смотря в даль и шепча: «Батько наш, батько Махно».

«Когда мать отдала ему все, что нашла, он еще снял у меня и матери золотые кресты и ушел».

«Они ограбили дочиста нашу дачу, и меня и мать расстреляли, но к счастью и я и мама оказались только раненными и, когда на другой день зеленые были выбиты, нас увезли в лазарет».

«Возле самой насыпи, широко раскинув руки и уставив в небо невидящие глаза, лежал в грязи брошенный солдат; проходящие мимо него крестились и равнодушно проходили мимо».

«На улице до колен лежали всякие новые вещи, примусы, шоколад, материи, тазы»[27].

«Я добрался до города Туапсе, я не мог найти в нем хлеба, куда ни пойдешь, все груши да груши».

«Я даже прослезился, когда смотрел на угол, в котором я не раз стоя плакал».

«Было совсем темно, луна скрылась за тучи и было жутко; мы сели в челнок и отчалили. Сознание, что каждую минуту нас могут

---

[26] Вскоре отец автора скончался, будучи в лазарете, и служащие рассказывали автору сочинения, что перед смертью он все звал: «дети мои, дети!»

[27] В Новороссийске в день эвакуации.

расстрелять, было ужасно. Я слышал биение сердца своего и маминого».

«Ночью босые, без всяких вещей, мы перешли границу».

«Когда пароход отходил от берега, где стоял папа, я страшно плакала, что нет у меня дома, нет у меня родины».

«Катались мы по морям один месяц».

«Однажды вдали показался остров Кипр, думав, что нам тут придется жить, мы очень обрадовались, т. к. остров был красив, но в один прекрасный день пароход начал медленно отчаливать... Вдали показалась земля, это оказался Египет».

«Когда я приехал на тот остров, то я даже не могу описать свою радость – там была трава».

«За горами албанцы стреляли и очень метко».

«Брат застрелился, папа убит на войне, тетя хотела броситься в море, но мама удержала ее за рубашку, а дальше что было, не знаю».

«Еще помню, когда нас выгоняли из России».

«В гимназии было хорошо: много было детей, и мы вспоминали Россию, нашу родину, и мы не забудем ее, нашу дорогую родину».

«Моя кукла кричит: «мама», если ее нажать, и я в честь того, что ее подарил англичанин[28], то я ее назвала по имени Нэлли».

Из общей массы цитат мы выделяем несколько описаний ввиду их особого интереса.

Описание природы

«Дорога была прекрасная... прекрасный сад, виноградники, где-то далеко-далеко слышались удары топора, ночной туман уже начинал сползать в равнины... стало раздаваться пение кузнечиков... Когда я подошел к станции, поезд уже собрался отходить; машинист, стоя у паровоза, показался мне великаном, он в одной рубашке, с завернутыми до локтя рукавами, подкидывал в печь уголь, его медно-красное лицо было озарено кровавым отблеском играющего пламени»[29].

---

[28] Осматривавший английскую школу для девочек на острове Проти.

[29] Одно из очень немногих совершенно «мирных» описаний.

«9-го мая ночью была сильная буря и выпал снег, который лежал три дня, а листья замерзли и были похожи на конфеты».

«В Эгейском море мы были с 1-го и по 2-ое февраля. В ночь под 2-ое февраля, т. е. накануне Сретения, была чудная ночь, месяц сиял, освещая море, в дали видневшийся Афонский монастырь и нас среди моря, без родины, без дома».

Четыре последующих цитаты с рассказом о смерти родителей: матери и отца, принадлежащие двум мальчикам и двум девушкам, две первые – описывающие, две вторые-осознающие смерть, представляются нам совершенно исключительными.

Описание смерти

«Мы его (отца) не могли похоронить, потому что поезд в это время двинулся. Я не помню, что со мной было, а только запомнил лицо папы, когда он лежал в гробу, он как бы уснул».

«Я смотрела на удаляющуюся станцию и думала о том, что я первый раз еду на поезде. Мы проезжали мимо сожженных селений, поездов, которые потерпели крушение, видели кости людей около вагонов... Когда я приехала, то над мамой что-то читали и пели, меня подвели, и я поцеловала маму в венчик, который был у нее на голове... Ехали мы на парусной лодке, нас приносило к советской земле – все молились Богу».

Здесь смерть близких вложена авторами в рамки общей катастрофы, и в результате это приводит детей к глубокому раздумью, широко открытыми глазами недоуменно смотрят они и тихо рассказывают.

Мысли о смерти

«Мама начала хлопотать отдать меня в какую-нибудь школу; она выхлопотала, а сама умерла».

«Здесь в Сербии мы потеряли нашего дорогого папу. Не вынес он всего. Раньше он держался только боязнью за нас-теперь же, когда мы попали в тихую Сербию, – он покинул нас».

Обе говорят об одном. Первая – лишь намекая, а вторая – уже вполне раскрывая намечающееся утверждение первой. Они заключают глубокую и замечательную в устах детей мысль о жизни, которая поддерживается лишь сознанием еще не выполненного долга, и о смерти, приходящей по его выполнении.

Описания бегства

«Мы решили бежать. Грязь, идет дождь, холод, усталые, голодные, но нужно бежать: большевики по пятам гонятся за нами, не успеешь отдохнуть и высохнуть, как опять бежать. В одной деревне нам предсказал один дурак, что от большевиков разве только в колодезь спрячешься, и верно».

«Колеса ломались, слышались орудийные выстрелы. Мы все ехали вперед и вперед. Когда мы проезжали Симферополь – это было ночью – нам представилась страшная картина. Горят дома, там где-то стонут, вот разграбленный магазин – здесь хозяйничали зеленые, – вот на уличном фонаре висит повешенный, а мы все едем и едем... впереди непроглядная темнота».

«Едем мы уже целый день, на дворе мороз. Это было в ноябре месяце. Приезжаем мы в какую-то деревушку, там все были больны тифом и черной оспой. Пришли мы в одну хату, а там одна только девочка. Мы спросили, где же ее родные, она нам ответила, что их только что похоронили. Ну, мы у нее и остались. Проспали мы у нее ночь и проснулись очень рано, а сзади за нами гонятся большевики; орудия гремят, бомбы разрываются. Вот уже наконец все стихло и поехали мы снова быстрее: справа была высокая гора, а слева был глубокий обрыв. Едем мы, едем, вдруг слышим какой-то крик и грохот. Потом мы узнали, что в этот обрыв свалились три телеги. Я страшно боялась, что свалятся и наши дрожки. Ехали мы так целый месяц и приехали мы в Польшу. В Польше мы сидели три месяца в плену; кормили настам одним хлебом и селедками; потом папа нашел у себя какой-то паспорт и по этому паспорту мы выбрались из плена. На границе нам перерыли все вещи и даже у моего брата взяли игрушечный револьвер. Жила я в Сербии целый год не учась. Папа не знал, куда бы меня определить, и, наконец, определил меня в русскую очень хорошую гимназию».

Во всех трех рассказах, особенно в первом и третьем, прекрасно передано, временами в тонах сказок на эту тему, ощущение погони.

Спасение от смерти

«Толпа в несколько человек направилась к сараю, в котором спрятался отец. Мое сердце усиленно забилось, в голове зашумело, и я почувствовал, что почва уходит из-под моих ног. Я упал на землю и, закрыв уши, лежал вниз лицом, чтобы не видеть, не слыхать того, что они будут делать с отцом. Прошло несколько тягостных минут. Ни криков, ни выстрелов. Я подошел. (Обыскивающие) вышли из сарая и пошли дальше искать по двору. Слава Тебе, Господи, слава Тебе, прошептал я слова молитвы. Отец был спасен».

«В то время[30] на юге была масса шаек под названием «повстанцев». Они делали налеты с целью грабежей и еврейских погромов. Свидетельницей одного из таких погромов была и я... С утра в городе было очень тревожно... Во всех домах шли приготовления (к спасению себя и своего имущества). Уже с обеда были слышны орудийные выстрелы, а потом мелкой дробью затрещали пулеметы, все ближе и ближе; стали слышаться стоны и крики, рев голосов. Скоро эта бойня охватила наш квартал... Врывались... Вытаскивали за одежду и волосы, грабили, издевались... убивали. Пули летали по всем направлениям, то и дело попадая и в убиваемых и в убийц... В это время к нам в дом, рыдая, вбежала одна из моих одноклассниц евреек, она что-то бормотала, что, я не могла разобрать. Но моя мать все поняла. Мы были русские, и нам не грозила опасность. Нельзя же оставить погибать бедную девочку за то, что она еврейка. Быстро закрыла мама дверь моей комнаты и стала утешать ее. В это время по коридору раздались грубые шаги, заставившие маму выбежать к ним навстречу. – «А нет тут у вас жидовки, давайте поищем?» – спросил главарь и он хотел войти в мою комнату, но мама быстро загородила ему дверь, стала ему что-то говорить, что, я не слышала, я только видела лицо Розы. Этого лица я никогда не забуду. Весь ужас смерти выразился на ее лице, казалось, вот-вот она

---

[30] После ухода немцев с Украины.

сойдет с ума, и стыня от сознания, что у меня на глазах произойдет что-то ужасное, я бросилась на колени и начала горячо молиться. В это время маме удалось уговорить их, что у нас жидов нет, и они ушли. Но у меня на всю жизнь останется в мозгу вид человека, которого должны сейчас убить, и он уже совсем перестал жить».

«Не помню, в каком году это было, но помню хорошо, что летом, когда мы все сидели и обедали, и вдруг дверь открылась и появился мужчина, весь бледный как глина, и слышим только одно слово от него – «спасите»; мы, конечно, все испугались, но поняли, в чем дело: оказалось, что он был офицер и за ним гнались, и он забежал потому, что мы жили на одной улице. Бабушка, покойница, сейчас взяла и посадила его в печь и наложила дров, как будто хочет затопить, и вдруг появились в дверях эти несчастные гадины, чего стоит один их вид! Они перерыли всю квартиру, но их Господь не допустил до кухни и они прошли мимо и даже ногой не стали в кухню».

Во всем предыдущем изложении, давая групповые характеристики авторов воспоминаний, говоря о языке сочинений и иллюстрируя свои утверждения цитатами подлинных выражений авторов, неизбежно попутно вскрывалось и само содержание воспоминаний. И тем не менее, все же необходимо специально остановиться на содержании сочинений, как бы, казалось, ясно оно не встало уже из предыдущего, не исчерпав этой темы до конца, мы не в силах будем уяснить себе ни поведения детей в прошлом, ни особенно настроения юношей и девушек в настоящем. Задача эта, с одной стороны, очень проста, а с другой – и очень сложна. Мы уже говорили, что «воспоминания» в главной их массе представляют из себя рассказ, осложненный суждениями и откликами авторов на виденное, слышанное и испытанное, откликами или на конкретные индивидуальные факты, или на общие события и идеи. Таким образом, мы имеем рассказ с бесконечно разнообразными эпизодами и ряд откликов на отвлеченные

темы, регулярно в сочинениях повторяемых и из них естественно возникающих, наконец, единую тему всех воспоминаний, если только слегка отвлечься от каждого из них и заглянуть немного глубже. Рассказ детей обычно вдвинут в своих крайних пределах в рамки 1916–1921 г., в большинстве же 1917–1920 г.; он есть, в сущности, повесть о русской революции; эпизоды, передаваемые в рассказе, необыкновенно разнообразны: это и восторженная встреча англичан в Архангельске и немцев в Киеве (в последнем случае омраченная двойственностью отношения к их приходу: враги – избавители), партизанского отряда в Могилеве, отступление по Сибири и блуждание по Монголии, жизнь среди горцев на Кавказе, пустыня в Египте и скитания по Балканам, боевые приключения, поездка ночью через фронт для спасения от комиссаров знакомой девушки; обновление икон и т. д. и т. д.

Нечего и говорить, что передать эти эпизоды, даже неединичные, нет никакой возможности. Приходится ограничиться только простым перечислением тем, не только видимых или возникающих для читателя из сочинений, но самостоятельно и отдельно трактуемых детьми. Эти темы, – расположив их в порядке того, как часто они повторяются, – суть родина вообще и Россия в частности (есть разные оттенки), революция, большевики, школа, Добровольческая армия и отношение к иностранцам.

Родина. Значение и то внимание, которое уделяется в сочинениях этой теме, исключительны. Ниже я буду говорить, в каком необычайном внешнем противоречии находится пережитое детьми в России и их отношение к родине, в какой мере наполняет, и что дает, и от чего охраняет их идея родины. Мысли о родине заключены в огромном большинстве сочинений. Тема эта так важна для «воспоминаний детей», что ей посвящена в настоящем сборнике специальная статья. Отрицательное отношение к революции, принесшей детям

личные несчастья и нанесшей, по их представлению, страшный удар России, – всеобще. Добавлю только, что у некоторых авторов это доходит до того, что они считают себя виновниками в положительном отношении к революции в первые ее дни –

> «Я радовался, когда пришла революция, и вот что теперь случилось» –

и рассматривают свои личные несчастья как наказание за грех своего минутного увлечения. Отношение к большевикам достаточно ясно из предыдущего. Участие учащихся в Добровольческой армии естественно заставляет их не только описывать, но и оценивать ее. Два-три сочинения говорят о полном разочаровании, не делая из этого каких-либо дальнейших выводов, многие резко, чаще горько критикуя ее недостатки, критикуют ее все же как *свое* (даже и в настоящем) дело. Большинство вспоминает о героизме, жертвенности и гибели своих родных и близких.

Отношение к иностранцам двояко: оно резко- и общеотрицательное к ним как недостаточно активным участникам общей борьбы с большевиками на территории России, и столь же положительное к ним – как к оказывающим помощь детям и их родителям вне России, в изгнании (исключение и здесь делается для некоторых народностей, населяющих бывшие области России, пребывание на территории которых вспоминается с чувством горечи). И то и другое излагается не столько в форме рассуждений, сколько в передаче фактов. Тема – отношение к иностранцам – требует того, чтобы на ней остановиться, т. к. форма отзывов о них иногда имеет характер благодарности, а потому и требует передачи... Дети помнят и благодарны не только за то, что им дают сейчас. Многочисленны отзывы учащихся: в Моравской Тшебове и

Праге-о Чехии[31], в русских учебных заведениях в Югославии – о сербах, в двух английских школах – об англичанах. Но дети вообще внимательно отмечают все, что было им, хотя бы и мимолетно, сделано доброго и хорошего. (Так не баловала их судьба за эти годы!) И как разнообразна эта галерея народов, как показателен для картины скитаний детей один ее перечень: японцы, негры, индусы, турки, болгары, сербы, хорваты, чехи, американцы, англичане...

«Когда японцы узнали, что на корабле есть дети, то они часто приходили к нам, а один раз японка подарила картинки».

«На этом пароходе я первый раз увидел негра, со мной было еще много русских детей, и этот негр подозвал нас к себе пальцем и повел в столовую; там он нас угостил сгущеным молоком и кофе с белым хлебом; после того, как мы закусили, он нас повел в машинное отделение, но жаль, что не умел говорить по-русски, а только показывал знаками, он нам показал весь пароход».

«Ко мне хорошо относился один старый индус (он говорил, что я похожа на его дочь), который часто мне доставал все без очереди».

«Когда мама болела, то этот турок часто приносил нам апельсинов, приносил мясо, хлеб, сухари, ну, вообще все».

«Мы жили у одних болгар, которые хорошо нас приняли, очень хорошо».

«В Сербии мы почувствовали к себе доброжелательное отношение, которое не встречали последнее время у себя на родине».

«Приехав в Белград, я сразу прежде всего отправился в какой-то дом помыться и там, узнав, что я русский, дали мне помыться и даже любезно предложили мне позавтракать».

«Я никогда не забуду сербов, которые приютили нас, как братьев».

«Хорваты были очень добрые и приносили торты и целые корзины то картошки, то масла, то всяких пирогов».

«В Праге к русским относились очень хорошо. Нам дали теплые вещи и консервы».

---

[31] Эти первые потому здесь не приводятся, что они были уже напечатаны в двух предыдущих изданиях Бюро.

«На Пасху в Галлиполи американцы каждому ребенку дали по яичку, по куличу и по плитке шоколада».

«Мы, беженцы, были в ведении англичан, которые к нам очень хорошо относились».

«На пароходе был очень славный капитан и его помощник – англичане, они очень были с нами детьми ласковы».

Есть и еще две темы, о которых в их отвлечении ничего почти не говорится, но которые все время слышатся; это религия и семья. На этом более подробно мы остановимся ниже.

Несмотря на такое разнообразие содержания сочинений, все они заключают в себе и нечто единое – есть в них одна общая и главная тема; главная в двух отношениях: для самих сочинений и для нас, как пытающихся установить духовный облик русских детей, русской молодежи в изгнании, то единое, что из всех этих 2400 сочинений образует одну страшную повесть, единый двухтысячный детский хор. Певцы – разных возрастов и неодинаковой музыкальности, с голосами неодинаковой красоты, диапазона и тембра, виртуозы и безголосые. Но одна музыкальная тема и одна мысль: горе и страдание – свои, своих близких и своей родины. Кровь и смерть. «Жалкие воспоминания о России», как, отступая от «официального» заголовка, жалостно и жалостливо озаглавила свой грустный рассказ одна десятилетняя девочка. Нет в них смеха, нет беззаботности, редкие упоминания об играх, не веселые, а напряженно болезненные и неразлучные с действительностью.

«Придя домой, я надел матросский костюм, взял винтовку отца и попросил маму сделать мне звезду. Мама заплакала, сняла с меня костюм и спрятала его вместе с винтовкой».

«Началась война и игрушки были навсегда забыты, навсегда, потому что я никогда уж больше не брал их в руки: я играл ружь-

ями, шашками, рапирами и кинжалами моего отца – других забав у меня больше не было».

«Каждый день мы играли в сестры милосердия».

«Один раз мы играли в госпиталь, у нас были лекарства, сестры, больные. Мальчики были санитары, врачи».

«Мы с сестрой ушли на балкон и с ожесточением били горшки от цветов, говоря, что это мы избиваем большевиков».

«Мы с братом налепили из разноцветной глинки людей, сделали город из кубиков, и в нашем маленьком городе были те же волнения: слепленные куколки стояли в очередях за хлебом, а солдатики бунтовали».

В сотнях сочинений говорится о горьких слезах:

«Я так долго плакал, что у меня подушка промокла и пожелтела».

«Я уехал и всю дорогу плакал, вспоминал Бога и молился ему», –

говорится о горячих молитвах маленьких детей за родителей.

«Несколько раз к нам отец приходил по ночам, а на рассвете уходил, а мы молили Бога, чтобы он спас его от большевиков».

«Бледная от страха, я бросилась на колени перед иконой и начала горячо молиться».

«Я в страхе забилась в последнюю комнату и, упав на колени, начала усердно молиться Богу. Мне казалось, что большевики убьют маму и нас всех».

Вот эта тема, о страданиях и горе, поистине и есть главная, почти для всех без исключения сочинений, главная и для них и для нас.

Но и в этом единстве есть свое страшное многообразие: виды и варианты страданий бесконечны. Разрушение старого уклада жизни, оставление родного дома, скитания, холод, голод, бегство, обыски, издевательства, аресты близких, их – иногда на глазах детей – убийство, соблазнение детей с целью

выпытать у них, где их родители, и, наконец, истязание самих детей.

Всего не передашь. Остановимся лишь на нескольких моментах. Вот что дети слышали и видели и о чем они рассказывают.

Зверства и расстрелы

«Одна (сестра милосердия) был убита, и тот палец, на котором было кольцо, отрезан».

«Офицеры бросались из третьего этажа, но не убивались, а что-нибудь себе сламывали, а большевики прибивали их штыками».

«Всех расстрелянных присыпали чуть-чуть землей, так что собаки тащили тела убитых. Жители стали возмущаться; и ночью они их увезли в каменоломню, обложили динамитом и взорвали».

Пришел знакомый и стал рассказывать о том, как-

«Пришли большевики к нему в дом и убили жену и двух детей; вернувшись со службы, он пришел домой и увидел, что весь пол был в крови и около окна лежали трупы дорогих ему людей. Когда он говорил, он постоянно закрывал глаза; его губы тряслись, и, крикнув, вскочил с дивана и, как сумасшедший, вылетел во двор, что было дальше, я не видела».

«По улицам везли на подводах умерших солдат; в крови на половину отрезанные головы, которые болтались через край подводы».

«Матросы озверели и мучили ужасно последних офицеров. Я сам был свидетелем одного расстрела: привели трех офицеров, по всей вероятности мичманов; одного из них убили наповал, другому какой-то матрос выстрелил в лицо, и этот остался без глаза и умолял добить, но матрос только смеялся и бил прикладом в живот, изредка коля в живот. Третьему распороли живот и мучили, пока он не умер».

«Несколько большевиков избивали офицера, чем попало: один бил его штыком, другой ружьем, третий поленом, наконец, офицер упал на землю в изнеможении, и они... разъярившись, как звери при виде крови, начали его топтать ногами».

«Помню я жестокую расправу большевиков с офицерами Варнавинского полка в Новороссийске. Этот полк возвращался с фронта, чтобы разойтись по домам, и должен был выехать на пароходе из Новороссийска. Большевики потребовали у солдат этого полка, чтоб они им выдали своих офицеров. Солдаты сначала не соглашались, но потом выдали, так как большевики пригрозили им, что не выпустят их из города. Ночью офицерам привязали к ногам ядра и бросили с пристани в воду. Через некоторое время трупы начали всплывать и выбрасываться волнами на берег. Проходя по набережной, я несколько раз мельком видала их. Ужасно тяжелое воспоминание оставалось потом. После этого долгое время никто не покупал рыбы, так как стали в них попадаться пальцы трупов».

«Я быстро подбежал кокну и увидел, как разъяренная толпа избивала старого полковника; она сорвала с него погоны, кокарду и плевала в лицо. Я не мог больше смотреть и отошел от окна, но никак не мог забыть эти зверские лица толпы. Но через несколько часов долгого и мучительного ожидания я подошел к окну и увидел такую страшную картину, которую не забуду до смерти: этот старик-полковник лежал изрубленный на части. Таких много я видел случаев, но не в состоянии их описывать».

«Вот женщина с воплем отчаяния силится сесть в тронувшийся поезд, с диким смехом оттолкнул ее солдат, с красной звездой дьявола, и она покатилась под колеса поезда... Ахнула толпа».

«Расстрелы у нас были в неделю три раза: в четверг, субботу и воскресенье, и утром, когда мы шли на базар продавать вещи, видели огромную полосу крови на мостовой, которую лизали собаки».

Чрезвычайка

«Познакомился с чрезвычайками, – сколько трупов и неизвестно за что».

«Открыли чрезвычайку, там так пахло, что слышалось на других улицах».

«Дом доктора реквизировали под чрезвычайную комиссию, где расстреливали, а чтобы выстрелов не было слышно, играла музыка».

«Добровольцы забрали Киев, и дедушка со мной пошел в чрезвычайку, там был вырыт колодезь для крови, на стенах висели волосы, ночью я не мог спать, то снилась чрезвычайка, то что стреляют».

«Я пошел поглядеть в подвал чрезвычайки и то, что я там увидел, заставило меня выскочить обратно. Весь пол был залит кровью, на полу лежало несколько трупов. У одного из них лицо было как решето».

«Большевики ушли, в город вступили поляки. Начались раскопки. На другой день я пошел в чека. Она занимала дом и сад. Все дорожки сада были открыты и там лежали обрезанные уши, скальпы, носы и другие части человеческого тела... разрывши землю, власть нашла массу трупов с продырявленными горлами. На русском кладбище откапывали жертвы, все со связанными проволокой руками, почему-то черные и вздутые».

«Изуродованные трупы, массы скелетов в чрезвычайке, особенно Киевской, – и я иногда доходил до того, что в каждом трупе видел своего убитого, т. е. расстрелянного в чрезвычайке брата».

«Один случай очень ясно мне запомнился: когда перевели чрезвычайную комиссию в другое помещение и мы могли придти повидаться со своими, после свидания, когда все были уведены, пришли чекисты и стали выволакивать из двора ужасные посинелые трупы и на глазах у всех прохожих разрубать их на части, потом лопатами, как сор, бросать на воз и весь этот мусор людских тел, эти окровавленные куски мяса, отдельные части тела, болтаясь и подпрыгивая, были увезены равнодушными китайцами, как только что собранный сор со двора; впечатление было потрясающее, из телеги сочилась кровь и из дыр досок глядели два застывших глаза отрубленной головы, из другой дыры торчала женская рука и при каждом толчке начинала махать кистью. На дворе после этой операции остались кусочки кожи, кровь, косточки, и все это какая-то женщина очень спокойно, взяв метлу, смела в одну кучу и унесла».

«Вечер. Тишина нарушалась выстрелами и воем голодных псов. Пришла старая няня и рассказывает вот что: (она была в числе заключенных и чудом выбралась оттуда) заключенные, избитые, раздетые, стояли у стен, лица их выражали ужас, другие с мольбой смотрели на мучителей, и были такие, чьи глаза презрительно смотрели на негодяев, встречали смерть, погибая за родину. Начались пытки. Стоны огласили... своды гаража, и няня упала; ее потом вынесли вместе Струпами».

«Мама начала просить, чтоб и нас взяли вместе с ней; она уже предчувствовала и не могла говорить от волнения. В чрезвычайке

маму долго расспрашивали, чья она жена. Когда мы вошли в комнату, нашим глазам представилась ужасная картина... Нечеловеческие крики раздавались вокруг, на полу лежали полуживые с вывороченными руками и ногами. Никогда не забуду, как какая-то старуха старалась вправить выломанную ногу... Я просто закрыла глаза на несколько минут. Мама была ужасно бледна и не могла говорить».

Похороны убитых

«После ухода Черняка все трупы были похоронены, а собрали их все в женской гимназии. Посреди гимназии лежала израненная наша начальница Колокольцева. Ее сверху накрыли, потому что она имела ужасный вид».

«Помню большой Владимирский собор в Киеве и в нем тридцать гробов и каждый гроб был занят или гимназистом или юнкером. Помню ясно крик дамы в том же соборе, когда она в кровавой каше мяса и костей, по случайно найденному ею крестику, узнала сына. Мурашки бегают по коже, когда почувствуешь этот крик. Помню взрыв пленных офицеров в Педагогическом Музее. Помню...»

«Офицеры устроили в Ставрополе восстание, но оно было открыто, всех ожидала несомненная смерть, казни производили в юнкерском училище: вырывали ногти, отрезали уши, вырезывали на коже погоны и лампасы; через несколько дней большевики оставили Ставрополь; оставшиеся в живых отслужили молебен; все убитые были похоронены в братской могиле. Я с папой была на похоронах, хотя мама меня не хотела пускать; панихида была во дворе юнкерского училища; родственники убитых плакали – я в первый раз в жизни видела у папы на глазах слезы; архиерей служил панихиду и плакал; воздух был наполнен запахом разлагающихся трупов; во дворе были кучи навоза – из одной кучи торчала человеческая рука – после панихиды мертвых повезли на кладбище; за гробами ехали два брата, которые были заперты большевиками в погребе: их было заперто трое, но один не вынес 4-дневного заключения и умер с голоду; два другие остались живы, но были бледны, с искусанными руками до крови. Они не могли стоять на ногах и ехали в экипаже, за эти четыре дня они поседели. Придя домой, я не могла есть несколько дней – эта картина стояла перед моими глазами».

Страдание и смерть родителей и близких детей

«Потом мы поехали в деревню, там большевики убили моих папу и маму».

«Потом большевики выкопали несколько ям и закопали убитых и моего папу тоже».

«Пришел вестовой и сказал, что отца повели к расстрелу. Я не мог проговорить ни слова».

«На другой день, когда они опять ворвались к нам, увидели моего дядю в погонах и офицерской форме, хотели сорвать погоны, но он сам спокойно их снял, вынул револьвер и застрелился, не позволив до себя дотронуться».

«Я уже навеки прощалась с папой, я знала, что его ждет неминуемая смерть с мучениями и пытками».

«Ворвались какие-то страшные люди, совсем не похожие на людей, вооруженные чем попало, схватили папу и увели, кинув нам только, что до 8-ми часов он будет повешен».

«У нас сделали обыск и хотели убить мою бабушку, но не убили, а только ранили рукояткой револьвера».

«И потянулись страшные памятные дни. По ночам, лежа в постели, жутко прислушиваешься в тишине. Вот слышен шум автомобиля. И сердце сжимается и бьется, как пойманная птичка в груди. Этот автомобиль несет смерть... Так погиб дядя, так погибло много из моих родных и знакомых».

«На этот раз были арестованы и папа и мама, я пошла к маме в тюрьму. Я с няней стояла около тюрьмы несколько часов. Наконец настала наша очередь, мама была за решеткой. Я не узнала маму: она совсем поседела и превратилась в старуху. Она бросилась ко мне и старалась обнять. Но решетка мешала, она старалась сломать ее; около нас стояли большевики и хохотали. Я отерла слезы, стала успокаивать маму и показала ей на большевиков. Мама увидела их смеющиеся физиономии и, скорей простившись, сама ушла. После этого свидания я уже не хотела больше идти. Я не хотела, чтоб большевики смеялись над нашим горем».

«Большевики совсем собрались уходить и перед отходом изрубили все вещи и поранили брата. Потом один из них хотел повесить маму, но другие сказали, что не стоит, так как уже все у них отобрали и все равно помрем с голоду».

«Они потребовали мать и старших сестер на допрос. Что с ними делали, как допрашивали, я не знаю, это от меня и моих младших сестер скрывали. Я знаю одно – скоро после этого моя мать слегла и вскоре умерла».

«Я своими глазами видела, как схватили дядю и на наших глазах начали его расстреливать, – я не могу описать всего, что мы переживали».

«В одну ночь большевики пришли грабить фирму, споймали моего отца, связали ему руки и ноги, поставили к стене и били и закопали его в одном белье. Нам потом сообщили, что его убили и привезли его шапку в крови. Моя мать долго не верила и потом она ослепла».

«Я очень испугался, когда пришли большевики, начали грабить и взяли моего дедушку, привязали его к столбу и начали мучить, ногти вынимать, пальцы рвать, руки выдергивать, ноги выдергивать, брови рвать, глаза колоть, и мне было очень жаль, очень, я не мог смотреть».

«Отец перед смертью попросил передать кольцо и часы жене, но получил насмешки, тогда отец ударил по лицу большевика, грянул выстрел и он упал, тяжело раненный, тут его добили прикладами... Два мои старшие брата тоже погибли от большевиков».

«Стали обыскивать, отца стащили с кровати, стали его ругать, оскорблять, стали забирать себе кресты... отец сказал: я грабителям не даю и ворам тоже не даю. Один красноармеец выхватил наган и смертельно его ранил. Мать прибежала из кухни и накинулась на них. Они ударили ее шашкой и убили наповал. Моя маленькая сестра вскочила и побежала к нам навстречу. Мы пустились бежать в дом. Прибегаем... все раскидано, а их уж нет. Похоронили мы их со слезами, и стали думать, как нам жить».

Вот что сами дети испытали.

Соблазнение детей

«Явился к нам комиссар, который нам предлагал конфет и угрожал только, чтоб мы ему сказали, где наш отец, но мы хорошо знали, что они его хотят убить, и молчали».

«Отец скрылся в поле. Я остался один с лошадьми в поле, чтобы снабжать отца пищей; меня притесняют, не позволяют возить много пищи в поле и всячески стараются выпытать, где отец, а я молился Богу, чтобы Он сохранил моего отца и меня от соблазнов, которые мне эти разбойники предлагали».

Аресты и побои детей

«Мамы не было дома. Они пришли и спрашивали, где оружие. Мы сильно испугались, стали плакать, говоря, что мы не знаем, где оружие. Тогда они наставили на нас оружие и стали целиться, чтобы попасть нам в лоб».

«Нас несколько раз водили на расстрел. Ставили к стенке и наставляли револьверы».

«Один из них вынимает свое кровавое страшилище и угрожает тете, что выстрелит в меня, если она не скажет, кто мой отец и где он. Этого я никогда не забуду».

«Мой дядя был офицер, и большевики хотели убить дядю, и они один раз поймали нас на улице, когда мы гуляли. Они взяли бабушку и меня и отвели в такую комнату, где были все пойманные. И из этой комнаты выводили и расстреливали. В другой комнате было уж все пусто – их выводили на площадь и расстреливали. Одну барышню Любу убили. В один день вывели бабушку и меня. Когда уже нацеливались, то я закричала: «Бабушка, я не хочу умирать». С бабушкой сделался столбняк, и она упала, они скорей позвали доктора, но доктор ничего не мог сделать: тогда доктор велел привезти бабушку домой и сказал, что она и так умрет. Когда привезли бабушку и меня домой, то бросили на каменный пол».

«Когда пришли в город большевики, мне показалось, что я один, забытый всеми, но скоро вспомнили обо мне – пришли и забрали, посадили со всеми такими же, как и я, там были старики, штатские и офицеры; приходили и уводили на расстрел. Мне было очень тяжело думать о смерти, хотелось еще жить».

«Они страшно рассердились на маму, что у нее нет денег, и ударили меня плеткой из кожи, которой бьют лошадей».

«Красноармейцы арестовали меня и брата и привели в чрезвычайку. Нас выпустили избитыми и в крови. Когда мы вышли, пуб-

лика обратила на нас внимание. Заметивши это, большевики выскочили из чрезвычайки и открыли по нас стрельбу».

«Они продержали меня до вечера, всячески издевались: били меня по лицу и вечером заперли в клозет. Я выбил окно и убежал».

«Мать была бледна, но я не помню, чтоб лицо ее выражало волнение. Папа что-то говорил с солдатами. Мы дошли до здания, где помещался совет. Нас ввели в большую светлую комнату, по стенам стояли скамьи, на которые нас посадили. Я помню, что в то мгновение я только молилась. Сидели мы недолго, пришел солдат и нас куда-то повели; на вопрос, что с нами сделают, он, гладя меня по голове, отвечал: «Расстреляют». Нас привели на двор, где стояло несколько китайцев с ружьями. Перед нами пронесли убитого священника и кадета. Дальше словно туман покрыл мою душу, я только отчетливо помню гул ружей и ужасные лица. Это было похоже на кошмар, и я только ждала, когда он кончится. Я слышала, как кто-то считал: «раз, два». Я не чувствовала страха. Я видела маму, которая шептала: «Россия, Россия» и папу, сжимающего мамину руку. Мы ждали смерти, но Господь оставил нас для новых испытаний. Вошел матрос и остановил готовых стрелять солдат: «Эти еще пригодятся» – сказал он и велел нам идти домой. Вернувшись... беспрепятственно домой, мы все трое стали перед образами и я в первый раз так горячо и искренно молилась. Это было первое тяжелое впечатление русской бескровной революции».

«Во время обыска они кололи меня штыками, заставляя меня сказать, что где спрятано... издевались над моей матерью, бабушкой и сестрой».

«Как судьи решили, не помню, но помню только, что после обсуждения, когда меня ввели, комиссар так ударил меня в лицо, что я упал без чувств, обливаясь кровью».

Таковы свидетельства детей.

Нам предстоит теперь перейти к попытке обобщения всего изложенного: к попытке дать характеристики детей, на основании их воспоминаний, к раскрытию их внутреннего мира и тем самым уяснению того, как все пережитое на них отразилось, чем отличается современный ребенок, юноша

или девушка, от своих сверстников, не разделивших его судьбы, не испытавших его доли.

Если каждый предыдущий отдел до известной степени заходил в последующий, если, говоря о языке сочинений, мы неизбежно вскрывали и их содержание, то все предыдущее изложение уже дает достаточно материала для суждений и заключений о том, как все пережитое должно было на детях отразиться.

Но мы имеем в сочинениях не только материал для суждений об этом, но и сами суждения – ответ самих детей, юношей и девушек, на эти вопросы. С ними и придется теперь ознакомиться.

Тема, данная детям, – воспоминания о прошлом – создавала для них необходимость больше говорить об этом прошлом, чем о настоящем их состоянии. Поэтому все дальнейшие выводы, схемы, деления условны, грубы и относительны. Только с этой оговоркой они могут предлагаться. Говорить о типах детей на основании только их сочинений было бы неосторожно. Отметим кстати, что один из авторов сомневается в возможности вообще что-нибудь сказать об авторах по их воспоминаниям и иронически пишет:

«В то время, как я пишу, у нас идут разговоры об этом сочинении и, конечно, все они разные. Но одно остановило мое внимание. Будто ученые хотят составить понятие о психологии юношества, какой отпечаток оставила на нем революция, как оно ее переживало и что можно ожидать от этой молодежи в будущем. Знаете, я вообще ученых уважаю, они в огромном большинстве люди хорошие, но я не понимаю, каким образом им взбрело на ум составлять понятие о психологии юношества по сочинениям, которые пишутся два часа, да к тому же с улыбочкой».

Уже предыдущее показало, как мало «улыбок» в сочинениях. Дальнейшее покажет, прав ли юный скептик и по существу.

Начнем с внешнего разделения всех авторов воспоминаний на группы, хотя и вне зависимости от происхождения, пола, учебного заведения и т. д. и т. д., о чем мы говорили раньше. Все авторы могут быть, во-первых, поделены на две группы: дети эмигрантов и дети-эмигранты, слышавшие о России и помнящие ее. Критерий, положенный в основу этого деления, в сущности только кажется внешним, если вспомнить, что значит для детей «помнить о России». Вместе с тем мы можем разделить вторую группу на свидетелей – младших и участников событий – старших. Ввиду неполноты сведений о возрасте детей по классам эти группы можно распределить так: первая – младший и старший приготовительные и половина I-го класса; средняя группа – вторая половина I-го класса, II-й, III-й и часть IV-го; и третья – все остальные. 1-ая группа самая малочисленная, вторая – средняя, и по классам, и по числу авторов, и 3-я – самая многочисленная[32].

1-я группа

Ее мы можем только отметить как таковую соответственными самохарактеристиками детей, иногда целым «сочинением» в несколько строк; более длинные говорят почти исключительно о жизни в эмиграции, большего сказать о ней мы не решаемся. Это – если годы эмиграции продлятся – наша будущая учащаяся молодежь средней школы. Вот их свидетельства:

«Мои воспоминания о последних годах жизни в России».

«Я был на острове, потом я уехал в город Новый Сад, а на острове я видел медузы. Я больше ничего не помню»[33].

«Когда мы пришли на пристань, чтобы уехать в Сербию, я увидел большой пароход».

---

[32] 2-я – это та, о языке которой мы выше писали.

[33] Все сочинение.

«Воспоминаний о моей жизни в Одессе (где я жил ребенком) у меня не сохранилось никаких».

«Я не помню совсем, как мы ехали на волах».

«Через некоторое время мы сели, не помню на какой пароход, мы сначала ехали в трюме, а потом мы перешли в каюту компанию, там было хорошо, там было много детей, потом заболел мой брат и мамочка. Мы приехали в какой-то город, я не помню, как он называется, и я там заболела, не помню, какой болезнью. Я больше ничего не помню».

«Итак мы через неделю были дома (!) – в Сербии».

«Я помню мало, потому что я был мал».

«Россию я помню только по рассказам родителей».

Очень характерно, что, в то время как сочинения старших часто оканчиваются описанием эвакуации, сочинения младших с нее начинаются. Это соответствует их характеристике, как не эмигрантов, а лишь детей, родители которых эмигрировали. Дети этой группы, у которых остались лишь неясные и туманные обрывки каких-то воспоминаний о родине, как будто чувствуют несоответствие заголовка сочинения с содержанием их «воспоминаний о России», и потому так часты у них эти грустно-недоуменные и как будто извиняющиеся окончания: «я больше ничего не помню», «я был мал» и т. д. Есть, однако, и такие, для которых «дома» – это уже не Россия… а Сербия.

2-я группа в смысле материала для дачи типических характеристик-наиболее благодарная. Относительно 3-й, самой многочисленной, для школы самой трудной («доучивающиеся»), могущей оставить среднюю школу окончательно лишь через 4–5 лет, – говорить о типах внутри ее можно лишь условно и не останавливаясь на этом преимущественно. Характеризуя ее всю, дать типы детей, все же их не видя и не слыша – конечно, не широким определением свидетелей, а много более узким, но и глубоким – участников событий,

мы, главным образом, и остановимся на этом моменте, не только по отсутствию места для других указаний, но и потому, что этот момент является основным в смысле выпуклого свидетельства о том, что отличает этих юношей и девушек от их сверстников в нормальное время. Относительно многих участие это заключалось в нахождении в рядах различных антибольшевистских армий, что, как уже говорилось, не охватывает всех его видов. И если, говоря о 3-й группе, в конечном счете мы будем говорить по вопросу о притупленности или, наоборот, обнаженности, обостренности, и психической и моральной, современной молодежи, то для 2-й средней группы этот момент будет лишь одним в ряде других. Этим моментом обе группы значительно сближаются[34]. И свидетели и участники – это те, кто во всяком случае затронуты событиями. И потому, прежде чем перейти к характеристике 2-й группы, необходимо отметить одно сочинение-уникум, прекрасно написанное, принадлежащее юноше, увлеченному естественными науками, который утверждает, что события кровавых лет его нисколько не коснулись. Ни революции, ни гражданской войны он не заметил. То, что из 2000 (приходящихся на 2-ю и 3-ю группы) сочинений, только одно говорит о незатронутости, – является разительным. Вот выдержки из него:

«Весь период гражданской войны я находился в Персии... Время было беспокойное... Первоначально незнакомая и чуждая обстановка сбила и спутала меня; но вскоре я привык... Еще в Персии я заинтересовался естествознанием, находясь под сильным влиянием окружающей, подчас действительно волшебной природы».

---

[34] Размер и объем сочинений старших не дает возможности приводить их целиком, как бы того требовали индивидуальные характеристики, придется опять прибегнуть к выдержкам. В характеристиках второй группы мы почти везде приведем сочинения целиком.

Затем мальчик переезжает в большой университетский город:

«В N я сразу же попал под влияние X, получившего задание основать Z отделение музея в N. Заметив во мне большой интерес к естественным наукам, X занялся мною и вскоре я форменным образом «влюбился» в естествознание».

Следует подробное и прекрасное описание подлинно научных занятий мальчика, и в середине этого описания вдруг вкрапливается фраза:

«Да, совсем забыл, за это время в N пришли большевики. Их приход решительно ни в чем не отразился на моей жизни – жизни, тесно связанной с жизнью ботанического сада... на барабанах сейсмографов не отразился приход большевиков».

Затем следует опять интересное описание научной экскурсии мальчика, совпадающей с бурным периодом гражданской войны в этой области, где он жил, и следуют заключительные строки его сочинения:

«Это самое красивое лето, которое я когда-либо проводил. Таким образом протекала моя жизнь в период гражданской войны. Этот полный кошмаров период ничем не задел меня, он прошел где-то стороною».

2-я – средняя группа

Элементы всех тех «типов» – типических подходов к пережитому, о которых мы будем говорить, иллюстрируя их подлинниками, рассыпаны во всех сочинениях, и приводимые нами в дальнейшем образцы лишь как-то концентрируют в себе один какой-нибудь особенно. Может быть, и не все нами уловлено, может быть, и подлинники будут не вполне

подходить под чистые виды условных заголовков, но все это неизбежное последствие необходимой схематизации. Если детские сочинения – это ряд холмиков, то приводимые ниже сочинения – это их вершины. Вот намеченные типы: 1) путешественник, регистрирующий события в датах; 2) эпически спокойный рассказчик; 3) героическая натура; 4) ребенок с притупленной чувствительностью (особенно характерны для этого типа частые и мучительные отзывы о голоде) и 5) ребенок с незажившей душевной раной, в результате пережитого пораженный: а) виденной кровью и б) испытанным горем, и с различными формами пораженности, можно сказать психофизической и чисто духовной.

1. ***Путешественник.*** Очень многие дети и юноши подробно перечисляют города, места, с датами и фактами, превращая сочинения часто в curriculum vitae, а иногда даже как бы в показание на следствии. Вот одно из таких сочинений целиком.

Мои воспоминания

«Я родился 28 мая 1915 года в Пскове. 20 декабря я уехал в Витебск, 30 января я уехал в Киев, 1-го января 1919 года я уехал в Харьков, где 31-го января у меня умерла 3-х лет сестра. 25 мая я уехал в Новороссийск, 30-го сентября я уехал в Африку, где мне очень хорошо жилось, 21-го декабря я вернулся в Феодосию, 1921 г. я приехал в Сербию в Бакар».

Заканчивая свое сочинение, один мальчик пишет: «вот мое все путешествие», хотя рассказывал он далеко не об одних скитаниях. Очевидно, в его ощущении его жизнь – это скитания.

Одна девочка нечаянно обмолвилась глубоко символическим каламбуром. Вместо «краткая биография» она озаглавливает свое сочинение «краткая география». Этот неумышленный каламбур и глубоко верен, и столь же тра-

гичен, ибо действительно для многих из детей их биография превратилась в «географию».

Непрерывные передвижения и скитания, испытанные многими детьми, по-видимому, очень глубоко их затронули. Многим из них нравилась эта бродячая жизнь, им не сиделось «на месте», они говорят о любви к передвижениям; жизнь бегущая, как разворачивающаяся кинематографическая лента, их затягивала. И это несмотря на нестерпимо тяжелые условия переездов. Можно себе представить, насколько сильнее детей захватила бы эта «география», если б условия передвижения были иные.

2. ***Рассказчик.*** Это представитель большинства, и спокойствие его изложения тоже свойственно его группе. Данное сочинение не заключает описания каких-либо кровавых событий, но и те дети, которые видели и испытали больше, все же часто спокойно отмечают виденное, без комментарий.

Мои воспоминания с 17-го года до сегодняшнего дня

«Мне было три года, когда я был в своей комнате, то моя мама сказала, что мне не до играния, потому что надо уезжать, потому что турки окружили ночью и солдаты сказали, чтобы мы выезжали из Карса. Тогда я стал плакать и не хотел уезжать, но моя няня взяла меня на руки и стала упаковывать папины вещи, но когда она положила в сундук две шашки и взяла револьвер и хотела положить в сундук, то она не знала, что он был заряжен, она натянула курок и револьвер выстрелил и задела пуля мне по голове, я закричал и пуля упала в зеркало, тогда через некоторое время умерла моя тетя. Когда мы сели в вагон, то прибежал наш пес, которого звали «Дик», это был немецкий дог. Тогда мой папа позвал Дика, но он повилял хвостом, завизжал и что есть мочи побежал далеко в горы, и там скрылся. Тогда поезд тронулся и мы поехали, папа очень жалел, что убежал Дик. До Черного моря поехали на поезде, а потом на пароходе, который назывался Габсбург. На пароходе папа купил попугая, я был очень рад и всегда, когда я вставал, то я шел купаться, а потом принимал солнечные ванны на палубе. Разговаривал с по-

пугаем, когда я говорил попугаю, то я брал в горсть воды и брызгал его, он мне говорил «не брызгай», тогда я ему говорил: «попка дурак», а он отвечает: «ты сам дурак». Когда я спал, то я слышал, что пароход сделал толчок, но когда я проснулся, то нам дали другую каюту, потому что ночью пароход нашел на камень и пробил дно нашей каюты и стал пропускать воду. Тогда матросы кое-как засмолили дыры, но не позволили ходить в нее, потому что пока не причалим к берегу, чтобы починить дно, когда мы приехали в Салоники, то нам сказали, чтобы мы высадились с Габсбурга, чтобы пойти всем в баню. За нами приехал паром перевезти нас в баню, потому что было мелко, и пароход стал недалеко от берега, когда паром приехал за мамой и мной, папы не было, он уехал в Константинополь. Я выкупался, тогда я пошел на берег собирать ракушки. Когда мы приехали на пароход и выкупались, тогда пароход тронулся. Я стал смотреть в окно, и я открыл окно, а волна захлестнула, я кубарем упал на пол и ушибся. После началась качка, и я пошел на палубу: все матросы удивлялись, что меня никакая качка не качает, матросы водили меня по машинам, но я ничего не понимал. Капитан говорил, что из меня выйдет славный матрос.

Когда мы приехали в Враньску Баню, нам офицер отвел комнату в гостинице, там поместились и Х-ны, мы всегда ходили в горы за фиалками и черепахами, я поймал с Мишей черепаху, и Миша выдумал запречь черепах, потом папа дал нам визу в N, в котором есть русская школа, в которой я учусь до сих пор».

3. ***Герой.*** Тип менее распространенный, встречающийся чаще в старших классах, где уже с него надо снять чувствующиеся, хотя сознательно и не поставленные здесь, в его обозначении, кавычки. Там дети знают все ужасы войны и жертвенно и идейно все же идут на них. Их захватывает, воодушевляет пафос нравственной красоты, жертвы и подвига. У младших жажда приключений, необыкновенных событий, «куперовских» картин.

Вот одно из таких героических сочинений:

«Когда я лег спать, вдруг открылась дверь и вошел казак: «Ваше благородие, большевики сейчас займут Майкоп». Подводы готовы, мы сели на подводы и уехали. К нам присоединилось войско «Волков» и терская дивизия, мы шли в бою каждую минуту. Дорога была гадкая. Меня Сидор брал на коня, и я ехал на коне. Он вез меня по траве, потому что по дороге было невозможно. Мы приехали в деревню, вдруг откуда ни возьмись, большевики пустили снаряд прямо в дом, стол перевернулся, а самовар сам отворился и вода полилась. «Волки» не испугались и пустились в драку. Снаряды летали, пули свистали. Один снаряд попал в большевистскую пушку, пушка разлетелась на части. А мы уехали. После этой свалки мы приехали на пароход «Дон», после на Херсон и на Австрию, там я познакомился с Мишей и там был турок с длинной трубкой. Сербия. Я познакомился с солдатом, он мне подарил большой пароход на веревке. Я был голоден, он дал мне хлеба и колбасы»[35].

Поездка мальчика, которую он здесь описывает, по-видимому, отнюдь не была внешне удобной и покойной («дорога была гадкая», «по дороге было невозможно», «приехали в деревню, вдруг... большевики», «снаряд», «в бою каждую минуту», «я был голоден» и т. д.), и, однако, ни одной строки с жалобой, ни одной минорной нотки. Даже обратно, мальчику как раз все это и нравится. Риск, опасность, необычайность, значительность событий увлекает его, дает ему удовлетворение. Но эти элементы, осложненные у старших нравственным началом патриотизма, суть извечные элементы героизма, что и дает основание называть мальчика героем.

Само приводимое сочинение замечательно совершенно исключительной, наполняющей его действенностью и необыкновенным, взятым с самого начала и выдержанным до конца темпом. Можно сказать, что язык мальчика находится в совершенно исключительном соответствии с содер-

---

[35] Все сочинение.

жанием рассказа, он столь же героичен, как и сам рассказ. По-видимому, автор его, как видно уже из сочинения, – мальчик яркий. В школе, где он учится, не были зачеркнуты инициалы учащихся, ими проставленные. И вот, читая одно сочинение его класса, я в конце его, после описания скитания и переезда в N, нашел фразу «тут я познакомился с Х. У.». «Наверное, – подумалось мне, – он чем-нибудь поразил внимание товарища, если заслужил специальной отметки, уж не одноклассник ли?» И действительно, дойдя до совпадающих инициалов, я вполне понял его товарища. Можно себе представить его как руководителя и «зачинщика» детских игр.

4. ***Ребенок с притупленной чувствительностью.*** Приходится с большой осторожность так его называть, и особенно автора данного сочинения. Старшие сами говорят: «я отупел», «мне было все безразлично», «виденное на меня уже не действовало» и т. д. Прежде, однако, упомяну о сочинении одной девочки из богатой и культурной семьи. Описывая страшные расстрелы, происходившие около дачи ее родителей, она говорит, что в конце концов к этому привыкла, и затем следует длинный и возмущенный рассказ о голоде, явно произведшем на нее большее впечатление, чем кровь.

Сочинение, о котором мы говорили выше (в выдержках) таково:

«Я не помню, в котором году я выехал из Севастополя, но помню, что я ехал на пароходе под названием «Полония». Мне жилось там плохо, потому что недоставало воды, плохо кормили. Потом нас пересадили на другой пароход Трувор, там жилось хорошо, потому что я познакомился с капитанской столовой. Потом нас высадили в Анхиало и мой папа заболел тифом, его отвезли в Бургас. Потом нас привезли в монастырь, там жилось хорошо – нам выдали белье, посуду, шоколад в плитках».

Здесь, в противоположность постоянным нежным откликам детей на несчастья своих родителей, мы имеем совершенно одинаковые отметки о голоде и о болезни отца, что и свидетельствует о моральной притупленности.

5. ***Ребенок, на психике которого виденное глубоко отразилось,*** затронув его как-то внутренне и не скользнув по поверхности.

1-й вариант[36]

«Что было в России во время революции (февральской), я ничего не помню, я помню только, что я был очень болен. Мы собирались ехать на дачу в город N. Мы ехали туда две недели. В дороге я поправился, и когда мы приехали, я был совсем здоров. Меня все новое очень интересовало... я увидел очень много красивых цветов, которых я никогда еще не видал, и вообще я никогда не был в такой обстановке. Самое на меня сильное впечатление произвела развалившаяся баня (в саду), около нее росли большие кусты терновника... в... середине сада был пруд, на нем росли водяные лилии, а вечером там всегда квакали лягушки... Сосны и ели... земляника... грибы... играл с детьми нашего соседа, папа нам поставил палатку, играли, что это наша крепость, а деревья наши враги... приносили наши детские скамейки и детский столик. Мама нам давала блюдечки, и мы ели варенье. Вечером мы на поляне играли в горелки.

Так я провел лето».

Затем мальчик на зиму переехал в город.

«Уже была полная большевистская власть. На улицах все деревья были срублены и многие дома были разрушены. По улицам ходили солдаты без погон и с ружьями. Часто я видел в окно, как эти солдаты вели куда-то мужчин, женщин и детей. Все это было в N, я помню очень смутно; помню, как на моих глазах два каких-то жида комиссара и солдаты зарезали женщину и двоих детей и как у

[36] Мальчику 13 лет.

одного из жидов были окровавлены все руки кровью невинных младенцев. На меня этот случай произвел очень сильное и потрясающее впечатление, я в этот же день очень сильно заболел, и мне в бреду все время мерещился страшный жид комиссар с окровавленными руками и двое детей.

Потом при наступлении большевиков мы бежали, и сколько страшных картин, которые не мог никто бы описать, пришлось мне увидеть, – все было в крови, и ручьи крови текли по всему пути железной дороги и ярко выделялись на белом снегу. Всюду по пути большевики резали убегающих. Поезд мчался с быстротой молнии, а задние вагоны горели. *Всюду был страшный дым и грохот.* Мне от всего этого стало дурно».

На этом сочинение кончается.

Сочинение это замечательно в нескольких отношениях. Описывая виденное им уже давно, ребенок совершенно перевоплощается и пишет так, что забываешь, что это только уже воспоминания. Это как раз и доказывает, что впечатление глубоко проникло в глубь его психики. Затем оно удивительно той перестановкой, которая происходит в его середине: первая страница-это идиллический, тихий и мирный рассказ. Затем сразу, резко, идиллия обрывается и другая страница, написанная другим слогом, другим темпом, полна кровавых описаний, заканчивающихся каким-то «совершенно недетским аккордом», изображением чего-то стоящего и *слышимого* ребенком за виденными событиями. И первая и вторая часть при этом, бесспорно, художественны. Наконец, нельзя понять, была ли болезнь ребенка причиной или следствием. Имеем ли мы бред (кровью) вследствие болезни или болезнь и бред вследствие крови.

2-й вариант

Ребенок с незажившей душевной раной в результате пережитого им личного горя. Это горе все его наполняет, и только о нем девочка в сущности и пишет.

«Я была совсем малюсенькая, но помню отлично, как нас большевики мучили. Нам давали всякую гадость, как например: черный хлеб с соломой, гнилую картошку, конину протухшую, потом глумились над нами, дадут мне кулек (из-под?) конфет, а маме только одну. Мама не боялась, что ее могут расстрелять и всегда ругала большевиков и выгоняла их из нашего дома, а я начинала ужасно плакать, сама не знаю почему. Мой папа убежал в Екатеринодар, мы тогда поехали за ним, а потом уже поехали в Новороссийск вместе с милым папочкой и он нас отправил в Турцию.

Мне было 7 лет, когда мы выехали из России. Я только помню, что мы выехали из Новороссийска и ехали на пароходе Ганновере. Я очень скучала и очень плакала, что папы нет с нами. Мой папа не мог с нами ехать, потому что он был военный, и ему надо было идти в Крым воевать. Раз утром мама сидела у подруги и пила чай, входит почтальон и вносит ей письмо от генерала Врангеля; мама скорей вскрыла и чуть не подпрыгнула от радости, когда прочла, что папа приедет к нам через неделю. Я тоже очень обрадовалась и начала скакать по комнате, топоча ногами. Когда пришло жданное время, мама скорей побежала на пристань встречать папу, но он не приехал, мама тогда начала ходить на пристань каждый день, но папа не приезжает, мама стала очень волноваться. Раз я сидела в своей детской, вбегает подруга и говорит: «Твоя мама очень плачет, она кажется получила письмо от папиных друзей и от самого папы, что он умер». Я этому не поверила и начала смеяться, но она меня стала уверять, что это правда, я тогда ей поверила и вбежала в комнату, куда мне сказала подруга, и в самом деле мама сидела на стуле, горько плакала и даже не заметила, как я к ней подбежала и крепко, крепко поцеловала, и спросила ее – что с ней: мама мне ничего не ответила, тогда я села на пол и начала плакать. Потом я узнала, что мама плакала о папе. И до сих пор я не могу прочесть того письма и даже посмотреть на него, потому что я сейчас же начну плакать. Дальше я описывать не буду. Мне очень не хочется больше вспоминать о милой родине и о покойном папе».

Сочинение это характерно, как принадлежащее девочке. Девочки и девушки особенно остро реагируют на смерть

близких вообще, а отца в частности. Улыбка в середине этого рассказа – сквозь слезы. По напряженности грусти оно исключительно. Замечательно и то, что несчастие происшедшее в ***России,*** делает для девочки и память о родине несчастной. Ей не хочется вспоминать о «милой родине».

3-я группа

Не говоря уже о «типах», мы все же без труда можем найти некоторые типические подходы, типические сочинения. Здесь, не уточняя, их три: рассказчик, лирик и рассуждающий.

Для первого характерно временами как будто *умышленное* воздержание от суждений, от откликов, как бы страх нарушить и повредить этим объективности изложения.

Для вторых – частая драматизация происшедшего, отбрасывание фактов, их неупоминание, желание передать события преломленными через себя и поскольку они вылились в их настроениях.

Для третьих – отсутствие интереса к фактам и лишь стремление к их обобщенному осознанию. Приведу пример лишь последнего, тем более что и сущность рассуждения юноши интересна:

«В 1917 году я был учеником 3-го класса гимназии. Первые годы революции мало отразились на моей жизни. Лишь с возникновением большевизма жизнь стала создавать те или другие вопросы. Большевизм принес, – как и остальному большинству, – много тяжелого с его обысками и чрезвычайками. Большевизм заставил меня приблизительно и вчерне установить свои взгляды на общество и государство. Другими словами, излечил от бактерий либерализма, которые с детства уже начинали искажать в интеллигентном обществе все понятия и взгляды на жизнь. Лишение нас родины как последний этап принес много печального, – как и всем, – заставил многих и также меня приблизительно установить отношение церкви, государства, общества. Таким образом, события последних лет каждому принесли новое в его взглядах.

Мне кажется, что если бы не было этого сдвига в нашей жизни, болезненного и страшного, то русло, по которому текла моя жизнь, не раскрыло бы и приблизительно тех целей, которые перед нами сейчас, хотя между изменениями жизненного русла и внешними событиями нет обязательного закона причинной связи.

Тем не менее в данном случае этот закон может быть применен».

3-я группа – участники событий. Для того чтобы проследить последствия этого участия, мы возьмем его в наиболее заостренной форме – вооруженной борьбы с большевиками в различных видах; неизбежно благодаря этому нам придется почти исключительно говорить о юношах, а не о девушках. Преждевременные воины и преждевременные хозяйки – так назвали мы их раньше. И уже из приведенных выше цитат видно, что девочки также, хотя и по-женски, но являлись участницами событий. Они, как матери, провожали братьев на войну, заменяли матерей во время их болезней, оставались с младшими детьми, зарабатывали, бросая ученье и т. д. и т. д. Но все же девушек эти годы войны коснулись меньше.

Из всех видов борьбы с большевиками мы возьмем только участие в рядах различных антибольшевистских армий. Рассмотрим причины этого участия. Что побуждало детей идти на войну?

Причины этого явления различны: они не равноценны и не равновелики. Первая – это искание приключений и тяга ко всяческой «батальности», вторая – бездомность, третья – месть и четвертая – патриотизм. Таковы они по многократным указаниям самих авторов. Характерно, что в гражданской войне первая из них почти совсем исчезла.

Число детей, пошедших на войну в силу первых трех причин, по сравнению с четвертой совершенно незначительно. Мы, понятно, должны верить положительным и отрицательным самохарактеристикам детей в равной мере, так как самооговоры детей также возможны, как и похвальба. Тем

более что многие мальчики явно не понимают и не считают, что они себя оговаривают, делая некоторые признания, и эти свидетельства тоже могут быть отнесены к похвальбе, хотя и нездоровой. Не будем останавливаться на тех причинах участия, которые мы иллюстрировали уже выше. Свидетельства о них столь значительны, что привести их целиком нет возможности. Ребенок, горящий патриотизмом, идущий в армию только потому, что в этом он видит свой детский долг (!) перед Россией, – как бы мы ни осознавали его действия – явление глубоко волнующее, знаменательное и бесконечно красивое[37].

«Увидя солдата с погонами, я плакал от радости, и в ту же минуту я решил во что бы то ни стало поступить в отряд. На другой день я отправился к командиру отряда, полковнику Дроздовскому, просить, чтобы он взял меня к себе, он мне отказывает, говоря, что я еще маленький. Я решил без его разрешения поступить в отряд, зная, что он меня *во время похода* не выгонит».

Неудержимо летели они на зарево пожара, окрыленные только любовью к России, часто опаляя свои детские крылья. В нескольких словах об этом не скажешь. Огромное большинство детей, и по их признаниям и как видно из содержания их рассказов, не по личным соображениям брали на свои плечи непосильную ношу.

«Было больно и хотелось кричать: «Спасите». Наконец пришли добровольцы... Россия зовет! – Я слышал ее призывный голос и повиновался ему – со счастливой улыбкой взял в свои слабые руки

[37] Ничто не могло удержать детей: ни родители, ни приказы командования, ни отказ в приеме отдельными военными начальниками. Дети многократно рассказывают, как они пытаются преодолеть все эти препятствия, как разыскивают их родители, как отправляют их домой начальники частей, но они умеют обойти все препятствия.

винтовку. С радостным лицом... шли мы в бой... провожаемые родными... И трижды проклят тот, кто не сумел оценить нашей любви, кто не сумел поступиться своими предрассудками ради величия России».

Обратимся к другим причинам. Потеря родителей и дома. Вот характерное и исчерпывающее свидетельство. Оно достаточно ясно, чтобы его не комментировать.

«Я сел на пароход, поехал в Севастополь... Приехали в Новороссийск. Все мы жили в кинематографе. Через неделю я пошел на вокзал, влез на крышу вагона и поехал в Екатеринодар; там не знал что делать, т. к. денег не было и около трех дней ничего не ел. Наконец решился, стыдно вспомнить, но что же делать, стащил в одной лавке булку, в другой колбасу и съел все это под забором. Ночевал на вокзале. Екатеринодар надоел. Поехал в Ростов, опять на крыше. Там опять нечего было есть – продал свою шинель. Но ее хватило не на долго. Потом, шатаясь по городу, прочел: «N-ские уланы зовут под свой родной штандарт» и адрес. Я пошел записываться».

Как бы ни был незначителен (по числу сочинений) в них представленный элемент мести, мы должны остановиться на этом вопросе длительнее. Здесь, понятно, приходится различать несколько разноценных моментов. Если юноша пишет о *жажде* мести, или *намерении* мстить, или *долге* мести за убитых родителей, братьев, сестер, родину и т. д., то мы вправе предположить, что это переживание еще не глубоко его коснулось. Совершенно иное, когда он рассказывает о том, как он *мстил*: то отдавая себе отчет, то не отдавая, то совершенно спокойно повествуя о своих действиях, как о своем естественном праве или даже обязанности, то горько и с болью каясь в совершенном.

Вот образцы *словесных* намерений:

«Загорелось сердце, хотелось подойти, ударить, убить, но приходилось только молчать и смиряться».

«Я поклялся – мальчишка – отомстить им».

«В этот момент у меня явилось желание мести, мести ужасной. Я готова была сама убить тех, кто убил моих братьев».

«С тех пор я ненавижу большевиков и буду мстить им за смерть отца, когда вырасту большой».

«Коммунисты всячески издевались над моими родителями, и когда я об этом узнал, то решил мстить им до последнего».

«Утешаю себя мыслью, что когда-нибудь отомщу за Россию и за Государя, и за русских, и за мать, и за все... что было мне так дорого. Как «они» глупы. Они хотели вырвать из души... людей то, что было в крови, в душе, в сердце. Не удастся им это, дорого заплатят они за свои подлые, гнусные дела. Наш час пришел».

«После ранения он[38] много страдал, особенно на перевязках, часто бредил и в бреду ругал большевиков, говорил, что если выздоровеет, то отомстит им. Когда на его огороде поспел один огурец, я ему его принес. Он очень обрадовался. Долго он мучился и умер. Когда вырастем я и брат[39], то сможем отомстить за него. Буду драться с ними до тех пор, пока не потеряю и свою жизнь, которая теперь мне не дорога».

Вот рассказы не о намерениях только, а об уже совершенном детьми:

«Я по примеру своих товарищей поступил в армию. Я горел желанием отомстить большевикам за поруганную родину».

«Здесь приходилось неоднократно ловить комиссаров... я мстил им как мог».

«Я очень был ожесточен... Но после я им доказал, не менее взрослого человека».

«Я видел крушение большого поезда и радовался, что так много врагов погибло».

---

[38] Брат, тоже несовершеннолетний.

[39] Другой.

«Это были большевики, которые грозили моей смерти... я пошел в станичное управление и доложил атаману. Они были взяты и покончены. Я получил небольшую награду, которая помогла мне в отношении к оружию. Я бы написал многие вещи, но мала моя размысленность, да и места мало».

Вот еще два признания.

(1)«Злоба против большевиков-убийц и разрушителей вспыхнула с необъятной силой; месть закипела в крови. Я решил поступить в добровольческий отряд и поступил. Одна мысль занимала меня – отправить как можно больше ненавистных мне «борцов за свободу». С трепетом прижимал винтовку к плечу и радовался, когда видел, что «борец за свободу» со стоном, который мне казался приятной музыкой, испускал дух».

(2)«К нам во двор вбежало два комиссара и, побросав оружие, просили их спрятать в погреб от казаков, которые вошли в город. Я указал на погреб и подумал: «прийдут... я вас предам». Жажда мести *взяла верх,* и я не мог успокоиться... Подбежал к солдатам... сказал им про... комиссаров... Их арестовали и увели».

Мы не чувствуем себя призванными оправдывать эту «армию мальчиков, обагрявшую поля своей чистой кровью», ни тем более судить их, но для того чтобы понять, каковы же причины этого озлобления и беспощадности, чтобы восстановить перспективу картины, приведем предшествующие этим двум признаниям[40] тексты сочинений их полностью; вышеприведенные признания являются окончаниями нижеприводимых сочинений. Если бы мы ограничились отдельным, общим, оторванным изложением страданий детей и таким же отдельным описанием мести детей, родившейся у них в результате пережитого, то как бы логически это ни было понятно, индивидуальная и живая связь рассказа была

[40] Отмеченные (1) и (2).

бы нарушена и картина получилась бы если и не неверная, то все же, может быть, психологически неясная (т. к. страдания одного лица не убедительны в качестве объяснения мести другого).

Текст, предшествующий признанию (1).

«Мы получили известие, что отец убит большевиками в одном из боев. Привезли труп отца. Сестра приехала из отряда, в котором она была сестрой милосердия, на похороны. В этот же день большевики заняли город. Я не знал, что представляют собой большевики, и хотел их увидеть. Желание мое скоро исполнилось. Большевики обходили с «обыском» и не замедлили явиться и к нам. Несколько пьяных разнузданных матросов, с ног до головы увешанных оружием, бомбами и перевитых пулеметными лентами, ворвались в нашу квартиру с громкими криками и бранью: начался обыск. Все трещало, хрустело, звенело, все более или менее ценное быстро исчезало в поместительных карманах «борцов за свободу». Прижавшись к матери, дрожа всем телом, я с ужасом смотрел на пьяные, жестокие, злобные лица матросов. Все обыскали матросы, все подверглось разрушению и разгрому, даже иконы срывали эти богохульники, били их прикладами, топтали ногами. Добирались уже до той комнаты, где лежало тело отца. Вот добрались. Злорадный смех, ругань еще более крепкая последовала по адресу покойника, и все матросы окружили гроб. Они стали колоть, бить прикладами гроб, издеваться над телом отца. Мать и сестра, находившиеся до сих пор как будто бы в столбняке, бросились к матросам и стали умолять их не трогать мертвого. Но их мольбы еще более раздражили негодяев. Один из них ударил мать штыком в грудь, а сестру здесь же расстреляли. Мой двоюродный брат, приехавший к нам в гости, попал на штык матроса. Последний подбрасывал брата в воздух, как мячик, и ловил на штык. Меня пока не замечали матросы. Я стоял, словно пораженный, и не знал, что мне делать: кричать, плакать, умолять, просить о пощаде. Я не верил своим глазам. Мне казалось, что все происходящее сон кошмарный, страшный сон. Матросы стали уходить. Один из уходящих обернулся и, увидев меня, закричал: «А, вот еще один...» Затем

последовал удар прикладом по голове. Зашумело в ушах, перед глазами замелькали разноцветные круги, и я упал без чувств. Очнувшись, я ощутил страшную боль в голове и услыхал чьи-то глухие стоны. Передо мной... стали проноситься постепенно картины всего происшедшего. Пролежав еще часа два, я поднялся, шатаясь пошел на стоны. Стонала мать. Между стонами прорывалась бессвязная речь. Через некоторое время она скончалась. Я почувствовал тогда, что я остался один, совершенно один – без родных, без крова и приюта. Все близкое, родное, дорогое так безжалостно отобрали у меня. Хотелось плакать, рыдать, но я не мог... Хотелось поведать кому-нибудь свое горе, да было некому».

Затем следует вышеприведенная цитата.
Текст, предшествующий признанию (2).

«Арестовали отца... Нам не дали даже попрощаться, сказав: «На том свете увидитесь»... После их ухода мы стали молиться за спасение отца... Только через месяц нам удалось его увидеть на работах по погрузке вагонов... Пришли немцы... Отец вернулся... Ему перебили ногу и укоротили руку. (В чрезвычайке или в работах – неизвестно)... Опять большевики... Отец опять попал в чрезвычайку, где он заболел. Чтобы лечь в больницу (которая была при тюрьме), нужно было сесть кому-нибудь из семьи на его место. Мать и сестра, как женщины, не могли, пришлось идти мне. Просидел я в ней 2½ недели. За этот срок меня 4 раза пороли шомполами за то, что я не хотел называть Лейбу Троцкого благодетелем земли русской и не хотел отказаться от своего отца... Каждую ночь совершался обход чекистов... заключенных уводили в нижний этаж на пытки и расстрелы... Однажды после обхода меня взяли в число заключенных идти в подвал. Я не понимал ничего. Голова шумела. Я думал о другом. Мне что-то говорили друзья отца, но я не слушал. Мне хотелось молиться, и я не мог.

В 12 часов ночи за нами пришли красноармейцы, с которыми была одна женщина. Построив нас по росту, они отвели в подвал, темный, сырой, с каким-то неприятным запахом. Раздев нас догола, среди нас были и женщины, они отобрали несколько офицеров и

поставили к стенке. Прогремели выстрелы, раздались стоны. После первых жертв женщина комиссар отобрала женщин и передала красноармейцам для потехи у нас же на глазах. Я находился в каком-то оцепенении... Ко мне подошла чекистка и сказала: «Какой ты красивый мальчик. Знаешь что! Идем со мной на ночь и ты будешь счастлив. Ты многое узнаешь и станешь моим товарищем». Не слыша моего ответа, она грубо засмеялась и потащила меня в смежную комнату. Не помня себя, я закричал и заплакал. Она оттолкнула меня и сказала: «Уведите назад этого паршивца, я сегодня не в настроении». Очутившись в камере, я потерял сознание. Очнулся уже дома, на своей кровати с перевязанной головой. Папа выздоровел и сменил меня. Я уже больше трех недель лежал в горячке. (Приближалась Добровольческая армия.) Придя домой, я застал... сестру в слезах. Ничего не говоря, сестра указала на газету. Я взял и опустились руки. Там было написано, что сегодня ночью отец и другие будут расстреляны, как бывшие офицеры-черносотенцы. Мы не знали, что делать. Решили пойти отслужить молебен Преподобному Даниилу, святому отца».

После этого следует вышеприведенное признание (2).

После всего предыдущего, после всех этих испытаний в невероятных и непереносимых даже и для взрослого размерах, испытаний, навалившихся на плечи русских детей, мы уже не удивимся и тем последствиям, которые этими испытаниями вызваны. И обратно, можно удивляться относительно небольшому проценту учащихся, свидетельствующих о том, о чем могли бы говорить все. Нижеприведенные цитаты представляют некоторый крайний предел, умышленно мной выделенные и подобранные, чтобы читатель, зная, что это предельный детский пессимизм, сам мог, отступив, вернуться в своем представлении действительного к некоторой верной средней линии. Большинство цитат относится к прошлому детей, то есть к тому моменту, когда кровавые события были для них как раз не прошлым, а настоящим.

Хотя они и менее интересны поэтому, т. к. являются актуальными лишь предположительно, однако думается, заслуживают того, чтобы и на них остановиться.

Свидетельства о прошлых делах и настроениях

«В то время[41] я был настоящим босяком, не раз собирал вокруг себя банду таких же как я мальчишек и пускался на опасные и рискованные дела».

«Мы так ехали без приключений, и мне казалось это скучно».

«Я шел впереди, а за мною сзади шел красноармеец, наведя на меня ружье, на меня смотрел народ, и мне очень это нравилось».

«Зато атака хороша. Забываешься в красоте полета. Шашка в руке блестит. Впереди одна заветная цель – сойтись, сшибиться грудь с грудью».

Последующее описание интересно тем, что как будто ударение рассказа не на страданиях деда, а на плохой стрельбе красных.

«Когда дедушка пришел, в доме хозяйничали матросы, случайно пришедшие с обыском. Увидав моего дедушку, они начали в него стрелять из наганов на расстоянии *полутора шагов. Из 4-х выстрелов,* сделанных ими, попала только одна пуля, выбивши зуб, и вылетела около сонной артерии».

Болезнь в результате пережитого

«Постоянные обыски, взволнованные лица моих родных, ложные слухи об убийстве отца – сильно подорвали мое здоровье – несколько месяцев пролежала я в сильной горячке».

«Смерть папы особенно как-то на меня повлияла.

Черты болезненной психики

«Я стал раздражителен, стал часто болеть и т. д.».

---

[41] Киев при белых.

«Я ходил в парк, где расстреливали и хоронили в Царском саду».

«Когда перестрелка немного стихла, я бегал в морг и приемный покой смотреть трупы, после чего оставалось у меня брезгливое воспоминание и отсутствие аппетита, но все-таки я удержаться не мог и на следующий день бежал опять».

Притупленность. Огрубение

«Ко всему можно привыкнуть. Привыкла я к холоду, и к голоду, и к замерзшим трупам».

«Странно, что отъезжая от родной земли, я не чувствовал никакой жалости, настолько развились у меня животные чувства».

«Многие стонали и охали, что потеряли Россию, а мне Россию было не жалко, потому что я не видел там ничего хорошего. Все время война, а потом голод. Жизнь моя во время революции была похожа на жизнь животного, которому не было никакой заботы, кроме желудка. Я тоже стонал, но только стонал от голода».

«Мне, если можно так выразиться, надоели все переживания и сама мысль о смерти потеряла свою остроту».

«В грязь падало все: и нравственность и глубокая религия, которую я унаследовал от своих родителей. Партизанские отряды, участником которых я был, изломали мою душу. Я теперь это понимаю. Грубая нечувствительность к чужим страданиям вытеснила прежнюю кроткую любовь к человеческой личности».

Апатия. Безразличие. Усталость

«Я выехал из Новороссийска на пароходе... Но и здесь не было того, что я почти бессознательно желал. Я не знал, что мне необходимо спокойствие, чтобы отдохнуть от пережитых ужасов, но его не было».

«На меня напала апатия – полное ко всему равнодушие».

«После некоторого времени у меня настало состояние полнейшей апатии: я устал жить. Это звучит смешно для тогдашнего моего возраста, но... да, я устал жить».

«Из Крыма мы должны были бежать в Новороссийск. Какое-то безразличное настроение и апатия начинали овладевать мною. Помню, что проезжая по одной незначительной улице, я обратил внимание на одну старую вывеску бакалейного магазина, и у меня

промелькнула мысль, что надо запомнить, как она висит, я даже особенно заметил одну букву «а», которую я до сих пор помню».

«Две недели, окруженные мутными водами Черного моря, плыли мы в Константинополь, и за эти дни я чувствовал, как далеко уходило от меня мое детство и как тяжела бывает порою жизнь».

Черты отчаяния

«Я почувствовал, что в сердце у меня выросла большая немая боль, которую нельзя ни передать словами, ни описать. Вместе с гибелью семейного очага, я увидел разбитым и мой духовный мир. Я упрекал себя, что я перестал любить людей».

«Мне пришлось на пароходе отправиться в белый свет, не зная примут или нет. Когда я попал на пароход, то вдруг со мной случилось такое, что я сам себе не мог объяснить, – мне было совершенно безразлично до всего окружающего, захотелось умереть и больше не видеть этого мерзкого мира».

«Крах (фронта)... все погибло, все надежды, все старания, все, все... и я принял отраву, но, к счастью, меня вылечили и внушили, что мне нужно жить, что стыдно и позорно умереть, испугавшись жизни. Я глубоко благодарен профессору Х за его наставление».

Заключение

«Я никогда не забуду пережитых мною прямо сказать кошмаров».

«Вот что сделала с нами наша русская... революция».

«О годы, годы! вы прошли, но вы остались на челе, на душе и на теле. У меня тоже остались воспоминания о вас – есть и на теле».

Вот уже свидетельства, относящиеся к настоящему времени.

Отзвуки прошлого

«Находясь в N, только и жду случая, чтобы в руки взять винтовку».

«Отступление... ранение... заразился тифом. Потом подряд два других тифа... Эвакуация... Попадаю в N, работаю 2½ года и вот, наконец, я опять у тихой пристани, но меня опять тянет к этому жизненному водовороту».

Недетскость

«С 1918 г. постоянно моя душа стала ожесточаться».

«Все это я вспоминаю как в тумане, моя душа находится в каком-то безразличном состоянии. Мне абсолютно никого не жаль».

«Столкновение с нагою действительностью, действительной жизнью, сделали нас, молодежь нынешнюю, пожилыми и многоопытными в смысле знания всяких оборотных сторон и изнанок жизни».

«Кровавый режим, ужасное время расстроили меня: я стал очень нервен и раздражителен. Я не могу читать современных книг; мне кажется, что с ними я повторяю кровавую страницу русской истории».

Душевная опустошенность. Отчаяние

«Я поехал в N. Прошло 3 года. Я вырос и стал более осмотрительным, стал вглядываться кругом себя. Я оглянулся и с ужасом заметил, что ничего того святого, того доброго, что вкладывали в меня папа и мама, – у меня нет, а если и осталось что, – то этого было так мало, что нельзя было и считать. Бог для меня перестал существовать как что-то далекое, заботящееся обо мне: Евангельский Христос. Встал передо мною новый бог, бог жизни... Я стал не тем милым мальчиком, который при виде бедняка просил у папы денег, но тем юношей, который видит перед собою в розовом тумане белую, как из слоновой кости, девушку... и полным эгоистом, который готов для своего счастья поступиться счастьем других, видящего в жизни только борьбу за существование, считающего, что высшее счастье на земле это деньги».

«Я стал почти психопатом, стал нравственным калекой; малограмотный, озлобленный, ожесточенный на всех, запуганный как лесной волк; я хуже волка... вера рухнула, нравственность пала, все люди ложь, гнусная ложь, хочется бежать, бежать без оглядки, но куда я побегу без средств, без знаний... о, будь все проклято!»

«Боже, Боже! мои горькие слезы остались чужды для всех. Гибни, пропадай, тони в грязи, черт с тобой. Но ведь я не один, нас много калек и от имени всех нас приношу ужасное юношеское проклятие. О, как больно, больно!»

«Люди мало отличаются от скотов... Животные реже нападают друг на друга... Нечего верить в прогресс и в благую природу человека... Наши отцы не пережили того, что мы. Они исподволь подходили к романам с убийствами... От сказок оторвали нас выстрелы... и с этого дня[42] не проходило месяца, чтобы я не видел насильственной смерти. Мои детские уши вянули от ужасной брани».

Затем следует описание бегства приговоренных к смерти родителей, многократные поиски их в квартире врывающимися отрядами, жизнь с младшими братьями и сестрами. Кражи для их прокормления. Поступление в партизанский отряд, действовавший около Польши, расстрел по приказанию начальника пленных комиссаров и затем такое заключение:

«О взрослые, взрослые! Мало того, что вы сами режетесь, вы отравили наши детские души, залили нас кровью, сделали меня вором, убийцей... Кто снимет с меня кровь... Мне страшно иногда по ночам... Успокаивает меня лишь то, что сделал я все это по молодости, и вера в то, что есть Кто-то Милосердный, Который простит и не осудит, как люди!»

«Я многого не понимаю из прошлого и мучительно встает вопрос, что же далее».

Мною умышленно было сконцентрировано почти все самое яркое и тяжелое из свидетельств, взятых на эту тему из сочинений.

Что же в результате всей нашей работы мы должны признать? Можем ли мы, как ни тяжело это для нас, тяжело для нашего национального сознания, основываясь опять-таки на этих же сочинениях, сказать, что перед нами целое поколение малолетних стариков, несчастных, остро нуждающихся в по-

---

[42] В 1917 году автор первый раз увидел убийство матросами отставного генерала.

мощи инвалидов, людей, к которым законно чувство горячей жалости, обязательно дело активной помощи, но возлагать на которых какие-либо надежды совершенно невозможно? Как бы ни тяжел был такой вывод, но мы должны с полной ясностью поставить этот вопрос и ответить на него с полной искренностью и откровенностью. И вот, основываясь только на детских свидетельствах, мы должны решительно этот вывод отбросить.

Израненная русская молодежь, принимавшая активное участие в событиях 1917–1920 годов и находящаяся в русских зарубежных школах, в огромном своем большинстве выздоравливает. Факторы этого оздоровления и выздоровления не новы. Это все те же вечные целители: семья, школа, религия и родина.

По отношению к предыдущим признаниям детей количество таких, дающих возможность делать положительные выводы утверждений детей огромно. Эти факторы не равноценны в смысле своего творчески целительного воздействия и неодинаковы в смысле их значения для детей. Для девочек и девушек из всех четырех особенное значение имеет семья. Для мальчиков и юношей – родина.

«Папа уехал», «папа нас оставил», «мы остались одни» (то с матерью, то без нее) – и ни в одном сочинении ни тени упрека, ни одной законной для ребенка эгоистической нотки.

На фоне постоянно и регулярно виденных детьми смертей и трупов на улицах, чрезвычаек, описывая которые дети говорят не о покойниках, а о телах убитых, казалось бы, возможно было ждать полной притупленности в переживании и своего личного горя. Но мы видим обратное. В общем смятении, ужасе и хаосе дети, и особенно девушки, хватаются за близких, как за последний якорь. Мы видели как, какими словами они рассказывают о своем неутешном детском горе. Вот еще несколько сцен и отзывов:

«Отец позвал меня, посадил на колени и начал говорить, что он уезжает на войну и может быть больше не вернется... Я начал просить его, чтобы он взял меня на войну, но он сказал, что я еще глуп, после этого он сказал, чтобы я никогда его не забывал и молился за него Богу. Отец сел на лошадь и уехал, все плакали, но я очень радовался, потому что папа сказал, что я скоро буду такой же военный, как и он, и тоже поеду на войну, но после мне стало скучно, и я втихомолку плакал».

«Мой папа был офицер N полка, командир первой роты. Его солдаты очень любили, и папа их также очень любил. Скоро папа и его вся рота начали собираться в поход, чтобы ехать на войну. Я не хотела расставаться с папочкой и все время плакала. Наконец наступил ужасный день для меня, когда мама и я поехали провожать папочку на вокзал, поезда еще не было... Пришел поезд, папа с нами попрощался и ушел. Потом я его увидела на площадке вагона очень грустного. Папочка меня попросил сказать стихотворение, которое я знаю с 4-х лет. Поезд потихоньку стал двигаться, папочка меня крестил, а я говорила стихи».

«Когда я увидел отца, то заплакал от радости».

«Мать умерла, не буду говорить о моем горе, потому что всякий знает, как велика любовь к матери».

«В каком настроении возвращался я к моей милой, дорогой мамочке, которая осталась у меня одна».

«Ну, мама, прощай», помню я свои слова, когда я заехал верхом к маме попрощаться; мама тихо подошла, поцеловала меня и сквозь потоки слез произнесла: «Володя, помни, что сказал папа, и не забывай свою мать». Через несколько дней я ехал в рядах N полка, а мысли мои были там, около моей матери, которая осталась теперь одна, отдав трех сыновей своих на благо родине».

«Лучше всего в моем воображении запечатлелся образ моей матери: тихой и доброй, кроткой, как ангел. Это был образ кротости, чего только она мне ни прощала».

Школа. Мы ограничимся, кроме уже ранее приведенных, тремя выдержками из многих менее отчетливых:

«Жестокий ураган большевизма сбил меня с ног, тяжело ранив при этом. Только теперь я начинаю оправляться от этой раны, думаю, что в конце концов она совсем заживет и от нее останется только слабый рубец».

«В конце 18-го года я прибыл в Добровольческую армию[43], прослужил всего лишь два месяца и *потерял ноги*. Один счастливый случай в Константинополе помог мне исполнить мою заветную мечту, а именно – поступить в гимназию, хотя я имел уже 20 лет... да притом из 2-го класса городского училища. Но я все-таки добился своего и поступил в 5 класс, хотя не знал ни одного языка, а о математике и говорить нечего, это была для меня китайская грамота, но... в течение двух лет я заставил себя догнать по всем предметам. В настоящий момент я в 6 классе, учусь почти на круглых 5... На свете нет ничего невозможного: чего бы человек ни пожелал, всего он может добиться».

«Бесконечно рада, что после страшных невзгод мне представилась возможность продолжать образование, а по временам находил ужас при мысли, что в виду тяжелых... условий придется остаться неучем, это для меня равносильно смерти».

Вот также сочинение одной девушки, приводим его целиком. Оно взято мной не как выдающееся, а как среднее, очень характерное для большинства их. Образ современной девушки отчетливо встает из него.

«В 1917 году я жила в Петрограде с мамой и сестрой и училась в институте.

Тихо и мирно жилось мне, ни горя, ни беды не знала я тогда. Часто вспоминается мне это последнее светлое время в России.

Но вскоре все переменилось. Я смутно помню ход политических событий, тогда я еще плохо разбиралась во всем. Помню только то, что меня взяли из института домой и к лету мама, слабая здоровьем, решила переехать со мной в N к дяде. Туда еще не докатилась волна террора. Но постепенно жизнь становилась все тяжелее и тяжелее,

---

[43] Автор 14 лет пошел на германскую войну.

трудно было доставать продукты, а иногда приходилось очень трудно. Лето прошло жаркое, знойное... Осенью меня перевели в Полтавский институт, и мы переехали в Полтаву. Сестра жила с мужем в Петрограде. Маме было очень плохо, здоровье ее ухудшалось. А работать приходилось усиленно. Средств никаких не было. Помню, как старалась мамочка хоть изредка побаловать меня. В следующем году, когда пришли немцы, – приехала сестра с мужем и маленькой дочкой. Стало немного легче, потому что муж сестры служил. Но недолго пришлось радоваться. К зиме Полтава была занята опять большевиками. Мужу сестры пришлось уйти вслед за петлюровцами, и мы ничего не знали о нем. Сестра служила, но получала очень мало. Голодали мы ужасно. Это было тяжелое время, даже жутко вспоминать.

Пришла весна, минуло лето... Осенью ранней пронесся радостный слух: «добровольцы побеждают, скоро придут, освободят, будет хлеб». И мы дождались, они пришли... Но хлеба не было долго. И даже тогда, когда мы вместе с мужем сестры, вернувшимся с Добровольческой армией, уехали в Симферополь, население Полтавы еще сильно голодало.

Первое время в Симферополе казалось сносно, но потом я заболела тифом и проболела до самого Рождества. Вскоре мы продали все оставшиеся фамильные драгоценности, еле-еле сводили концы с концами. Я целыми днями стояла в очередях и сильно уставала. Сестра совсем выбилась из сил, муж ее все время болел. Я сама зарабатывала деньги. А беда большая, сильная надвигалась. Красным зловещим туманом подкрадывались большевики... Добровольцы сдавались... И нам пришлось эвакуироваться в Турцию. Описать все ужасы погрузки, путь в Константинополь невозможно. Много было пережито в эти кошмарные месяцы. Я была одна, совсем одна с гнетущим ужасом одиночества, когда сестра в то время, когда стоял наш пароход на рейде, заболела и с ней вместе съехала на берег мама. Мой шурин служил в Константинополе, но получал гроши и мог помогать только сестре. А я была одна, и на моих руках была крошка племянница, больная и слабенькая.

Ну, в общем, мне всего, что было пережито, не передать так ярко, как хотелось бы.

В начале 1921 г. я заболела возвратным тифом и вместе с племянницей, которая тоже заболела, поступила во французский госпиталь. Пришлось промаяться до самой весны. И мы голодали до тех пор, пока не переехали в английский лагерь Тузлы. Там было очень хорошо, сразу почувствовалось, что хоть на время, может быть, минуло время голода и ужасов.

Я спала и видела о том, чтобы поступить в английскую школу. И наконец мое желание исполнилось. После Пасхи меня приняли (в английскую школу для девочек). Первое время я никак не могла привыкнуть, но вскоре так свыклась, что не хотела даже слышать о переходе в (другую, русскую) гимназию, куда меня хотели отдать раньше. Я очень люблю нашу милую школу, которая дала мне приют, образование и заставила стушеваться картины страшного, тяжелого прошлого. Я не могу представить себе, как бы я рассталась со всеми окружающими меня.

Я учусь уже в VI классе, мечтаю только о том, чтобы получить высшее образование. Кроме того, моя цель – успокоить старость мамочки и дать ей счастье на склоне лет. Моя сестра живет в Америке, но помогать ей не может благодаря тому, что сильно болеет.

Всю жизнь буду благодарна я моим воспитателям, потратившим столько сил для общего блага русских детей».

Свидетельства детей об их молитвах, особенно в минуты опасности, грозящей близким, многочисленны; но, кроме того, мы имеем много доказательств глубокого религиозного сознания, религиозного подхода и религиозного истолкования событий. Надо сказать, что религиозный момент тесно переплетается у детей с национальным: «Россия и вера Христова» – почему мы и не выделяем его в отдельную рубрику.

Из нижеприводимых цитат видно, что будущее детей в их представлении, вера в себя, в смысл своей жизни так тесно и неразрывно переплетается с идеей служения родине, что эта идея и это наполняющее их живое чувство родины, как основной фактор исцеления детской души, выступает ясно и неоспоримо.

«Многие старые люди, уезжая, прежде чем погрузиться на пароход, целовали землю и брали кусочек ее. Я очень жалею, что не исполнила советов моей няни сделать то же самое».

«Хотя я была тогда маленькой девочкой, но я поняла, что такое родина и что такое любовь к ней. В первый день освобождения города я ходила как помешанная, а вечером спряталась под кровать и долго плакала, сама не знаю отчего».

«Но что же можем мы, восемнадцатилетние старцы, искалеченные и измученные (ведь мы знаем, что мы изуродованы!)?.. Несмотря на добросовестнейшие внешние старания, я малограмотен; ведь пробелы 17, 18 и 19 гг. нельзя теперь заполнить. Устроить мирный семейный очаг? – Мне 18 лет, а у меня уже полтора года туберкулез кости, мой сосед, ему 19 лет, и он имеет 14 ран, полученных на фронте. Какие же мы мужья!?»

«Одна надежда на воскресение нашей дорогой родины».

«Мы любим Россию и снова желаем ее видеть могучей, и сильной, и славной страной... Попросим же мы Бога о том, чтобы он вновь взял под свою защиту поруганную и униженную, но не забывшую, несмотря на все гонения, христианскую веру, нашу дорогую Святую Русь».

«Во втором классе я занимаюсь лучше, во-первых, потому что я знаю, что единственное утешение у папы это я... а во-вторых, у меня сознание, что я должна хорошо кончить образование, чтобы помочь папе и нашей дорогой родине всем тем, чем я смогу».

«Так тяжело сознавать, что ты ничем не можешь помочь своей родине, но я верю, что придет это время, когда мы будем нужны ей. Я с радостью готовлюсь к этому».

«Чтобы свергнуть большевистское иго, надо хорошие силы, чистые убеждения, для будущей России нужны образованные люди, которые помогли бы ей стать на прежнюю... высоту».

«Мы – новое поколение, и наш долг положить свою лепту на благо родины».

«Как-то мне попал отрывок стихотворения – чье оно, не знаю, да и зачем?

Черный ворон пьет глазки до донышка,
Собирает по косточкам дань,

Сторона ль ты моя, сторонушка,
Вековая моя глухомань!

Да, именно глухомань. И в ней, в этой глухомани, найдутся светлые святые силы. Она та величайшая залежь, в которой еще много никому неизвестных крепких сил, которые произведут оздоровление России. Где-то там, в глубине необъятной России, появятся люди старинного уклада, которые с именем Божием на устах пойдут спасать Россию...»

«Я поняла, что не в революции дело, не во внешних событиях мы можем найти ответ на все происшедшее, а надо искать его глубже: мне стало ясно, что это вечная борьба добра со злом, которая ведется от сотворения мира. Я верю, что правда восторжествует и Россия спасется светом Христовой Веры!»

Вот, наконец, и некоторые детские же общие выводы.

«Много пришлось перенести за дорогу и жизнь в N: и голод и холод, и нужно было удивляться, с каким геройством переносили все это русские девочки».

«Здесь я вполне отдохнула и телом и душой... все, что было дурного, изгладилось из моей памяти – я помню только хорошее».

«Тут... пробуждают в вас все уснувшие чувства и нежность, и любовь, и юную жизнерадостность. В классах жужжат молодые голоса таких же оборванных, как ты сам, но веселых, с блестящими глазами и светлыми надеждами на будущее».

«Тяжкие страдания, выпавшие на нашу долю, еще более закалили характер, укрепили веру в Божественного Учителя, веру в отечество».

«Нужно жить, бороться и работать».

На этом мы и заканчиваем наш обзор этого замечательного материала.

Многие дни и ночи, недели и месяцы, которые я провел за чтением этих тысяч биографий, заставили сжиться с ними, сроднили с их авторами. Целый рой детских образов носился вокруг меня. На фоне личных несчастий и испытаний детские рассказы приобретали особое значение... Дети так много

рассказывают о виденной ими смерти, что часто, в сотый раз с волнением следя за тем, как судьба ведет ребенка по краю пропасти, я забывал уже, что это «воспоминание», что автор уже вне опасности, что он остался жив, и ловил себя на логически нелепой, противоестественной и даже страшной мысли, но нелепой именно только логически, ибо для всех, кто в массе читал эти воспоминания, она понятна, доступна и даже неотвратима, – на мысли, что в сочинении опущен конец, что в нем нет рассказа о гибели автора. Почему смерть говорит о своем приходе устами других – живых?.. Она говорит так часто и так много, так упорно и неотвязно стоит все время за сочинениями, так неотступно вплотную подходит и смотрит из детских рассказов. Временами приходилось прерывать работу, нервы отказывались. Смерть отца, прощание с матерью – горячая волна жалости приливала к сердцу, читанное днем в кошмарах продолжало жить и ночью... Я чувствую, что не в силах был передать всего, что доверили и рассказали мне 2400 детей, что, может быть, сделал это я неумело.

Мои конечные выводы лишены мрачности и уныния, они бодры, но одна мысль не оставляет меня: без длительного продолжения помощи в ее единственно реальной форме – без школы, наши дети не смогут оправиться, они не выздоровеют. Они слишком утомлены, измучены пережитым, чтобы встать на ноги без чужой поддержки. Затянувшиеся детские раны вновь откроются. Школа, спасающая их от голодной смерти, заменяющая сиротам родителей, успокаивающая и целящая их душевные раны, «островок» потерянной родины – это то, без чего они погибнут.

Пусть каждый, кто понимает и чувствует, что все мы, люди известного поколения, всех положений и воззрений ответственны за судьбу детей, сделает для себя из этого тот вывод, который ясно подсказывает ему его неугасшая человеческая совесть.

Прага, май 1925 года.

В. Зеньковский
Детская душа в наши дни

Настоящий этюд посвящен общей характеристике детской души, какой она выступает перед нами в огромном материале, находящемся в распоряжении Педагогического Бюро. Я старался все время остаться в рамках этого материала, хотя сознаю, что на меня имели бесспорное влияние как некоторые мои личные наблюдения над детьми эмиграции, так в особенности тот материал, который был собран слушателями и слушательницами Русского Педагогического Института в Праге и обсужден в руководимом мной семинаре. Все же, насколько это возможно, я не выхожу за пределы детских сочинений; как ни трудна задача, перед которой я стою, но она и заманчива, ибо мы имеем дело с совершенно конкретными психологическими документами, с подлинными записями пережитого. Эти записи часто вводят нас в самый сокровенный мир внутренней жизни школьников, они рисуют те или иные факты в той форме, как они запечатлелись в их душе. Даже в тех случаях, когда работа выполнена по типу школьного сочинения, она остается ценной именно в этой своей стороне: эти маленькие биографии рисуют детскую душу независимо от воли их авторов. Свежестью и подлинностью веет от этих сочинений, образующих в своей совокупности драгоценнейший сборник материалов по детской психологии: не наблюдения других людей, а простодушные и непосредственные записи детьми пережитого проходят здесь перед нами. Каждый пишет о себе, о своей судьбе, об истории своих близких, – а, в сущности, все пишут об одном и том же – о том, что вошло за последние годы в детскую душу, о том, как она воспринимала события последнего времени и чем отзывалась на них. Все пишут о своем, а, в сущности, рисуют какую-то общую картину, говорят о

детской душе, как таковой. Каждый выбирает из своих воспоминаний то, что кажется ему наиболее интересным и ярким, и этот выбор отражает на себе работу, идущую ныне в душе, – вот отчего, чем больше погружаешься в сочинения, говорящие о прошлом, уже пережитом, тем более начинаешь чувствовать пульс внутренней жизни в наши дни. Эта непосредственная интуиция живого настоящего и преодолевает преграду слов, за которыми укрылись школьники: им кажется, что они только были когда-то детьми, что они с тех пор ужасно постарели и сморщились, – а читатель чувствует, что не изжитое детство ищет своего прорыва. Дети младших классов и молодежь старших классов – это все тот же детский материал, в его разных аспектах и фазах...

Наши сочинения представляют собой ряд «высказываний» о самых разнообразных предметах, поэтому скажу два слова о самых сочинениях. Работы детей до 10–12 лет могут быть выделены в особую группу: они представляют собой тип «протокола», давая простой перечень фактов и не проводя никакого различия между важными и неважными фактами. Вслед за сообщением о смерти кого-либо из близких вы встречаете упоминание о каком-то запомнившемся ребенку подарке... Совершенно также, как при описании какой-либо картины (имею в виду исследования ребенка по методу Бине), дети раннего возраста бессвязно перечисляют все, что изображено на картине, – так в наших сочинениях (первого типа), мы имеем дело с таким же бессвязным перечнем фактов, в котором сущие пустяки чередуются с фактами чрезвычайной важности. Между прочим, в этом очень ярко проявляется правдивость и подлинность записей: дети выдают себя этой манерой рассказа. На следующей ступени (у мальчиков до 14–16 лет, у девочек до 17–20 лет) первоначальный сухой протокол сменяется живым и связным повествованием. Это снова напоминает нам вторую ступень в развитии описаний

картин (по Бине) и вместе с тем красноречиво говорит о том, что, несмотря на все пережитые ужасы, детская душа безостановочно росла и растет. Конечно, за эти годы немало душевных движений было смято, отодвинуто куда-то вглубь, но душа живет другими, уцелевшими силами, прикрывая обычной и знакомой психической оболочкой искривления души и даже стараясь забыть о них... На последней ступени (у мальчиков года на три раньше, чем у девочек) в рассказ привходит элемент раздумья, зачастую (особенно у мальчиков, но нередко и у девочек) принимающий характер резонерства.

Эти различия в самом материале чрезвычайно существенны для правильного использования его: важны здесь вовсе не описываемые факты, а самые высказывания детей. Как содержание этих высказываний определяется «цензурой» сознания и подсознательной сферы, так и форма их определяется общим движением детской души, общим ее ростом, игрой сил в душе. Иногда дети охотно вспоминают былое, даже в его тяжких и скорбных сторонах, словно хотят оглянуться от него и отдать себе отчет в нем, но иногда они не хотят этого, горько жалуются на то, что их заставляют вспоминать то, что им хочется забыть. Иногда былое встает перед ними с такой яркостью и живостью, что они как бы вновь его переживают, а иногда они жалуются, что все забыли, что прошлое почти стерлось. Эти различия в работе памяти и в общей установке в отношении к прошлому свидетельствуют не только о дифференциальных особенностях тех или иных детей: вчитываясь в сочинения, я очень живо ощущал своеобразную борьбу между прошлым и настоящим в детской душе. Иногда настоящее далеко оттесняет прошлое, которое как бы отделяется непроходимой преградой забвения, – и в этом самоохранении от прошлого иногда так ярко ощущаешь тревожное подполье души, от которого единственное спасение кажется в забвении. Я могу

отметить четыре ступени в этой борьбе прошлого с настоящим: на первой ступени стоит почти полное забвение прошлого, которое стихло, куда-то провалилось, оставив лишь следы пережитого, какое-то общее тяжелое чувство в душе. Один из старших учеников пишет об этом: «В сердце моем от прошлого осталась только большая немая боль». Образы прошлого отодвинулись, как бы потонули где-то в глубинах души, и только «немая боль» говорит о том, что позади осталась неизжитая трагедия. Иногда есть даже борьба с этой «немой болью»: так, один мальчик 16 лет пишет: «О погибшем прошлом не жалею, неудачи и невзгоды вспоминать не хочу». Однако именно эти слова говорят о том, что приходится сопротивляться воспоминаниям. Мы переходим этим уже ко второму типу – где забвение собственно не удалось, а есть лишь воля к забвению, где душа не хочет отдаваться воспоминаниям и должна бороться с ними. «Тяжелое затаилось и заглохло в моей душе, – пишет один ученик 17 лет, – от него отворачивается душа». В последних словах удачно передано настроение, царящее в душе: между прошлым и настоящим идет борьба, и это значит, что забвение не удалось, – есть лишь потребность забвения, душа лишь «отворачивается» от прошлого. На следующей ступени мы имеем дело уже с отсутствием воли к забвению: к прошлому, наоборот, тянется душа, ищет возможности погрузиться в него, находя в этом какое-то облегчение. Особенно часто этот тип встречается у девочек: их сочинения вообще больше обращены к прошлому, тогда как у мальчиков они обращены больше к будущему. Тут есть какое-то неуловимое, но глубокое различие в том, что дают душе воспоминания: мальчики больше живут итогами и задачами того, что было пережито, девочки, наоборот, как бы ищут чистых воспоминаний, хотят остаться в них. Оттого третий тип так часто встречается у девочек... На последней ступени надо поставить тот случай, где

прошлое не отпускает от себя души, где оно навязчиво преследует и не дает тишины и покоя. Эти неотвязные воспоминания все время не позволяют жить настоящим, – и это уже почти стоит на грани психического заболевания.

Во всей этой борьбе прошлого с настоящим обнаруживается, однако, лишь внешне и формально то, что происходит в глубине души наших детей. Дело идет ведь не о том, какие образы и с какой силой властвуют в детской душе, – хотя это и вскрывает для нас внутреннюю ее жизнь; в действительности же дело идет о залечивании мучительных ран, нанесенных душе, о роковом балласте, который обременяет душу и не дает ей свободы. Наши дети психически отравлены, пережили тяжелейшие ушибы и вывихи, от которых как бы парализованы и замолкли целые сферы души, – а то, что осталось живым и целым, становится носителем жизни и силится хотя бы прикрыть забвением то, что нельзя уже удалить из души. История детской души в наши дни – есть история ее потрясений и глубочайшего надлома, история ее борьбы за возможность здорового движения вперед, ее самоохранения и залечивания своих ран. Почти все это происходит ниже сознания, в сферу которого прорываются отдельные эпизоды этой сложной и напряженной внутренней борьбы, но зато по этим прорывам можно судить о самой борьбе.

Чтобы разобраться во всем том, чем заполнена ныне детская душа, мы должны разграничить три наслоения в душе, ибо три группы фактов оставили в них глубокий след. Каждая из этих групп вызывала такие опустошения в душе, создавала такие провалы, обрывала такие основные и нужные для детской души струны, – что достаточно было бы действия одной группы фактов, чтобы вызвать серьезнейшее потрясение в душе. Но жизнь наших детей – конечно, в различной степени, в зависимости от возраста и условий жизни – должна была

пройти через тройное испытание, душа должна была трижды быть пронзенной насквозь... эти факты следующие: слом старого уклада жизни, гражданская война и, наконец, «эвакуация», оставление родины и переселение в чужие края.

Обратимся сначала к первому – к глубочайшим переменам в политической и социальной жизни нашей страны, к смерти всего прежнего быта. Все это поразило и потрясло детей – хотя и по-разному: на их глазах рассыпались вековые устои русской жизни, бесшумно и с какой-то бесповоротностью они исчезали совсем... Уже отречение Государя, падение монархического строя взволновали очень многих детей (и мальчиков и девочек) – об этом сочинения хранят удивительные записи, как бы воспроизводя ту скорбь и боль души детской, которые сплели потом невидимый, но многоценный венок на неведомую могилу... Лучи любви и скорби, горькое сознание своего бессилия и тут же фантастические проекты «спасти Царя» – все это заполняет много сочинений. И если многие отмечают, что они тогда не поняли смысла этих событий, то другие все же глубоко перечувствовали их; от рассказов детей веет глубиной и искренностью: это вовсе не навязанный, не внушенный монархизм, а крик сердца. Сильнее и тяжелее, чем политический перелом, поразило детей исчезновение элементов старого быта: нередко встречаются живые описания того, как все заколебалось, все стало неверным и подвижным в глазах детей при виде социальных и политических сюрпризов, свидетелями которых они оказались. Надо отметить, что многих детей нередко забавляли внешние проявления переворота: манифестации и шествия увлекали их, музыка, пение незнакомых песен, знамена и плакаты, красные ленточки – все это интересовало и тянуло к себе. Дети не стыдятся теперь писать об этом, часто сами удивляясь своей наивности. Однако, немало есть случаев и иного характера, когда весь этот уличный шум и гам только

усиливал жуткое чувство, только нервировал и даже озлоблял. Но самым чувствительным оказался для детей – это так понятно – тот перелом, который сказался в их личной жизни. Дети нашей эмиграции в значительной части принадлежали к семьям военных, чиновников, общественных деятелей, помещиков: революция заставила очень многих совершенно переменить образ жизни, многих побудила бросить город или деревню, где они жили, и переселиться в дальние края. На фоне общей социальной суматохи, общего сдвига русской жизни эти личные разрывы со всем тем, с чем срослись и сжились дети, были для них мучительнейшей операцией, против которой протестовала и боролась вся душа. Одна из взрослых учениц драматически описывает, как пришлось ее семье, вследствие нужды, продавать вещи; для нее это одно из наиболее тяжелых воспоминаний, ибо за ним стоит жуткое чувство декпассации, сознание своей социальной беззащитности и падения. «Я забивалась в угол, – пишет эта ученица, – и горько плакала». Такие социальные перемены вообще нелегко переживать, но когда они выступают на фоне общего социального переворота, горечь и обида принимают более глубокий и более разрушительный характер. Каким-то ураганом, все сметающим на своем пути, рисовались им эти непонятные для детского ума перемены: жестокая, злая буря, перед лицом которой все были бессильны, леденила детские души, не могшие часто искать утешения и опоры даже у родителей, которые сами были потрясены не меньше детей. Для тех детей, которых переворот захватил в возрасте пяти-шести лет, он был первым страшным ударом, глубоко потрясшим всю душу. От этого удара душа детей пришла в глубочайшее смятение, задрожала и ощутила свою беспомощность, и еще ближе, дороже стали родные, милее стало то, в чем и с чем жили дети. Часто, часто встречаются указания и на тот «идеологический кризис», на то глубокое смущение совести и

ума, которое мучило их: полная для них неожиданность и немотивированность перелома, его широкое и стихийное распространение, ряд несправедливостей и обид, горько переживаемых родителями, – все это у многих детей вызывало тяжелое ощущение какого-то иного «беспорядка». Дети всегда живо ощущают в мире смысл и порядок, и эта интуиция определяет изнутри и ход детского мышления, и направление их внимания, и их основные чувства. Утеря этой интуиции – иногда это проступает в сочинениях (особенно в описаниях девочек) с поразительной ясностью – подрывала глубочайшие основы всей психической работы, подрезала самые корни ее. В одном сочинении девочка говорит о том, что ей отныне стало все казаться возможным. Те ясные перспективы, в которые раньше гляделась душа, для многих вдруг затуманились, закрылись – и это не могло не сказаться в болезненной приостановке душевной работы, в какой-то утере чувства смысла в жизни, в мире, в отчуждении ко всему. Ярко изображает это один ученик 16 лет: «Моя душа все это время находилась в каком-то безразличном состоянии, мне абсолютно никого не было жаль и ни за кого я не радовался; мне было весело, если было весело всем, и грустно, если вокруг меня были печальные лица – а для чего это все, для чего смерть, которую я видел каждый день?.. Но я оставался безразличен к окружающим...» Потухание смысла передано здесь правдиво и рельефно: самые основы жизни оказались потрясены и почти разрушены.

Но вслед за этим душевным смятением жизнь принесла детям новое, более тяжелое испытание: началась гражданская война. Нередко дети указывают на то, что у них под рассказы взрослых сложились самые фантастические представления о большевиках – вплоть до мысли о каких-то великанах и «больших людях». Но роковой час настал в свое время для всех – все узнали большевиков вблизи. В обзоре детских со-

чинений (см. статью выше) приведено достаточно материала на эту тему, и я скажу только, что опустошения, произведенные гражданской войной в детской душе, неисчислимы и необозримы. Кто-то пишет о том, что большевики вытравили в нем всякое чувство сострадания, кто-то без боли не может вспомнить, как оскорбили большевики мать рассказчицы – когда она пришла в тюрьму на свидание с арестованной матерью. Стон детской души, ее гнев по отношению к угнетателям, незабываемый, словно застывший в душе ужас, – все это зажгло детскую душу такой острой, непримиримой ненавистью, огонь которой не угас и доныне. Дети не раз были свидетелями самых жестоких убийств. «Я видел, – пишет мальчик 12 лет, – убийство женщины большевиками и я в этот же день сильно заболел и мне в бреду все время мерещился страшный большевике окровавленными руками...» «После победы большевиков, – пишет ученица 16 лет, – мне захотелось умереть и не видеть этого мерзкого мира...» Удивительно ли, что в душе появились злоба и жажда мести? Удивительно ли и то, что пишет один ученик 17 лет. «Чувство мести за родных у меня не изгладилось, а все растет и растет»? Иногда этот мотив так силен, что жутко и больно читать некоторые строки, словно вобравшие в себя всю эту страшную, непримиримую ненависть к большевикам. У ряда других детей, у всех девочек нет мотива мести, нет этой острой ненависти и злобы, но и они все ничего не забыли. «Когда изрубили моего старшего брата, – пишет ученик 5-го класса, – я стал диким зверем». В сущности, у всех детей, уже взволнованных и до глубины души потрясенных социальным переломом, зверства большевиков вызвали наружу злые чувства, которые вообще живут в тайниках души, будучи побеждены и усмирены культурой. На глазах детей происходило такое обнажение и огрубение жизни, развертывался такой безостановочный и не имеющий конца поток злых и диких

явлений, что у самих детей не могла не грубеть, не ожесточаться их душа. Социальный перелом их потряс, а большевизм придавил, насмеялся над всем добрым и честным и вызвал наружу злые чувства, порыв мести и ненависти, и все это ядом неисцелимым разливалось в душе и отравляло ее. Девочка
17 лет, спокойная и разумная – как это видно из всего тона работы – пишет: «Многое уже позабыто, многое изгладилось из души, некоторые события приняли какую-то смутную форму, но все же суть, самое главное, что сыграло большую роль в моей жизни, в развитии иного отношения к жизни, живет в душе и годы не изгладят его». Мучительно проходила для многих детей обнаружившаяся с приходом большевиков перемена в отношении к ним, к семье тех, кто раньше служил или работал у них, а затем проявил свою злобу к ним. Это горькое разочарование в людях было особенно тяжело. Большевики появились откуда-то издалека; хотя они измучили, исказили детскую душу, растоптали священное и доброе, что любили дети, но все же они были почти всюду чужие; но «большевизация» населения местного, новое выражение злобы и жестокости на лицах тех, кто еще недавно был ласков и добр, – это все подрезало самые нежные, самые глубокие основы веры в добро. Детской доверчивости, простодушия и непосредственности не могло остаться перед лицом этого проявления зла: в детской душе (и это было у всех!) было смято детство, смята та наивная, но идущая от общей любви к миру вера в человека, которая даже в забитых и запуганных детях живет и легко распускается в симпатии и любви. Но для наших детей все было иначе: из нежной, почти оранжерейной обстановки, в которой было легко и просторно, светло и радостно, от той всеобщей любви к детям, которая во все времена, у всех народов согревает и питает их не меньше, чем лучи солнца, они были брошены в новую, холодную и жут-

кую обстановку. Детских слез, детской мольбы никто из буйствовавших не щадил... Один мальчик рассказывает, как во время обыска он от испуга залез под кровать, чтобы спрятаться. Но в сущности и все дети «прятались», укрывались от холода, злой и презрительной усмешки. В детских душах было грубо и беспощадно смято то, что так им чуждо в ранние годы, – было смято их счастливое неведение мира, нечувствие его зла и холода жизни, их беспечность и беззаботность. Не только смерть близких и родных сделала это, ибо часто в сочинениях вы встретите указание, что первый удар был нанесен убийством или расстрелом чужих людей: нет, приход большевиков вообще означал для детей неожиданное заключение в духовную темницу... Не будем забывать, что дети медленно и осторожно приближаются к реальности – современная психология детства хорошо ныне вскрывает и смысл и корни этого, – а здесь грубо и беспощадно дети были поставлены лицом к лицу с тем, что трудно вынести и закаленной жизненным опытом душе взрослого. Как желтеют и вянут растения без солнца, так морщились и увядали детские души без живительной ласки окружающей жизни – словно замерзали и замирали их души в этом моральном холоде... Одним из самых ярких выражений того, как была замучена детская душа, может служить описание прихода добровольцев: та радость, какой-то экстаз, с которым дети пережили их приход, лучше всего характеризует их замученность, ибо они, конечно, не могли понимать смысла гражданской войны, а могли только чувством своим отзываться на нее. Из многочисленных описаний этого момента приведу лишь два, представляющих для нас особый интерес. Ученик 17 лет пишет: «Лучший день моей жизни настал (пришли добровольцы), и со мной было так, как говорят, бывает, когда душа сближается с Божеством – овладевает неописуемая радость и душа просветляется»... Явлением добра, свидетельством того,

что кроме ужаса и зверств есть, не исчез и мир правды, – вот чем был приход добровольцев для нашего ученика. Его реакция вскрывает нам силу того контраста, который имел здесь место, – глубокая радость о добровольцах была обусловлена невыносимой печалью, перед тем заполнившей душу от гражданской войны. Не менее характерны и строки, написанные ученицей 16 лет. На улицах города появились русские (добровольческие, не красные) знамена, и «это было лучший момент в моей жизни – страшное волнение и вместе с тем небывалое счастье охватило меня, слезы лились из глаз...» Мучительные диссонансы разрешались не часто в таких светлых переживаниях, но кое-где встречаемся мы с таким глубоким, таким тихим религиозным настроением, что и здесь по контрасту становится ясно, как велико было давление жизни на душу...

Некоторые дети пережили в России голод, кое-кто наблюдал людоедство... Одна девочка (16 л.) рассказывает ужасный случай, когда татарка, не выдержавшая голода, бросила в Каму свое дитя, а затем сама пришла от этого в такое отчаяние, что бросилась в воду... Все эти ужасы многими даже забылись, ибо душа не в состоянии изжить их; но погрузившись на дно души и освободив сферу сознания от их давящего присутствия, они все же оставили неизгладимый след в тех опустошениях, которые они неизбежно вызывали. Детское неведение действительности, какой она является в своей неприкрашенной сути, исчезло навсегда; мечтательное отношение к жизни, к людям стало невозможно, и на этой психической почве обрисовалась у детей нашего времени новая черта: некая духовная трезвость, суровое чувство действительности. Отсюда у них вырос столь вообще несвойственный детям живой практицизм, способность приспособляться ко всем условиям, трезвый учет жизни – и за всем этим стоит глубокий сдвиг в душе, почти уже неспособной к

беспечности и романтике. На дне души наших детей притаилось жесткое и холодное неверие к людям и их словам – здесь проходит какая-то глубокая трещина между старшим и молодым поколением, которая не всегда дает себя знать, но которая может неожиданно проявить себя в резкой форме. У одних это выражается в своеобразном материализме, в расчетливости и часто даже циническом использовании людей и обстоятельств, иногда даже каком-то навязчивом, истерическом бесстыдстве, у других – в холодном памятовании о своих интересах, у третьих – в меланхолическом отходе от всего, что кажется «словесностью», в чем нет реальности. Этот реализм и практицизм куплены недешево, детская доверчивость и простодушие оттеснены горьким, беспощадным опытом, притом не случайным а длительным и всеобщим. Со свойственной детям подвижностью их внимания они часто на поверхности веселы, легкомысленны и наивны, но в глубине души как бы царит холодная зима, от которой вымерзли все цветы. Из своих непосредственных наблюдений над детьми эмиграции я много раз убеждался в том, что беспечность и веселье на поверхности ни на одну минуту не парализуют этой строгости, грустной настороженности в глубине души, и почти у каждого ребенка есть как бы обнаженные места, к которым нельзя прикасаться без причинения жестокой боли. Детская душа может забыть многое, т. е. не хотеть и даже уже не уметь вызывать в сознании образы прошлого, но то, что видели глаза детей, что их ужалило, наполнило каким-то сжимающим душу холодом, – это все осталось. Иногда это прорвется наружу – и вам кажется тогда, что эти дети полуживые, что они слишком близко подошли к смерти, к потустороннему, и что от них самих веет какой-то жутью. Исключительное впечатление в этом отношении оставляет сочинение одной девочки (17 *л.*), которая, пережив ряд ужасов в горах Кавказа, спаслась затем в монастыре, где пробыла

два года: те страшные дни, когда в пещере укрывалось несколько семей, защищавшихся от нападений горцев и большевиков, когда все ждали каждую минуту смерти, глубоко-глубоко оторвали ее от жизни. В монастыре это все улеглось и перешло в религиозное ощущение вечной жизни... И вот девочка попала в эмиграцию, попала в институт, и ей странно, чуждо и тяжело глядеть на резвость и шалости подруг, на танцы и хохот: она как бы внутренне «на другом берегу», у нее иссякли источники жизни, подорван вкус к жизни... Конечно, в такой резкой отчетливой форме это встретится нам редко у детей эмиграции, однако близкие настроения, хотя бы и не столь сильные, присущи многим. Если привести фразу одной ученицы: «Я иногда про себя думаю, что мне не 18 лет, а что я уже старуха», то уже к этому чувству какого-то раннего «одряхления», своеобразного taedium vitae стоят ближе высказывания очень многих детей. Но это чувство одряхления лишь несколькими ступенями ниже того глубокого меланхолического отчуждения от жизни, которое мы описывали выше.

Любопытно тут же отметить одно чрезвычайно часто встречающееся настроение, в свете которого детям кажется, что прошлого не было, что все пережитое было лишь тяжелым сном, кошмаром. Эта «дематериализация» прошлого, превращение его в мираж, сказку или кошмар означает в существе своем очень сложный и даже зловещий факт. Прошлое осталось в душе как «инородное тело», его не может переварить душа, не может вместить его в систему пережитого – и оно остается не усвоенное, не растворенное в составе души. Это залог возможного душевного заболевания – ибо дело идет, как в этом легко убедиться при погружении во все эти бесчисленные заявления детей о «нереальности» прошлого, не о том, что прошлое поблекло и стало полуреальным, а о том, что душа не может помириться с прошлым. Вот

один из многих отрывков в данном направлении: «Воспоминание о трупах, которых грызли собаки, везде преследовало меня, но теперь часто мне не верится, что все это было...» (девочка 15 *л.*). Забвение выступает здесь как самоохранение, самозащита души: вспоминать тяжело и невыносимо, и вот этот материал сначала оттесняется, а затем как бы покрывается плесенью, представляется сном, кошмаром. Иногда даже в сочинениях еще живо сохраняется этот оттенок кошмара в воспоминаниях детей. Одна ученица (17–18 *л.*), рассказывая о начале революции и появлении большевиков, добавляет: «И красное, красное всюду...» Каким-то ужасом и жутью веет от этих слов, передающих так живо кошмарную окраску воспоминаний.

Но именно эта невозможность «примириться» с прошлым, хотя бы оно и стало столь далеким, что его, по слову одного ученика 14 *л.*, отделяет от наших дней «целая вечность», – это тяжелое бремя, пригибающее душу к себе – вниз, вызывает по контрасту страстное желание уйти в новую, совсем и во всем новую жизнь. Отсюда во всей эмиграции, а в детях в особенности замечается какая-то радостная, свежая нежность к новым людям, к новым впечатлениям. Как больной, оправившийся после продолжительной болезни, чувствует прилив сил и с какой-то молодой, новой душой обращается к жизни, точно вновь рождается для нее, так и у детей, когда «тяжелый сон» прошел и кошмар рассеялся, ощущается свежая, немного лихорадочная и болезненная привязанность к новым людям, к новым местам и связям. Дружеские отношения возникают с чрезвычайной легкостью – душа как бы ищет компенсации тем страшным опустошениям и провалам, которые образовались в ней за годы испытаний. Это приводит нас к обрисовке влияния на детскую душу третьего крупного цикла фактов в их жизни – их «беженства».

Отъезд из России – об этом подробнее говорит другая статья в сборнике – резко переживался детьми. В том психическом разорении, которое уже было произведено предыдущими испытаниями, отъезд из России не всегда сознавался в своем роковом значении. «Мы были тогда еще совсем детьми, – пишет ученик 7-го класса, – и мысль о путешествии заграницу увлекала нас». Если иных забавляло путешествие, то другие радовались, что наконец избавляются от тревожной и полной опасностей жизни под большевиками. Кое у кого и до сих пор слышна горечь, которая уже тогда была в душе. «Многие охали и стенали, что теряют Россию, – пишет ученик 16 лет, – но мне России было не жалко, потому что я не видел там ничего хорошего». Самые условия жизни последнего времени были часто так ужасны, что отъезд казался единственным спасением.

Однако то, что ждало очень многих, еще раз придавило и ударило детскую душу: почти все дети «эвакуировались» в самых ужасных условиях, среди всеобщей паники и смятения. Многим детям пришлось быть свидетелями ужасающих сцен при посадке на пароход, – кто вообще не помнит этого? Гонимые большевиками, имеющие на выбор – смерть или беженство, многие, хоть и стремились уехать, не могли попасть на пароход и нередко тут же кончали с собой. Легко понять, что вся обстановка эвакуации, часто тяжелое плавание по морю в непогоду, нередко голод в дороге, развитие заразных болезней вследствие скученности, наконец, полная неизвестность впереди – все это было каким-то новым кошмаром, каким-то фантастическим финалом прошлого. Но так или иначе это испытание кончилось, дети попали кто куда... Началась новая жизнь, иногда не сладкая, иногда тихая и добрая, но во всех условиях эмиграции у детей обнаружилась еще одна психическая черта, часто не сознаваемая, но всегда действующая, – это психология бездомности, сознание своей

беспочвенности, оторванности. Словно листочки, оторванные бурей от дерева и далеко занесенные ветром, дети наши, на поверхности беспечные, оживленные, – в глубине души постоянно переживают недостаток почвы под ногами. Так ли это, спросят меня?

Не есть ли это преувеличение или просто приписывание детям того, чего вовсе в них нет? Да, если скользить по поверхности, то это так, но достаточно начать обзор со старших детей и от них спускаться к младшим, чтобы убедиться в действительности указанного факта.

Старшие дети болезненно тоскуют о России. Не привожу здесь фактов, группировку которых читатель найдет в другой статье («Чувство родины у детей»). Но смысл этого чувства не исчерпывается неким горестным констатированием чуждости всей новой среды, – в него входит напряженная и страстная тяга к родной земле. Одна девочка из старших пишет удивительные слова: «Бывают минуты, когда прошлое кажется сном, и *мне до боли хочется пережить его снова*». Странные и чрезвычайно поучительные слова! Вставленные в контекст, они не оставляют никакого сомнения в своем смысле: даже тяжелое, ужасное прошлое милее, ближе, нужнее душе, чем все то, чем живут они ныне. Душа не может удовлетвориться настоящим, ибо в нем не находит ответа на какие-то свои основные, неустранимые запросы: меланхолическое переживание беспочвенности, бездомности, часто скрывающееся в темных глубинах души, гнетет и давит душу. Из этой темной глубины, куда укрылись незаглохшие связи с родиной, со всем, что было родным и близким, и рождается страстная мечта о возвращении к былому. Хоть бы «во сне» еще раз побыть в прежней обстановке... Девочка 16 лет пишет: «Чем больше я делаюсь взрослой, тем больше чувствуется это неизвестное по своей продолжительности изгнание из России». Это значит, что никакие занятия и дела, никакие развлечения

и новые привязанности не могут ослабить тяжелого, мучительного чувства, притаившегося в складках души. Тупая боль, глухое напряжение неизменно сопровождают детей и время от времени прорываются наружу. Чем отчетливее сознает юное поколение – и дети и подростки – реальную обстановку, в которой оно живет, чем более оно понимает, что нужно приспособляться к новым условиям, тем меньше остается психической почвы для мечты, тем, однако, и томительнее внутреннее чувство. Как те, кто вследствие болезни не могут дышать полной грудью и томительно жаждут свежего воздуха, которого им постоянно не хватает, так и дети, беспомощные, бессильные, иногда даже забывшие родину, т. е. не владеющие в своем сознании тем, что пережили, все же томительно ищут «свежего воздуха». Лишь на этой почве и могли развиться два явления, необыкновенно характерных для наших детей. Первое – это исключительное чувство семьи, трепетная, часто истерическая привязанность к родным. В сочинениях не раз встречался я с фактами, которые мне были хорошо известны из рассказов заведующих школами: приход в школу, отрыв от семьи даже на несколько часов, а тем более на несколько месяцев, если дитя попало в пансион, очень часто сопровождается такой душевной болью, которую нельзя даже представить себе. Дети судорожно хватают родных, не пускают их, плачут с такой силой, то трудно выдерживать это детское горе. Конечно, потом дети привыкают к школе и даже страстно к ней привязываются, но кто видел детей, когда они поступают в школу, кто наткнется в сочинениях на рассказ о поступлении в школу, тот не может забыть, как болезненно дети связаны с семьей.

Отчего это так? Ведь к семи-девяти годам, если мы возьмем нормального ребенка, ему уже «тесно в семье», его уже тянет к сверстникам, и школа с ее обилием детей, с ее новой и непонятной, но интересной жизнью влечет к себе детей. Се-

мья, совершенно необходимая и незаменимая до шести-семи лет, постепенно начинает занимать более скромное место в душе ребенка, ибо социальное созревание влечет детей к широкому социальному простору – вне семьи. Такова нормальная, былая психология. В эмиграции наши дети, еще не изжившие эвакуации, когда члены семьи часто теряли друг друга надолго, когда семьи соединялись в целое после долгих и тяжких испытаний, держатся крепче за семью. Но это одно не объясняет всей напряженности семейных чувств: дело не только в том, что дети не изжили тяжких воспоминаний об эвакуации, но и в том, что семья для многих есть остаток былого, есть живая часть большого, но утерянного целого. На семью переносят ныне дети свои юные запросы, к семье прижимаются как к последней твердыне, последнему остатку разрушенной жизни. В болезненном чувстве семьи душа ищет «компенсации», говоря термином Адлера, ищет питания тем душевным движениям, которые не могут в ней развернуться. Как пересаженные на другую почву растения, так и наши дети, хоть и прирастают к новой почве, даже «забывают» родину (нося ее глубоко в душе), но на эту новую почву они попали душевно столь потрясенные, с таким опустошением, с такими провалами в душе, что у них уже нет свежих сил для «новой родины». Оттого семья, связи с которой были непрерывными, в которой дети внутренно отдыхают, как бы заменила родину, стала внутренно значительнее, важнее. В одном сочинении (мальчика 15л.) есть такая фраза: «Несчастья в России дают мне силу не плакать о родине». Эта фраза говорит о том, что боль о родине часто смягчается сознанием невозможности вернуться туда. Но еще больше, чем это сознание, «не плакать о родине» помогает семья; оставаясь верным своей семье, любя ее страстно, дети вкладывают сюда и любовь к родине. Неудивительно поэтому, что наиболее болезненно свою бездомность переживают дети, попавшие в

эмиграцию без семьи, или сироты. Замечу тут же, что крайне тяжело переживает свою бездомность и даже зрелая бессемейная молодежь – я имею в виду студенческую молодежь.

Не менее характерно для детей эмиграции и другое близкое явление – страстная привязанность к товарищам, к школе, к педагогам. Я знаю из жизни нашей зарубежной школы немало фактов непостижимой, болезненной привязанности некоторых детей к педагогам, друг к другу. Но и то, что дают в этом отношении сочинения, необычайно ярко. В первой статье читатель уже познакомился со сценой отъезда части кадет в Болгарию: так расставаться, так скорбеть о разлуке друг с другом могли дети лишь потому, что школа для них стала семьей. Конечно, ярче всего такое отношение к школе обнаруживается у детей-сирот или отбившихся от своих родителей: для них школа стала единственной родной и дорогой средой. Но было бы неправильно исходя из этого одного истолковывать привязанность детей к школе: она имеет еще пока корни в душе, отвечает другим ее движениям, ибо часто дети, у которых здесь же родители (которых они притом горячо любят), обнаруживают страстную привязанность к школе.

Откуда же эта выросшая потребность любви? Есть ли это самозалечивание душой своих ран, потребность «дожить свое детство», хотя бы и с опозданием? Я думаю, что есть и это, но все же главный корень этой чрезвычайной потребности любить лежит в другом. В нормальной обстановке мы обыкновенно не замечаем, как многообразны наши прирастания к окружающему – к природе, к людям, к животным, к вещам. В том, как открывается душе родина, не все вообще «замечается» душой, не все осознается и удерживается в сознании, но многое, и притом едва ли не самое плодотворное, остается «под спудом» неосознанным. Есть своя мистика в связи каждой души со всем целым, от которого она взяла язык и веру, в

котором росла и зрела. Многие вслед за Лермонтовым могли бы сказать, что любят родину «странною любовью», т. е. любят ее сильнее и глубже, чем это может осмыслить их разум. Эти-то «мистические» связи с родиной и остаются без всякого питания в эмиграции, и душа ищет как бы суррогата этого питания, болезненно привязывается ко всему, что хоть отчасти удовлетворяет потребность души в родине.

Практическая неопределенность срока пребывания в эмиграции чрезвычайно поэтому тяжело отзывается на детях. По замечанию одного психолога[44], подростки отдают много сил души на мечты о будущем, на составление «планов». Для наших подростков эта работа души, интимнейше связанная с основными процессами, происходящими в них, почти неосуществима, вернее, она обрывается суровой жизнью на каждом шагу. Горько и взрослым жить со дня на день, не имея будущего, – и мы обыкновенно выдумываем себе разные дела, чтобы забыться в них. Но дети и подростки острее и резче переживают эту свою глубочайшую «ненужность» вне родины – и оттого они так лихорадочно бросаются на все, что может, хотя бы временно, заполнить пустоту в душе. Они любят школу – конечно, не за занятия, а любят ее за то, что они чувствуют в ней какой-то уголок былой и родной жизни; они страстно привязываются к учителям, к товарищам, к случайным знакомым, ибо душе нужно лоно родины, нужна близкая, родная среда, которую можно было бы любить, в которую можно было бы погружаться.

Сравнительно реже, судя по сочинениям, душа находит *религиозный* выход из своего горького положения, хотя именно этот выход легче всего несет психическое оздоровление. Правда, религиозные запросы очень сильны у детей – об этом на каждом шагу говорят сочинения: обращение к Богу,

---

[44] Spanger. Psychologie des Jugendalters 3-te Aufl. 1925.

молитва для многих была единственным ресурсом, откуда они черпали силы для жизни («В ночь под Благовещение была страшная канонада; я не спала и всю ночь молилась» – эти слова девочки 14 лет чрезвычайно типичны). И все же надо признать, что религиозный путь преодоления всего тяжелого бремени, придавившего душу, открылся перед немногими; тут еще должна быть сделана большая и крайне нужная работа, которая помогла бы детям подойти ближе к Церкви. Приведу, однако, одно место из сочинения ученика 16 лет: «Я никогда раньше не молился, никогда не вспоминал Бога, но когда я остался один (после смерти брата), я начал молиться; я молился все время – где только представлялся случай и – больше всего молился на кладбище, на могиле брата». В этих словах так выразительно передано религиозное напряжение, всецелый уход в молитву. Исцеляющее действие религии на душу, дающей примирение с прошлым, крайне нужно детям, и кое-где видно, что путем религиозного осмысливания всего происшедшего юная душа впервые освобождается от яда, заполнившего душу, от суровости и внутреннего холода – и начинает как бы просыпаться к жизни. Иногда, на путях религиозного раздумья, подростки подымаются так высоко, что для них несомненно уже найдена возможность сбросить власть прошлого.

* * *

Детская душа – говорю о детях эмиграции – была вырвана из родной почвы, пережила величайшую политическую и социальную бурю, в которой все сдвинулось и переместилось, и от этого образовались в душе пустоты, насильственно была порвана ткань привязанностей, насильственно было создано тяжелое духовное потрясение. Но почти немедленно вслед за этим детская душа стала свидетелем таких ужасов, которые

трудно вынести и самой закаленной душе взрослых: убийства и расстрелы, смерть родных и близких, террор и давящее чувство полной беззащитности – все это изранило, истерзало душу, оставило незаживающие, кровавые следы, обессилило душу до последней степени, наполнило ее ядовитыми чувствами злобы и мести, ненависти и ожесточения, легло тяжкой меланхолической скорбью, приблизило смерть до того, что на детей легла ее тень, словно они стали крещены смертью и в смерть. Но не успело это все хотя бы погрузиться в глубину души, как прошло третье испытание и дети пережили еще раз веяние смерти, сначала несознанное ими, но потом все более чувствительное и страшное: они остались без родины. Разлука не есть смерть, но та разлука с родиной, которую пережили и переживают дети – чем она отличается от смерти? Исчезла старая жизнь: погибли родные, друзья, знакомые; скрылась за горами и родина... Что осталось в душе от этих испытаний? Где могла взять душа сил, чтобы жить?

Но такова сила жизни, что дети, со всем ужасным своим душевным «багажом», остались жить. Если в нежной ткани организма застряла пуля, то ее нужно вынуть, удалить, чтобы исчезла опасность; но как вынуть пулю, пронзившую душу и оставшуюся там? Дети наши живут с этой пулей, с ужасными опустошениями в душе. Они стояли – долго и беспомощно – перед неведомым, которое развертывалось перед ними неумолимое, безличное, безучастное: все, все, что могла знать и любить детская душа, все это рассыпалось, провалилось, осталась одна бесконечность, нависшая как небо в темную ночь. Дети пили из страшной чаши трагического опыта, притом такого, какого еще мир не видал, ибо в нем историческая трагедия сплелась с индивидуальным. Наверное, немало детей «спаслось» в душевное заболевание, т. е. умерло душевно для мира; а те, кто остались жить, прикоснувшись к

страшной чаше трагического опыта, – как им прожить? Они глядели в Неведомое и Бесконечное, но это Неведомое и Бесконечное было тьмой, сплошной, беспросветной, – и есть для такой души одно лишь исцеление – найти путь к иному, светлому Неведомому, приблизиться к Добру, к Правде. Одна из старших девочек пишет: «Четвертый год проводим мы на чужбине, в ожидании чего-то великого, почти сверхъестественного». Как глубоки и правдивы эти слова! Нельзя думать о том, чтобы вернуть детям то, что они утеряли, но можно и должно помочь им найти путь жизни, на котором они могут залечить свои раны. Темной бездне смерти и разрушения должна противостать в душе детской иная, ласкающая и зовущая Бесконечность. Скажем прямо: *дети наши нуждаются в религиозном питании,* чтобы в душу их лилась не случайная и переходящая ласка, которая может позволить забыться, но не может заполнить пустот в душе, – они нуждаются в том, чтобы их ласкало и грело Солнце Вечности, в лучах которой единственно только и может расправиться душа.

Если бы я хотел передать кратко общее впечатление, которое оставили во мне сочинения, я не мог бы иначе это выразить, как только в словах: детская душа в наши дни напоминает полуразрушенный дом, в котором уцелело только несколько жилых помещений, а все остальное разрушено, измято и сломано. Не будем поэтому обольщаться внешним видом, беспечной веселостью наших детей, ибо в них надорваны основные их силы. Душа их, конечно, безостановочно лечит самое себя, но наш долг – всячески помогать ей в этом, ибо справиться с тем тяжким бременем, с тем ядом, который отравил душу, им самим нелегко. Как ни трудна наша роль в этом отношении, но она во всяком случае предполагает в нас уменье глядеть в детскую душу, уменье угадывать ее скрытые раны, ее трудности. Дети наши имеют право на то, чтобы быть понятыми.

У нас русских есть верные друзья, и все же мы во многом одиноки: есть задачи, которые могут быть выполнены только нами самими. К таким задачам относится и забота о душе детской, о ее выпрямлении и оздоровлении, об ее освобождении от тяжелого груза всего пережитого. Во имя детей, во имя будущего нашей родины мы должны найти в себе силы для решения этой задачи.

Кн. Петр Долгоруков
Чувство родины у детей

Воспоминания о родине, тоска по ней, трепетная к ней любовь, надежда на возвращение в нее и желание работать над ее возрождением проходят красной нитью почти через все ученические работы учебных заведений, подвергшихся исследованию посредством классных сочинений на заданную тему. Но чтобы не получилось неправильного или преувеличенного вывода, надо помнить, что такому опросу подверглись не все виды детей русских беженцев, а лишь находящиеся в русских учебных заведениях. Если бы опросить русских детей, живущих вне влияния русской школы, особенно в Германии, Франции, Англии, Северо-Американских Штатах, то результат получился бы совсем другой.

Там дети быстро денационализируются, иногда с сознательным или бессознательным попустительством со стороны родителей. Иногда же оттуда идут полные тоски и отчаяния свидетельства и письма родителей, описывающие, как быстро и неуклонно их дети денационализируются. Например, одна мать пишет из Америки, что ее десятилетний сын находит, что «глупо ходить в церковь, где надо стоять, когда можно ходить в церковь, в которой есть скамейки». Русские же учебные заведения сосредоточены главным образом в странах, граничащих с Россией, в которых осела главная масса беженцев, зачастую принадлежащих к остаткам военных контингентов. Некоторые учебные заведения, как, например, находящиеся в Сербии кадетские корпуса и институты, перенесены из России и, несмотря на значительные изменения, сохранили некоторую преемственность и традиции. Все это надо иметь в виду при изучении ученических работ.

Родная школа является наравне с семьей самым надежным способом борьбы с денационализацией. Она поддерживает

чувство родины у тех детей, которые вывезли его в свое изгнание, осмысливает и развивает его. Она своей атмосферой заражает любовью к родине и устремлением к ней тех детей, которые сами о ней ничего не помнят. Иногда патриотизм принимает в этих учебных заведениях несколько специфический характер. Например, совершенно естественно, что один кадет младшего возраста, пишущий, что его «папа был штабс-капитаном, а отец папы полковником в отставке» описывает, какой плакал, когда матрос срывал с него погоны. Другой пишет, что он плакал от радости и умиления, увидев на вошедших в город офицерах и солдатах белых войск кокарды и погоны.

Первая категория детей покинула Россию в раннем детстве годов трех-шести. У них никаких непосредственных воспоминаний о России нет. Нет, следовательно, и непосредственного чувства родины. «Россию я помню только по рассказам родителей», – пишет один малыш. Их воспоминания начинаются обыкновенно с момента эвакуации, особенно их поразившей, и притом не внутренней своей трагедией, а внешней обстановкой: никогда ранее не виденное море, пароход, англичане, иногда попугай на пароходе, обезьяна, а затем идет детское описание беженских скитаний. Если в их тетрадках и попадаются изредка отдельные воспоминания о жизни в России, то делается это, очевидно, с чужих слов, причем авторы сами не отдают себе в этом отчета. Так, одна девятилетняя девочка пишет: «Помню, что я с одного года уже начала путешествовать». Это значит, что ей было год, когда случилась революция, кончилась ее оседлая жизнь и начались беженские скитания в России и за границей. «Хотя России я совсем не помню, но стремления к ней никогда не угаснут в моей памяти». «Я родился 17-го апреля 1914 года, – пишет один первоклассник, – прожил три года мирно, а на четвертый год началась революция». Даже фразы их о покидании родины

носят иногда следы воздействия более взрослой среды или своих позднейших рассуждений. Отсюда иногда как бы литературная стилизация этого момента и элемент шаблона.

Вторая категория детей, покинувших родину в возрасте от шести до десяти лет, хотя и помнят Россию, но почти не знают нормальной, оседлой дореволюционной жизни или помнят лишь отдельные эпизоды. При этом за нормальную жизнь приходится принимать годы внешней войны, не нарушившей в корне всего уклада жизни. В описание этого периода вклиниваются иногда лишь такие замечания: «Папа офицером ушел на войну, и мама за него очень боялась». «Папа был ранен в бедро и мама поехала в ***, чтобы видеть папу в лазарете». «Один раз я проснулся от резкого крика мамы, ей давали воды, она всхлипывала. Это получили телеграмму, что папа убит». В общем же преобладает описание счастливого детства, резко потом нарушенного налетевшим шквалом революции. Изредка попадаются общие замечания: «Я жил до революции в ***. Мне жилось там хорошо», «Раньше жилось лучше». Но в большинстве случаев домашняя семейная жизнь описывается детьми этого возраста непосредственными воспоминаниями каких-нибудь отдельных картин детской жизни, ярко почему-либо запечатлевшихся в их душах, например детской комнаты, игрушек, иногда любимого животного. Один второклассник пишет: «Мне было три года, когда был в своей комнате, то моя мама сказала, что мне не до игранья, потому что надо уезжать... Когда мы сели в вагон, то прибежал наш пес, которого звали Дик, тогда мой папа позвал Дика, но он повилял хвостом, завизжал, что есть мочи побежал и скрылся». Одна десятилетняя девочка пишет: «Ростов я помню тоже не очень хорошо. Помню, что там было очень много дынь и арбузов». Одиннадцатилетний мальчик пишет: «Когда настала революция, мы поехали в Лодекавказ. Там я получил на елку в

подарок чудную книгу». Ученица 1-го класса пишет: «Дедушка и бабушка меня очень любили, и я часто получала от них игрушки и сладости. Как приятно мне вспоминать о России и как я жалею, что уехала оттуда».

«В *** мы ходили за грибами и за ягодами, земляникой, черникой, брусникой и малиной. Я эти ягоды очень любила. Там у нас был садик не очень большой и не очень маленький. Зимой мы лепили бабу из снега. И больше ничего я не помню про Россию. Теперь вспомню про Штеттин»... «Когда мои родители, – пишет ученик приготовительного класса, – были в Москве, мне жилось очень хорошо. Когда в России началась революция, то мама меня отдала в советскую школу, там мне жилось очень плохо». «В Екатеринодаре нам было прежде хорошо, а потом плохо». Первоклассник 10-ти лет пишет: «Нам там было очень хорошо. У нас там был большой дом и мне было полное раздолье». Длинный рассказ одной первоклассницы повествует о жизни в Петрограде до революции, о клубнике, черешнях, яблоках, ветчине и о чиже в клетке, а потом идут скитания и лишения. Ученик 2-го класса пишет: «Там было так хорошо, я помню большой дом, большой, большой парк и ту бочку, где плавали золотые рыбки и те орешки, которыми я лакомился и все то чудное, как например, цветы. Мне так было хорошо, так просто чудно. Но пришли большевики...» и арестовали отца, «потому что он был помещик», а затем слезы матери, скитания... Ученица 4-го класса пишет: «Я родилась в деревне. Как я люблю ее и хорошо помню. Помню громадный дом, реку, красивый сад и лес. Как я любила наши леса! Меня часто брал папа на дрожках и возил на сенокос. Но вскоре мы выехали, потому что началась революция». И много таких воспоминаний: об оставленной старушке-няне, о теплившейся лампадке, о собственной кроватке, о домашнем уюте, о любимой кошке, о заросшем пруде, о папе и маме, «когда они еще оба были

живыми», о родительской ласке... о всем том потерянном рае, который ассоциируется в умах натерпевшихся впоследствии малолетних скитальцев с мыслью о родине. Они ведь потом почти не видели счастливого детства. Особенно резок контраст с последующей жизнью, полной страданий, ужасов, лишений. Все тетрадки наполнены описаниями прихода большевиков, пальбой, жизнью в подвалах, обысками, грабежами, голодом, очередями, скитаниями, холодом, тифом, расстрелами, пытками, кровью, разбрызганными мозгами, сиротством. «Было скучно, тоскливо, холодно», – пишет ученик 4-го класса. Ученик 3-го класса после описания гибели отца пишет: «Дальше я описывать не буду. Мне очень не хочется вспоминать о милой Родине и о покойном папе». В этих словах чувствуется тот душевный надлом, который так жестоко отозвался на стольких русских детях нашего времени. Эти же слова свидетельствуют о сложности переживаемых этими детьми чувств к родине... Более взрослые так анализируют свое отношение к родине после налетевшей катастрофы: «Нравственная жизнь в эти годы была ужасна. Жил и чувствовал, как будто живу в чужой стране». Или: «Чувствовать, что у себя на родине ты чужой, – это хуже всего на свете». А вот жуткие по своей непосредственности описания малышами выпавших на их долю ужасов. Ученица приготовительного класса, родившаяся в 1914 г., пишет: «Потом вечером моего папу позвали и убили. Я и мама очень плакали. Потом через несколько дней мама заболела и умерла. Я очень плакала». Ученик приготовительного класса пишет: «Я помню, как приходили большевики и хотели убить маму, потому что папа был он морской офицер». «Помню (ученик 4-го класса) тревогу в городе, выстрелы, крики на улице, помню, как я с сестрой, забрав все любимые игрушки, прятались в безопасные, как нам казалось, уголки нашей детской». «Однажды, когда я (теперь ученица 2-го класса) была

дома одна и играла в куклы, я услыхала выстрел над нашей крышей. Я испугалась и от страха забилась в платяной шкаф». Ученик 1-го класса заявляет: «Потом почему-то все стало дорого». Это очень характерное заявление ребенка, не могущего охватить всей совокупности явлений. Жажда по семейной жизни, по родительской ласке ярко выражается в следующих строках ученицы 4-го класса. «Мама поступила на службу. Я целыми днями оставалась одна. Маму я видела в день лишь раз утром и поздно вечером и всегда она была такая усталая, озабоченная, что не успевала даже поговорить со мной. А как мне иногда хотелось, чтобы хоть кто-нибудь чужой человек приласкал меня. Я совсем отвыкла от ласки и выглядела совершенно дикаркой... Здесь хожу в школу и живу сейчас хорошо, но никогда не забуду всего, что мне пришлось пережить на Родине». Вот какие путаные понятия о родине, связанные с периодом тяжелых скитаний, наблюдаем у одного первоклассника: «Мы выехали из России в Екатеринодар». Или неужели мы имеем дело здесь с отражением в детском уме разговоров об областном сепаратизме? Ученик приготовительного класса, ничего, разумеется, не помнящий о дореволюционной жизни, пишет о времени революции: «Я помню мало, как мой папа служил в Ялте. Я еще помню, как нас выгоняли из Pocie»[45]. У большинства малышей остался один ужас от воспоминаний об этом периоде и о своем детстве. Лишь более взрослые разбираются в причинах этих ужасов и надеются на минование их. Как на переходную ступень укажем на рассуждения одного 4-х классника: «Все шло к разрушению того, над чем так трудились наши предки». У иных впечатление от революции является сплошным кошмаром, граничащим с галлюцинациями. Одному мальчику кажется, что все кругом было красное. Один больной ученик

[45] В цитатах сохраняется орфография подлинников.

уже за рубежом в школьном лазарете во время сильного жара вскочил и стал якобы защищать свою сестру от большевиков, отстранял воображаемую шашку и все кричал: «Аня, спасайся! Берегись шашки!» До болезни он смутно помнил эту сцену, а во время жара она с полной ясностью предстала перед ним и потом осталась в его памяти.

Даже красоты России, виденные в тяжелой обстановке революции, не оставляют в воспоминаниях детей эстетического следа. Так, один кадетский корпус отступал зимой из Владикавказа до Тифлиса пешком по Военно-Грузинской дороге. Шли семь дней, иногда в глубоком снегу. И вот ни в одном из нескольких десятков описаний этого пути нет обычных для Военно-Грузинской дороги восторгов от красот природы, а одно лишь томление духа и разбитость тела. «Дорога была кошмарная».

От многочисленных воспоминаний о России, полных ужаса, страданий и тоски по родине, отличаются некоторые наивно-детские, авторы которых не отдают себе отчета в окружающем. В более взрослом возрасте мы видим, как эти нотки переходят иногда в бесшабашный авантюризм среди ужасов гражданской войны. Ученик 4-го класса пишет: «В 17-ом году мне было 6 лет. Один раз мы увидели массу народа с красными флагами и что-то кричавшую. Мне это очень понравилось, и я спросил у гувернантки, что это каждый год будет?» Другая ученица пишет: «Утром в 5 часов мы проснулись от страшного пушечного и пулеметного выстрелов. Все наши соседи и мы решили спрятаться в погребе. Страха никакого я не испытывала и мне очень даже нравилось мое положение. Было очень весело». Один второклассник после летописного описания нападения зеленых на поезд, сошедший с рельс, обстреливания, стонов раненых, зрелища убитых пишет: «Потом мы ехали без приключений и мне стало скучно, так что я вынул своих солдат». И далее: «На следую-

щее утро мы принялись играть. Сережа был наш генерал, а мы рядовые».

Остро проявилось у детей этого возраста чувство родины в момент расставания с ней. Этот яркий момент в истории детских скитаний запечатлелся в сотнях тетрадей. Он заставил задуматься детей над самим вопросом о родине и зафиксировал их чувство любви к отечеству.

«Когда я очутилась на пароходе, я заплакала, почувствовав, что я надолго покидаю Родину». «Грустно и больно было оставлять Россию. Долго плакал я, лежа на мешках под станками мастерской парохода».

Одна ученица пишет: «Хотя я была тогда маленькой девочкой, но я поняла, что такое родина и что такое любовь к ней».

Почти в каждой тетради отмечается, как грустно взрослые смотрели на уходящие берега родной земли, как многие при этом плакали. И в этом также фазисе детских страданий интересно подметить, как непосредственные, субъективные и более глубокие душевные переживания переходят часто в позднейшие рассуждения, большей частью тоже очень искренние, иногда же носящие следы навеянности и трафарета. У некоторых детей опять-таки вместо глубоких переживаний мы видим увлечение новизной впечатлений, интересом к путешествиям, а также надеждой, что наступает конец страданиям. Некоторые думают, что уезжают из России ненадолго. Многих потом ждет горькое разочарование, так как для многих именно с момента погрузки на пароход открывается новая страница беженских страданий, а иногда и унижений, еще более бередивших болезненные чувства к родине. Один юноша, очевидно не экспансивный, пишет: «Мне пришлось заграницей столкнуться со всем тем, что и в голову не приходило. Но это касается моих личных душевных переживаний, и я, конечно, совершенно не думаю поместить их сюда».

Но дадим слово малышам. Ученица первого класса пишет: «Когда я была маленькая, мне было 8 лет, когда я уезжала из

России. Мне было жаль только моих подруг, а особенно мне было жаль могилки дедушки и бабушки». «Многие старые люди, уезжая, прежде чем погрузиться на пароход, целовали землю и брали кусочек ее. Я очень жалею, что не исполнила совета моей старой няни сделать то же самое». «Когда пароход отошел от берега, где стоял папа, я страшно плакала, что нет у меня дома, нет родины». «В первую ночь все вспоминал нашу милую родину, милую деревню *** и все хотелось взглянуть хоть еще раз на Россию».

Несколько более взрослые пишут: «Когда полк проходил мимо церкви, к брату подъезжали казаки, прося его: «Ваше благородие, отпустите у храма землицы взять». «Штыками, пальбой провожала меня родина. Прощай больная мать». А вот вполне взрослые рассуждения, озаглавленные: «Мысли о России». «Разлучить ребенка с матерью, с этим святая святых каждого, с наиболее дорогим существом для него – это большое несчастие и вызывает воспоминания прошлого. У каждого из нас нет России, нет матери, которую мы ценим лишь теперь». Большинство описаний более взрослыми юношами отъезда из России сопровождается, как бы caeterum censeo, выражением уверенности, что Россия восстанет и вновь будет могущественной и что автор примет участие в ее воссоздании. «Было ужасно тяжело расставаться, – пишет один семиклассник, – но ободряла надежда освободить родину от большевиков». Ученица 5-го класса пишет: «Но я верю, что наступит тот день, когда я опять вступлю на дорогую, но уже обновленную родину, снова услышу родимую русскую речь и увижу свой дом, который я не видела уже так давно». Из всего вышесказанного и из приведенных цитат видно, как с самых ранних лет любовь ко всему родному, близкому проявляется с особой силой при потере всего этого и по мере того, как уютное и радостное детство заменяется страданиями, скитаниями, потерей близких людей и, наконец, разлукой с родиной и порыванием со всем прошлым.

Совершенно естественно эти личные непосредственные переживания переходят иногда в воспоминания сентиментальные, перерабатываются или самостоятельно, или под влиянием окружающей среды в абстрактную идею любви к родине. Ведь смысл родины или находящегося в нормальных условиях государства в том и заключается, что оно должно обеспечивать каждому индивидууму известный уклад жизни и известное количество благ. А раз эти нормальные условия исчезают, государство потрясается, наступают страдания людей, а дети все это наблюдают и испытывают на себе, то у них естественно получается стремление к родине здоровой, восстановленной, нормальной. У некоторых детей эта жажда нормальной жизни соединяется, как мы увидим ниже, с упрощенным и наивным реставрационным политическим миросозерцанием. Но при этом большей частью преобладают не эгоистические инстинкты и не классовые интересы, а идеологические построения и горячая любовь к родине, причем искренность этой любви лишь выигрывает, если отвлеченные рассуждения о ней сопровождаются воспоминаниями, иногда с лирическим оттенком, о покинутых или потерянных близких людях, о домашнем очаге, о родной природе. Но обратимся опять к свидетельствам самих детей, или, скорей, в момент писания разбираемых нами сочинений – уже юношей и девушек. «Оторванный от родной земли, я здесь полюбил ее так горячо, как не любил никогда. Я полюбил ее, эту обездоленную страдалицу-Россию».

«Борьба в России была кончена и только чудо могло вернуть нам ее. Но я верю в это чудо. За эти 5 лет я видела кровь и слезы русских людей, я видела, как с безумной энергией и отвагой отстаивали русские герои свою отчизну и как рыдали русские женщины над своими погибшими. Неужели эти слезы не смоют греха народа, поднявшего руку на своего царя, и не вернут нам нашей родины?»

«Я надеюсь, что, если Россия и не вернется к прежнему величию, но во всяком случае свергнет большевиков. Тогда я увижу родные станицы, зеленые бесконечные степи с седыми курганами, златоглавый собор, услышу плеск Донских волн и грустные заунывные песни казаков. Дай Бог, чтобы это было так». «Я жду и мечтаю о том моменте, когда мы возвратимся на нашу дорогую родину. Увижу опять русскую зиму, услышу звон колоколов в церкви». «И сейчас люблю Россию, люблю Родину несчастную и ничто кроме смерти не изменит этого чувства». «В это время я заболел... лежа в кровати, я о чем-то думал... вдруг я услышал пение... прислушался и услышал слова: «За Русь Святую»... мне стало легче». «В настоящее время, живя на берегах Черного моря, посмотришь вдаль и сердце сжимается: за этим водным пространством лежит Русская земля».

«Я только и думаю о возвращении на родину и надеюсь, что это в скором времени случится. Эта мысль только и поддерживает меня и заставляет работать, чтобы в будущем как можно больше пользы принести людям».

При все обостряющейся тоске по родине и по мере затяжки беженства многим детям все тяжелее делается в изгнании и единственным утешением и фактором, осмысливающим жизнь, является любовь к России, вера в Россию. «С каждым годом тяжелее жить в изгнании и все крепнет любовь к Родине». «Все невзгоды и лишения, которые пришлось мне пережить на чужбине, еще более укрепили веру в Россию».

«Россия, только великая Россия, – больше ничего у меня не осталось!»

«Только твердая вера в Россию и русский народ удерживала меня от отчаяния».

«У меня ничего нет собственного, кроме сознания, что я русский человек».

«Любовь и вера в Россию – это все наше богатство. Если и это потеряем, то жизнь для нас будет бесцельной».

«Оторванный от родной земли, я здесь полюбил ее так горячо».

Некоторым диссонансом звучат немногие заявления более взрослых детей, что им не было жалко покидать родины. И вряд ли это можно объяснить простым притуплением патриотического чувства. Скорее мы имеем дело с слишком большим утомлением от невыносимой жизни во время революции. Что это явление носило временный характер, свидетельствует уже самый факт позднейшего указания на него самими детьми. «Странно, что отъезжая от родной земли, я не чувствовал никакой жалости, настолько развились у меня животные чувства». «Мне России не было жалко, потому что я не видел там ничего хорошего».

Мы видели, как кошмарные условия жизни на родине во время революции заставляли детей оставаться равнодушными к красотам природы. Теперь тоска по родине не дает наслаждаться окружающим: «Вскоре мы уехали из Египта и приехали в Сербию. За эти два месяца я пережила много приятного, но все время чувствовала, что всему этому я была чужая и что родной Петербурге белым снегом и белыми ночами дороже всех прелестей юга».

«Мне казалось, что я никогда больше не увижу дорогой моей родины, которую люблю всем моим сердцем, всей душой и без которой не могу жить. Все остальные государства перед ней ничто». Последняя цитата, противопоставляющая любви к родине некоторое пренебрежительное отношение костальному миру, находится уже на грани между здоровым патриотизмом и несколько гипертрофированным национальным самомнением, которое, в свою очередь, легко переходит в мессианизм, в шовинистическое презрение к гнилому западу, в евразийство. И здесь заключается интересная и важная задача для разумных родителей и вдумчивых педагогов. Русским детям, находящимся вне русской школы и осо-

бенно находящимся в то же самое время и вне воздействия родной семьи, угрожает денационализация и потеря живого чувства родины. Напротив, у детей, учащихся в русской школе и особенно живущих в интернатах, обстановка, заставляющая их жить главным образом воспоминаниями о России и подвергающая иногда искусственному подогреванию и растравливанию наболевшие и оскорбленные патриотические чувства, может заставить их замкнуться в национальном самодовольстве, которое помешает им использовать свое беженство на то, чтобы взять у западной культуры все, что есть у ней хорошего и применить затем у себя. Деликатная задача воспитывающих – бережно относиться в таких случаях к искалеченным юным душам и постепенно выправлять их и направлять по правильному руслу. Надо тщательно разбираться в каждом отдельном случае. Например, следует ли давать развиваться у детей ненависти к немцам? Нижеследующие строки, взятые из детских сочинений, показывают, как сложен вопрос о ненависти детей к врагам, в данном случае к немцам, и как тонка грань между чувством здорового патриотизма и человеконенавистничеством, порождаемым войнами. «В 6 час. вечера вошли немцы и им, нашим врагам, лишившим нас Родины, благодарное население бросало к ногам розы». «Не могу забыть ужасного впечатления, которое произвел на нас победоносный вход немцев в ***. Мы все плакали, глядя, как жители усыпали их путь цветами».

Еще сложнее вопрос о проявлении, правда в единичных случаях, недружелюбного отношения к нашим союзникам, вследствие их не всегда последовательного и доброжелательного образа действий по отношению России. Эти случаи показывают всю остроту чувства обиды у молодежи за ослабленную и униженную родину. Вот наиболее яркий образец болезненно и в данном случае неправильно реагирую-

щей молодой души даже на оказываемую союзниками помощь. Необходимость получать подачки от иностранцев, очевидно, оскорбляла гражданское самолюбие автора заметок и вместо естественного при данных обстоятельствах чувства благодарности получилась обида. «Когда мы прибыли в Константинополь, наши милые союзники, давая нам хлеб и вообще пищу и видя, как на нее набрасываются, снимали фотографическим аппаратом. Эти оскорбления, нанесенные нам всем, я на долгое время буду хранить в памяти для того, чтобы отомстить им».

Месть. Страшное слово в детских устах! А повторяется оно по отношению большевиков во многих тетрадках, а в одной относится вообще к социалистам. Здесь тоже есть над чем задуматься педагогу. Надо раньше всего тщательно поставить диагноз этого болезненного явления. Во-первых, чем объяснить, что оно наблюдается сравнительно часто? А затем, чем объясняется та страшная озлобленность, которой так и дышат многие тетради? И при этом нередко упоминается о клятве, о зароке, об обете мстить жесточайшим образом, без пощады. Однажды пришлось наблюдать одного мальчика лет 15, живущего в интернате русского учебного заведения за рубежом. Он был хороший мальчик, религиозный, очень необщительный и, видимо, чем-то мучим. Как-то удалось получить от него сознание, что он, будучи девятилетним мальчиком, присутствовал, когда большевики сварили его отца живым в котле и надругались над его шестнадцатилетней сестрой. Он «поклялся перед престолом», что всю жизнь будет искать большевиков и мстить им. В настоящее время его мучил и интересовал вопрос, может ли кто-нибудь снять с него эту клятву.

Приведем некоторые цитаты, объясняющие причины, породившие у детей чувство мести.

«Мне было 13 лет. Папа сильно заболел и поехал лечиться; не доехал до станции, как его там расстреляли. Я не в состо-

янии описать того, что я тогда пережил. Я дал зарок отомстить».

«Я поклялся мстить отнявшим у меня все самое бесценное, самое дорогое».

«...жажда мести за всех наших отцов, братьев, матерей и сестер, зверски замученных палачами».

В этих случаях дело идет о *личной* мести за зло, причиненное авторам сочинений или их близким. Но часто говорится и о зле, причиненном родине. В иных случаях эти две причины переплетаются.

«Из хорошего прошлого ничего не осталось. А осталось за смерть старших братьев, за поругание семьи и родины – *одна только месть и любовь к родине,* которая не изгладилась за время первого отступления, второго отступления в Крым, бегства из Крыма, и за время трехлетней жизни в Югославии, а наоборот все растет, растет, растет...»

«Утешаю себя мыслью, что когда-нибудь отомщу за Россию и за Государя, и за русских, и за мать, и за все, что было мне так дорого».

«Отомщу всем тем, кто надругался над родиной. Страшная будет месть».

«Только и жду случая, чтобы... идти бить всех, кто оплевал, надругался над родиной».

А вот и жуткие в устах детей упоминания о приведении уже в исполнение мести: «Мне удалось попасть в уездную стражу, где я смог удовлетворить до известной степени свое чувство мести».

«Я дал зарок отомстить как-нибудь этой красной сволочи, что я, конечно, и проделал».

Один ученик 8-го класса рассказывает про расстрел отца, про гнусные деяния одной чекистки-садистки, свидетелем коих он был, 13-летний мальчик. Когда большевики отступали, «к нам во двор вбежало два комиссара и, побросав

оружие, просили спрятать их в погребе от казаков, которые вошли в город. Я указал на погреб и подумал: придут они, и я вас предам. Месть взяла верх... подбежав к солдатам, сказал им про пленных комиссаров».

И так у многих детей мечта о родине, о возможности в нее вернуться, соединяется с мыслью о мести. Можно ли родителям и педагогам оставить их в таком настроении, объясняя себе, что чувство мести естественно после всего пережитого? Но, во-первых, надо отличать месть личную от мести за попранную честь родины. Недопустимость первой не требует доказательства. Что касается второй, то ее тоже приходится отвергать самым решительным способом. Мы не склонны в данном случае к сентиментальной размягченности, к непротивлению злу. После всего пережитого государственность и правовой порядок придется, вероятно, водворять железной рукой. Но правосознание учеников следует воспитывать в том направлении, что борьба с злодеяниями, совершенными во время революции, есть дело публично-правового порядка, дело государственной власти, на первое время облеченной, быть может, исключительными полномочиями; что суд Линча и вообще личная расправа допустимы лишь при отсутствии сильной организованной власти, иногда как неизбежное зло, подобно очевидному преступлению, оправдываемому подчас присяжными, а в данном случае историей. Но что строить на этом восстановление правопорядка – значило бы углублять и удлинять братоубийственную революцию и анархию, столь ненавистную подрастающему поколению беженцев, и разжигать озлобление и страсти. Молодежь, прошедшую через фронтовую службу и революцию и имеющую иногда извращенные понятия о морали и о ценности жизни, следует приучать к мысли о желательности с точки зрения личной морали прощения и во всяком случае о нежелательности мести. Надо напоминать, что гнев есть плохой советчик. С точки

же зрения общественно-правовой следует указывать ученикам на разницу между обезвреживающими мероприятиями, наказывающими (или устрашающими) и мстящими, и на желательность применения первых, допустимость вторых и недопустимость третьих. Надо, чтобы молодежь усвоила мысль, что и в интересах государства в некоторых случаях, главным образом при массовых преступлениях, вызванных какой-либо общественной катастрофой или массовым психозом, выгоднее иногда даже сточки зрения целесообразности придерживаться духа амнистии. Чтобы молодежь вернулась на родину нравственно здоровой, вдумчивый педагог должен понять, через что она прошла и какие следы в ней остались от пережитого жестокого времени, и не столько поучать ее, сколько врачевать ее души. И эта книга, быть может, наведет лишь на некоторые мысли лиц, имеющих дело с русскими беженскими детьми и молодежью. Но ценнее, разумеется, непосредственное знакомство с молодежью для установления точного диагноза душевной болезни в каждом отдельном случае и приемов ее врачевания.

Какую же родину надеются увидеть наши дети по своем возвращении? Здесь нам невольно придется коснуться политики, хотя, казалось бы, не место политике в средней школе. Но так можно рассуждать лишь относительно школы в нормальных условиях, а не в беженстве, когда само беженство есть уже политика, когда причину всего пережитого дети или юноши объясняют политикой, и свои чаяния относительно будущего России они связывают опять-таки с политикой. А затем, если говорить о политике в широком смысле этого слова, то она сводится в настоящее время для огромного большинства русских беженцев, главным образом, к общему национально-государственному вопросу, а ведь вопросом этим занимается школа и нормального времени. Тем более он неизбежен в школе беженской. Большинство детей говорят

лишь о падении большевизма, о своей вере в то, что Россия будет вновь сильной и могучей. Это в той или иной форме повторяется во многих сочинениях: «И наступит день, когда Россия стряхнет иго насильников и снова воссияет ее мощь».

«Я все еще надеюсь вернуться в Россию, но не в большевистскую, а в Россию свою, национальную».

Но иногда, особенно в некоторых учебных заведениях, высказываются реставрационные пожелания, и не столько в социальном, сколько в политическом отношении. И это является вполне естественным в упрощенном детском политическом миросозерцании, хотя оно наблюдается нередко и у взрослых: при царе жилось лучше, при царе Россия была могущественна, следовательно, нужен царь, и тогда все пойдет по-старому. «Мы лишились милой, дорогой Родины. У нас одна мысль: восстановление поруганной Родины и восстановление Державного Монарха». Один ученик 8-го класса заканчивает свое сочинение возгласом: «Да здравствует Российская Империя! Ура!» В некоторых тетрадях проявляется чувство жалости и негодования по случаю мученической смерти Государя и его семьи. Попадаются и несколько путаные представления о будущности России. Например: «Россия воскреснет, возродится *для нового исторического бытия* в момент, когда раздадутся звуки нашего русского гимна: «Боже, Царя Храни». В старших классах при преподавании родиноведения необходимо давать детям сведения, хотя бы элементарные, по государственному праву. Из их тетрадей видно, что они почти все стремятся вернуться в Россию, быть ей полезными и работать над ее воссозданием. Но для этого им нужно готовиться быть сознательными гражданами и уметь разбираться в политической и общественной обстановке. Такого рода преподавание государствоведения применяется, как известно, в английских учебных заведениях. Разумеется, преподавателю не придется, например, навязывать своего

мнения относительно того или другого образа правления, а объективно познакомить учеников с разными образами правления и, главным образом, сосредоточить все внимание на объяснении основных положений, без которых государство не может быть правовым, с сильной правительственной властью, с самодеятельностью населения и с привлечением его к политической жизни страны, и без которых не может быть развития его производительных сил. Во всяком случае, во избежание разочарований и осложнений в будущем подрастающей молодежи следует объяснять, что полной реставрации быть не может.

Сами дети много ждут от приютившей их на чужбине русской школы. И она им дорога не только потому, что заменила им семью и родину и дала возможность жить не голодая, но главное, чем они дорожат, это то, что после многолетнего перерыва, когда они иногда в течение пяти-шести лет не брались за книги, они могут с увлечением опять за них взяться и готовиться быть полезными работниками при восстановлении России.

«У меня сознание, что я должна хорошо окончить образование, чтобы помочь папе и нашей дорогой Родине всем тем, чем я смогу».

«Для будущей России нужны образованные люди, которые помогли бы ей стать на прежней высоте».

Школа, заменяющая ребенку в беженстве и родину и семью, занимает в его жизни гораздо большее место, чем при нормальных условиях. Этой большой ответственности не могут не сознавать педагоги, воспитатели, а также лица и учреждения, заведующие учебными заведениями. И горе тем, кто даст детям камень вместо хлеба.

«Училище – это все, что осталось у нас вдали от Родины. И когда входишь в него, чувствуешь все то родное, русское, которое вносит оно в наши души».

«Трудно нам было сперва в непривычных условиях и без языка. Тем более мы оценили нашу школу; это для нас как бы островок Родины, и если Россия уходит в даль, наша школа не даст совсем оторваться от прошлого».

«Я очень счастлива, что могу учиться и быть среди своего родного русского народа».

Особенно ценят русскую школу дети, жившие до того продолжительное время без приюта, или добравшиеся до нее после продолжительных скитаний, или, наконец, дети, жившие среди чужой обстановки, чужих людей, чужого языка. Равным образом и окончившие русские школы и поступившие в иностранные высшие учебные заведения продолжают близко и прочно держаться своих школ, навещают их, переписываются, привозят подарки и лакомства на Рождественскую елку, продолжают участвовать в ученических журналах и спектаклях, образуют землячества по имени учебного заведения и т. д. Для них школа продолжает быть уголком родины среды чуждой обстановки.

У учеников старших классов глубже чувство родины, чем у малышей. С одной стороны, они лучше ее помнят, особенно нормальную, счастливую жизнь в ней, более оставили там дорогих воспоминаний и переживаний. С другой стороны, они сознательнее относятся к своим чувствам и болезненнее реагируют на все происшедшее. Раньше мы указывали, как некоторые дети расставались с родиной без сожаления. Теперь приведем одно из признаний, тоже очень немногочисленных, когда авторам сочинений не хочется возвращаться в Россию. И делаются эти признания, очевидно, не поверхностными натурами. Чувствуется за ними тяжкие мысли и много страданий. Одна 18-летняя девушка пишет: «Все чаще и чаще (после смерти за границей последнего ее родственника – отца) щемит сердце тоска и чаще чувствуется в нем тупая боль. И не хочется в Россию. Зачем? Там не осталось ничего,

что дорого. Там все будет тревожить и расстраивать старое. Лучше забыть поскорее. Стереть все в памяти». Автора этого горестного признания нельзя заподозрить в легкомысленном отсутствии патриотизма. Напротив, эта девушка, вероятно, очень сильно чувствует и сильно любила и любит Россию. Она слишком сильно ушиблена ударами судьбы. И живые еще раны не зажили и кровоточат.

Приведем для заключения некоторые цитаты из сочинений детей разных возрастов, которые передают нам их воспоминания на чужбине о России и свидетельствуют, что их мысли постоянно заняты далекой родиной. Один маленький мальчик пишет:

«Когда была у нас в России зима, то тут все деревья уже были зеленые».

«И вспомнился праздник Пасхи там, на Родине. Звучат колокола, люди со свертками в руках идут в церковь. Полночь...»

Более взрослые пишут:

«Живем воспоминаниями, хотя и тяжелыми, но все про милую Родину».

«Приехали в Варну; я, гуляя по набережной, думал о России».

«Есть на свете счастливые дети, которые помнят Россию. Я же ее вижу как в тумане, потому что уехала из России маленькой, но не забуду ее до конца своей жизни».

«Жалкие воспоминания о России. Хотя нехорошо, но все-таки помню, как сладко мне было жить у моих родителей, я тогда не знала, что такое труд и горе, что такое быть голодным. И так прошло несколько лет моей беспечной жизни. Все стали говорить о какой-то революции... Хоть Россию я почти не помню, но стремления к ней никогда не угаснут в моей душе».

«И теперь здесь, пройдя школу жизни в Галлиполи, потом беженская жизнь в Болгарии укрепила во мне юношескую любовь к родине, которую привили мне мои дорогие родители».

На последние слова следовало бы обратить внимание многим русским родителям за рубежом.

Закончим эти выписки следующей цитатой, с такой непосредственностью и трогательной нежностью обращающейся к родине:

«Родная, милая, далекая Россия! Слышишь ли ты, что здесь есть люди, которые жаждут Тебя и молятся за Твое спасение?»

В этой цитате кроме ее содержания обращает на себя внимание и форма, а именно, что слово «Тебя», «Твое» написано с большой буквы. Может быть, читатель заметил, что в большинстве цитат слово «Родина» написано также с большой буквы.

Это свидетельствует как бы о обоготворении, о некоторой канонизации родины юными людьми, ее лишенными.

Много они претерпели горя, лишений и страданий. Многие из них пострадали физически и несут следы недуга, ранений и контузий. Но у огромного большинства молодежи жив дух и верят они в возрождение родины и жаждут поработать для ее возрождения, а пока что упорно для этого учатся. Об этом свидетельствуют много сотен сочинений, написанных зачастую вследствие убожества беженской школы карандашом на обрывках сероватой бумаги. И эта вера в возрождение родины и надежда самим еще вернуться в нее и поработать для нее поддерживают их по большей части безрадостное беженское существование. Вот как это выражают два юноши-восьмиклассника:

«Только твердая вера в Россию и русский народ удерживала нас от отчаяния».

«Одна есть у нас надежда, скрытая под спудом сомнений, горечи и отрицании. Эта надежда – вера в воскресение к былому величию и славе дорогой нашей Родины. Если бы не было у нас этой веры, стыдно и преступно было бы нам называть себя русскими людьми, сынами земли, нас вскормившей».

И таких заявлений множество.

Общее впечатление, производимое лежащими перед нами тетрадками, свидетельствует о том, что подрастающее на чужбине молодое поколение, особенно старший возраст, представляет из себя очень благодарный и интересный материал. В некоторых отношениях, а именно по вдумчивости и напряженности мысли и воли, определенности и выстраданности мировоззрения, оно выше детей нормального времени. Есть, конечно, и недостатки и вывихи, объясняемые пережитыми ужасами. Ответственная и благодарная задача школы, к которой тянутся эти молодые души и из-за жажды знания, и из-за стремления найти в ней родной уголок, – должным образом справиться с этим чутким материалом, заменить им хотя бы отчасти семью и родину, пригреть осиротелых и заброшенных молодых людей, несколько лет воевавших или зарабатывавших себе хлеб в тяжелых беженских условиях. В таких обстоятельствах сугубо приходится стремиться к достижениям новейшей педагогики: не задаваться безнадежной целью дать ученикам возможно более знаний по всем отраслям, а умело выбрать, насколько это позволяют учебные планы, самое существенное и развивающее, поддерживать и развивать в детях самостоятельное стремление к знанию и самодеятельности, влиять на образование характера. В этом стремлении к гармоническому развитию человека школа должна руководствоваться древнегреческим идеалом человека: χαλόζ χ’αγαυόζ.Hτο же касается мировоззрения юношества, и в частности отношения его к родине, то из всего вышеприведенного явствует, что младший возраст учеников следует заражать чувством родины, а в старшем главным образом наблюдать, чтобы это чувство не приняло нежелательного направления, а заняло бы должное место в гармоническом и как бы концентрическом развитии его мировоззрения: человеческая личность, семья, родина, человечество.

А. Бем
Наблюдения и выводы

«Тяжело, когда вспоминаешь о тех временах и не верится, что я мальчишка все это мог перенести».
(Из воспоминаний мальчика IV кл.)

1

«Дальше я описывать не буду. Мне очень не хочется больше вспоминать о милой родине и о покойном папе», – так пишет девочка I класса. И так переживают свое прошлое большинство наших детей. Между родиной и страданием установилась неразрывная связь.

В этом постоянно повторяющемся «не хочу больше вспоминать» – отзвук своеобразного психологического закона детской души. Известно, с каким порою кажущимся эгоизмом дети стараются пропустить мимо сознания все, что может тяжелым грузом лечь на их детскую душу. Это не «жестокость», не «черствость», как часто упрекают неразумные матери своих детей, а здоровый закон самосохранения. Ребенок накопляет силы для будущего, когда уже мимо страдания не пройти, где его надо как-то пережить и преодолеть.

Когда я читал одну за другой жуткие страницы недетских переживаний наших детей, я часто ловил себя на мысли, скорее на чувстве: зачем вызвали у них из глубоких душевных недр снова наружу, в психически осознанное, прошлое, от которого они сами старались уйти, «забыться». Зачем так жестоко поступили мы, взрослые, с детьми? Кто дал нам на это право? Как пытаются дети в своих сочинениях-воспоминаниях защитить себя от этого насилия! Многие так и не подпустили к себе, запрятали свое прошлое глубо-

ко-глубоко в себе и не дали ему вылиться в тот крик горя и страданий, какой слышится в большинстве воспоминаний. «Воспоминания эти настолько неприятны, что писать о них нет никакой охоты», – пишет один; «все мои переживания с начала революции так тяжелы и так ужасны, что я не в силах, мне страшно пережить их на бумаге», – пишет другая (VI кл.); «ничего не помню», – говорят многие, явно не желая ничего вспомнить. И только один умел обобщить это настроение, нашел слова возмущения против вторжения чужой воли в его внутренний мир. «Вы хотите, чтобы я описал... мои душевные состояния... Никому не дано права заглядывать мне в душу».

Я понимаю чувство этого юноши, даже готов был, повторяю, при чтении вместе с ним возмущаться жестокостью произведенного опыта над детьми.

Но затем я почувствовал и другое, может быть, ценнейшее и, думаю, главнейшее в этих волнующих тетрадках. Для многих и многих, в моем ощущении для большинства, эти несколько часов, когда нужно было, так хотели зачем-то старшие, всколыхнуть свое прошлое, были часами мучительного освобождения от душевных кошмаров. Для них простой и ясный психический закон самоохранения уже не спасителен. Они не прошли мимо виденного и слышанного, а выстрадали и впитали в себя все бывшее с ними. Слишком сильны и мучительны были удары, сыпавшиеся на их не защищенные никем и ничем головы. Тут нельзя было, подобно Николеньке, ловить себя на нехорошем чувстве неглубокого горя перед смертью матери, – это пустяки и совсем нормально-детское. Горе Николеньки иным и не бывало и не бывает. Таков уже закон нормальной детской души. Мне незачем подтверждать примерами того, что пережили дети. Этих примеров уже и так много на страницах этой книги. А вот как пережито, как это вмещает, как могла вместить все это детская душа? На это хотелось бы найти ответ.

Вначале ребенок пытается не заметить того, что происходит вокруг него. Всячески оберегает он свой детский мирок от жестокой правды. Один мальчик, III класса, очень ярко рисует это странное состояние «душевного безразличия» среди ужасов жизни. «Все это я вспоминаю, как в тумане, моя душа все это время находится в каком-то безразличном состоянии, мне абсолютно никого не жаль и ни за кого не радуюсь, мне весело, если весело всем, и мне грустно, если вокруг меня печальные лица, а для чего это, для чего эта смерть, которую я вижу каждый день, ибо каждый день кого-нибудь хоронят, и не одного, а сразу нескольких, но я безразличен к окружающим событиям и душа моя совершенно спокойна». И очень характерно, что дети сталкиваются с реальной жизнью только тогда, когда она вторгается в их детский, сказочный мир. Описывая обыск, ребенок постоянно отмечает, как грубо поступают с куклой, как бесцеремонно обращаются большевики не с родными, а с игрушками. «В одно прекрасное утро, когда я спала в детской, вошли вооруженные солдаты и стащили меня с кровати. Как я ни плакала, но они разбили мою любимую куклу...», – вспоминает девочка; другая, говоря о приходе поляков в Речицы, пишет: «Я и мой брат боялись, что они возьмут наши игрушки, и стали их прятать», и таких записей можно привести очень много. Но детский мирок разрушался беспощадно; игрушки ломались и бросались, уничтожался дотла часто и родной кров. Сколько трогательных попыток уйти назад в детское, отмахнуться от всего, что так грубо ворвалось в незащищенную душу, рассеяно в детских воспоминаниях! Опять не могу приводить примеров, но только укажу, что наряду с игрушками, здесь большую роль играют домашние животные. Девочка (III кл.) пишет, прощаясь с родиной: «У нас была собачка, которую звали Бобик. Когда мы пришли, то за нами на пристань прибежала собачка наша. Мы сели на пароход и, когда должны были

отходить от пристани, то за нами поплыл Бобик. Он не мог нас догнать, и поплыл обратно. Бобик стал на берег и очень долго смотрел...» Из сочинений можно бы выбрать целые странички подобных эпизодов, вполне годных для помещения их в хрестоматию. Особенно хороши рассказы молодых казаков о своей любимой лошади.

Хочется попутно отметить органическую слиянность ребенка с природой. «Когда мы вышли из дому, то деревья были разубраны морозом, было все так грустно и уныло, как будто бы они предчувствовали, что наступают большевики», – пишет девочка-институтка (II кл.).

Совершенно исключительное значение в этом разрушении детского мира играют физические страдания, и в первую очередь голод. «Наступил голод, эта тягостная мука», – пишет мальчик II кл. На детях, голод переживших, лежит особая печать недетскости. «Питались мы хорошо, подробностей не помню», – пишет мальчик (II кл.), желая вспомнить свое детство до революции. Эти слова говорят больше, чем все положительные указания на голодание ребят. А вот пример особой печати недетскости: «Часто приходилось голодать. Голодал бы и теперь, только спасибо добрым людям, меня с братом приняли в гимназию, а мама часто голодает, но она рада, что мы хоть не голодаем, – пишет мальчик (II кл.) и дальше продолжает, вспоминая отсутствующую мать: – По целым дням сидит она одна и думает о родине, так она мне пишет. Я знаю, что она голодает, но она мне этого не пишет, боится, чтобы я не беспокоился о ней и не начал бы хуже учиться...» Мне думается, особенного внимания заслуживают голодавшие дети, здесь куда упорнее и труднее излечимы душевные раны, чем в случаях острых потрясений. Дети, пережившие голодный 1921 г. в России, наверно, смогут много рассказать, что сравнительно слабо отразилось в эмигрантской среде. «Мне самой пришлось видеть, – пишет девочка

(II кл.), – как одна женщина-татарка бросила своего ребенка в реку Каму от голода, а когда ей стало жалко его, то и сама бросилась в волны».

Голод толкает и на первые преступления. Для душевных коллизий в жизни ребенка первый поступок, который он сам осознает как преступление, имеет огромное значение. Здесь, в этом моменте, часто скрыты самые тяжкие для ребенка воспоминания. «Воровал я в трюме муку», – пишет мальмик-кадет (II кл.). Неслучайно, может быть самое жуткое по душевной изломанности, сочинение с таким надрывом говорит о воровстве: «На моих руках было трое младших меня, я был без копейки (мать бежала, отца убили, мальчику было 13 лет). Что было делать? Я начал продавать газеты, но этим не много заработаешь. Тогда! О, поймете трагедию моей души и стыд первых шагов... Раньше я считал грехом стянуть у матери сахар, а тут стал сознательным вором. Я крал всюду, где было можно, съестное, дрова, деньги...»

После голода, и это чаще в нашем случае, вырывал детей из детской обстановки физический труд. Очень рано нужда и стечение трагических обстоятельств взваливали на детские плечи непосильную физическую работу и сознание ответственности за судьбу младших братьев и сестер. Вот несколько из многих и многих примеров. «Мне было всего пять лет, и мне приходилось носить дрова на своих плечах. Старший брат с мамой ходили пилить дрова, они напекали нам с братом на целую неделю хлеба. И вот я, пяти лет, а мой младший брат, имеющий четыре года, должны были целую неделю сами ночевать и поддерживать хозяйство». Девушка (VII кл.) вспоминает свою жизнь в Севастополе: «Скоро я стала служить, мне только исполнилось 13 лет, с 10 час. утра до самого вечера меня не было, долго я продавала газеты, в последнее время была помощницей экспедиторши газеты... и в то же время курьером при газете». Труд, правда, вырывая из

детства, все же не разрушал, а часто и приподнимал ребенка морально. Очень хорошо это оздоровляющее значение труда в психике ребенка сказалось в одном из воспоминаний душевно сохранившегося юноши. «Тяжело мне было не нравственно, а физически... Мне, как единственному мужчине, оставшемуся дома при семье, приходилось трудно. Семья – большая, работы было много, а работать почти некому. День и ночь мне приходилось заботиться о своих младших братьях и сестрах, и несмотря на то, что этот последний год я подорвал свое здоровье, я не жалею об этом, без стыда вспоминаю эти годы своей жизни. У меня осталось сознание исполненного долга перед семьей...» (VII кл.).

Сами по себе события, как бы грозен ни был их смысл, проходят часто мимо сознания ребенка. Проводником их во внутренний мир являются наблюдения над близкими. Он видит следы слез на глазах матери, тревогу отца, приготовления к отъезду, но сам, своим детским умом, ни в чем разобраться не может. С недоумением он обращается с вопросами и расспросами ко взрослым, прежде всего к матери, но чаще всего не находит удовлетворяющего ответа. Слышит непонятные слова «революция», «большевики», «чрезвычайка» и по-своему себе их объясняет. «Большевик», в его представлении, какое-то большое, огромное чудовище, «чрезвычайку» он упорно называет «черезвычайка». Эту беспомощность очень ярко передает мальчик-казак: «Жил я в станице, ничего не знал о войне, о революции, и мне какими-то странными словами казались «революция», «война». «Что такое, батя?» – спрашивал я отца, который отвечал: «Много будешь знать, скоро состаришься». Молодой еще и недовольный уходил (я) в сад, садился на вишню и много, много думал об этом, но к чему могли меня привести мои детские мысли» (VI кл.).

Ребенку нужна конкретность, тогда он по-своему, применительно к себе объясняет общие понятия, которые вдруг

стали занимать столько места в разговорах взрослых. Очень любопытно, как мальчик объяснил, что такое «свобода». «За обедом я узнал, что все стали равны и могут что угодно делать. После обеда мне бонна давала рыбий жир, которого я не любил. Я не захотел его пить и сказал, что теперь свобода, и я не приму рыбий жир. Через неделю приехал Керенский и говорил речь...» Так по-детски верен этот рыбий жир рядом с Керенским. И в горе точно также конкретен ребенок. Нужно, чтобы горе нашло путь в его детскую душу, куда он неохотно его пускает. Посмотрите, какими странными для нас, взрослых, словами ребенок описывает видимые ужасы. «Когда мы ехали, то я прямо ужасалась, потому что около церкви висели повешенные люди, и было написано, что это большевики, но это все время проделывали местные большевики. Когда мы сели в вагон, то перед нашими глазами повесили трех и тоже сделали такую же надпись, и после этого *у меня осталось плохое впечатление*» (IV кл.). И это «осталось плохое впечатление» не только от беспомощности языка, но и от детской невосприимчивости к ужасному вообще, вне личных переживаний.

Отчасти этим я себе объясняю обилие описаний ужасов с чужих слов, описаний с обилием деталей, часто со следами детской творческой фантазии, и удивительную скупость в словах там, где депо идет о личном. Почти всюду смерть окружает детей; почти все теряют близких при трагических обстоятельствах. Очень часто отца, мать убивают на глазах ребенка. Но как целомудренно скупо умеет ребенок подойти к этому, самому страшному в своей жизни. «Около наших ворот была свалена целая груда трупов, на мостовой валялась убитая лошадь, и голодные собаки рвали ее на куски. Это были самые тяжелые минуты моей жизни. В эту ужасную ночь я лишилась моей мамы...» – так пишет девочка V кл. Или другой пример: «В город (Туапсе) ворвались большевики. И вот тут-то погиб мой горячо любимый отец. Какие они

зверства вытворяли над бедными офицерами... Но слава Богу за то, что его убили, а не мучили, как других» (IV кл.). Да, и за это приходится детям благодарить Бога! Мне не хочется останавливаться на примерах трагических переживаний детей, лучше читателя пощадить и себе дать возможность без надрыва извлечь из материала те выводы, какие, может быть, помогут хоть несколько облегчить будущую жизнь детей.

Для этих выводов важно подчеркнуть, что именно здесь, в моменты непосредственного столкновения ребенка с жестокой обстановкой, завязаны те душевные надломы, которые оставляют неизгладимый отпечаток на всю жизнь. Совершенно неожиданно, вдруг, ребенок становится иным, в нем задеваются такие струны, которые раньше не звучали в его душе. Жизнь врывается в детскую душу, жестоко ранит ее и часто навсегда искалеченную выбрасывает на чужбину. Редко дети умеют осознать этот переломный момент своей жизни, еще реже находят слова, чтобы объяснить его, но там, где говорят, там как-то по особенному ощутительно чувствуешь весь глубокий смысл этого перелома. Тот же мальчик, который так ярко передал состояние безразличия ко всему происходящему, нашел необычайные слова для изображения перелома в своей жизни. «Тут я после разлуки впервые увидел отца; какой похудел, я себе представить не мог; это был скелет скелетом; в первый раз тут во мне проснулась жалость, и я понял, что люблю отца и что очень тяжела была бы мне его смерть...» У мальчика умирает брат, отец уезжает лечиться, ребенок остается на попечении родных. «До этого я был таким мальчиком, про которого все говорили «шелопай», но когда уехал отец, я резко изменился... Изменился я в том отношении, что до этого я никогда не молился, никогда не вспоминал Бога, но когда остался один, я начал молиться, молился все время, где только представлялся случай и больше всего молился на кладбище на могиле брата» (IV кл.).

Я нарочно взял случай без тех жестоких потрясений, в результате которых создается резкий перелом в жизни ребенка. Чаще это происходит на фоне ужаса и крови. «Я пишу, может быть, очень субъективно, – говорит девушка, вспоминая свое прошлое, – но для меня вся революция сосредоточилась на убийстве моего дорогого отца с чего и начались наши несчастья... С этого дня (ареста отца) все было кончено. Под этим «все» я подразумеваю то беззаботное детское житье мирного времени, когда наша семья не была еще исковеркана». Точно также пишет мальчик-кадет: «Только когда я увидел кровь родного брата, убитого наповал одним красноармейцем, тогда я только понял, что такое «революция», что значит «война» (VI кл.).

Душевная надломленность ребенка вовсе не соизмерима с количеством тяжелых впечатлений от окружающей жизни, с обстановкой, в которой протекали его детские годы. Они могут быть ужасны, а душа ребенка может остаться все же чистой и здоровой. Этим объясняется тот факт, что в самой неприглядной обстановке вырастают дети со здоровой душой, и часто виденное и пережитое в детстве дает тот запас идеализма и жертвенности, которые затем окрашивают собою всю жизнь. И поэтому неправы те, кто видит ужас нашей эпохи только в том, что дети растут в нездоровой обстановке, что они являются свидетелями изнанки жизни. Все это, конечно, печально, и со следами этого придется долго считаться, но самое страшное все же не здесь и не в этом. Если бы сама обстановка калечила детей, то можно бы прийти в отчаяние. Ведь тогда надо поставить крест над целым поколением. Нет русского ребенка, за редкими исключениями, который не рос бы эти годы в ненормальной обстановке. К счастью, ребенок именно тем, что он ребенок, предохранен от гибельного влияния обстановки больше, чем обычно думают. Калечит ребенка не столько обстановка, сколько те душевные

травмы, которые непосильны его детской душе, те испытания, которые превращают его из ребенка во взрослого. Вот тогда, потерявши силу сопротивляемости, он подпадает гибельным влияниям среды и обстановки, которые для нормального ребенка часто проходят почти бесследно. Страшно в нашей эпохе, и этого часто не осознают взрослые, именно то, что она беспощадно разрушает детство, отнимает у детей единственную их защиту в борьбе с беспощадной жизнью. Внимание психолога-педагога и воспитателя усиленно должно быть обращено в эту сторону.

Мне не страшно за ребенка, что бы он ни описывал, когда он рассказывает, как попугай не хотел разговаривать с большевиками, потому что они ему давали колбасу, а вот когда дали семечек, «тогда попка стал с ними разговаривать. После того Киев взял Петлюра, и папа был арестован...» (III кл.). Я не боюсь воинственности кадета, если он даже на деле повоевал, пока он пишет: «Я бы воевал со всей души, я не сидел бы в III классе. Это первое мое дело». Я не могу без улыбки читать, как старательно выписывает мальчик свои горе-путешествия: шли пешком кадеты из Перми до Екатеринбурга. «Через несколько дней после осмотра мной города мы сели в поезд и поехали в Камышлов, в этом городе я не был (точно он обязан быть во всех городах. – *А. Б.*). Из Камышлова в г. Тюмень, из Тюмени в Иллим, из Иллима в г. Омск, из Омска в Новониколаевск, из Новониколаевска в Иркутск, из Иркутска в Читу, из Читы в государство Китай, из Китая в Россию в г. Владивосток, из Владивостока опять в Китай – город Шанхай, из Шанхая в королевство С. Х. С.» (III кл.). Попутешествовал мальчик, вероятно, немало перенес, бедняга, но это еще не так страшно.

Я вижу на жутком фоне проявления честности, мужества, необычайной стойкости и благородства. И этого тоже нельзя забывать. Дети находятся в обстановке поистине кошмарной.

«Я застрял в чужом городе без средств и знакомых. Не было кажется такого занятия, которое я бы не испробовал в эти кошмарные дни: я был и грузчиком, и сапожным подмастерьем, и мальчиком из магазина, и рассыльным при одном из красных клубов» (VII кл.). Но среди этой обстановки дети видят не всегда одну только мерзость, рядом наблюдают они и подвиги мужества и самоотвержения. Их реже отмечают, так как они ближе и понятнее ребенку, чем дикое и звериное. И опять-таки где конкретно сталкиваются с этими чертами мужества и благородства, там и след в душе сохраняется прочно. Девочка, с явно напетым средою антисемитизмом, тут же, рядом с проклятиями, трогательно просто рассказывает, как мать спасла ее подругу-еврейку во время погрома. «Нельзя же оставить погибать бедную девочку за то, что она еврейка», – это звучит просто и убедительно, а все угрозы не оставить в живых ни одного еврея – этому не веришь, ибо все это отдает словами взрослых.

Не могли пройти бесследно для ребенка и те примеры семейного героизма, которыми пестрят воспоминания. Пусть даже позади смерть горячо любимой матери, но образ ее, самоотверженный и бесстрашный, навсегда остался в душе. Приходят в квартиру с обыском. Солдаты «быстро подойдя к маме, подали ей папину карточку в офицерской форме. «Что же», – спросил один из них и приложил к маминому виску пистолет. Мама побледнела, но не растерялась. Я быстро подбежала к большевику и загородила собой маму. Он меня оттолкнул и уже хотел спустить курок, но тут я не знаю, откуда у меня нашлась сила. Я оттолкнула большевика и освободила маму» (IV кл.). Разве забудется образ отца в описании другой девушки: «Мать вскоре умерла от сыпного тифа, кризис перенесла она на телеге, под стогом сена, в степи, ночью. Умирая, мама просила пить, но где достать воды? Отец набрал в бутылку снега, грел его у груди и, когда он растаивал, давал умирающей пить» (VIII кл.).

Отмечают дети благородство и со стороны тех, от кого они ждут одних надругательств: «Потом приехали папины подданные солдаты, и они поступили в большевики, чтобы спасти папу, и выпустили папу из тюрьмы». Иногда эта черта жалости за людей и благородства поднимается до странствующей легенды, занесенной ребенком в свои воспоминания. «У нас был такой случай (в Одессе, где, по словам девочки, «работу давали только большевикам»), что один ребенок бросился вниз и, падая, сказал: я отдаю свою жизнь за всех» (I кл.). И то, что ребенок отмечает эту легенду, как случай «у нас в Одессе», так верно рисует его собственную восприимчивость к добру.

Дети жили в обстановке, где геройство и подвиг были рядом с низостью и жестокостью. И сами дети заражались этим геройством. С какой необычайной простотой рассказывает в одном из очень ярких воспоминаний мальчик-казак, какой ночью с двумя старшими братьями освобождает отца из тюрьмы, подпиливая решетку у окна. Для него в этом нет ничего необычайного, как нет и в том, что братья его жертвуют своей жизнью каждую минуту. Какая сила воли и раннее сознание своего долга должно быть у девочки (I кл.), которая описывает, как во время эвакуации заболевает мать и дедушка, и как она ухаживает за обоими. «Потом через некоторое время я себя плохо чувствовала, и у меня была повышенная температура, но я не хотела говорить маме...» Сколько нужно было недетского мужества, чтобы упорно молчать об отце офицере, несмотря на хитрости и угрозы выпытывающих. А указание на это мужественное сокрытие правды (оно особенно трудно дается детям, ибо ребенок не может понять, что преступного в том, что папа «офицер») вы найдете на каждом шагу. «Меня спрашивали при обыске об отце, но я ничего не сказала» (III кл.) – вот одна из обычных записей.

Даже самое страшное в детской жизни этих страшных лет – гражданская война, которая сама уже сознается преступлением, не всегда развращала и разлагала, но вызывала к жизни и необычайную стойкость, жертвенность и мужество. Уже то, что в сознании большинства гражданская война – тяжкое испытание и жертвенный долг, должно быть отмечено. «Активного участия в гражданской войне не принимал, и я благодарю Бога, что мне не выпало на долю проливать русскую кровь», – пишет один из юношей (VIII кл.). За редкими исключениями вы не встретите ни бахвальства, ни даже подчеркнутого молодечества. Есть чувство мести, но там, где оно есть, его нельзя не понять. Надо прочесть, через какие издевательства и надругательства над всем самым дорогим прошли дети, чтобы не удивиться родившейся жажде мести. Такие раны может заживить только время, но сколько личного мужества и решительности в этой необычайной военной истории детей. Нельзя не залюбоваться мальчиком-казаком, когда он пишет о высадке на берег: «Так (как) не было пристани, то все прыгали с парохода, а лошадей по лебедке спускали. Но так как я не умел плавать, то я сел на своего коня на пароходе и вместе с ним полетел в море. Сразу мы с ним нырнули; когда вынырнули, то он направился к берегу и я с ним» (III кл.). Ребенок-воин – это самое жуткое, что можно себе вообразить. И дети сами понимают, как жестоко с ними обошлась судьба. «Наши отцы не перенесли того, что мы. Они исподволь подходили к романам с убийствами, а мы... От сказок оторвали нас выстрелы кронштадтских матросов» (VIII кл.). Конечно, участие в гражданской войне оставило самый тягостный след в детской душе; мы ниже увидим, что самые сильные душевные ранения связаны именно с участием в убийстве человека человеком. Все же было бы жестокой неправдой сказать, что все участники гражданской войны навсегда искалечены. Нет, и здесь по-разному преломлялась

обстановка в душе ребенка. «Когда мы ходили в атаку или большевики на нас, то сразу все вспоминал, и дом, и мать, и сестер, и отца», – пишет, например, мальчик-кадет (III кл.). Думаю, так переживший войну морально уцелел, и за него не страшно. Страшно за того, кого события душевно ранили, кого детство не защитило от вторжения в душу таких переживаний, после которых он перестал уже быть ребенком.

Легко заметить, что в жизни таких детей обычно все сосредоточено на одном трагическом событии, что именно в этом событии – завязан узел всех их страданий. Можно бы привести десятки воспоминаний, где отчетливо вскрывается тот основной шок, с которым связана душевная надломленность ребенка. Очень часто ребенок отмечает, что он под впечатлением пережитого заболевает. «На следующий день 10 красноармейцев пригнали на наш двор 3-х казаков. Затем, оголив их спины, красноармейцы стали бить их саблями по спинам и головам. Кровь полилась ручьем... Все запрыгало у меня в глазах... Я заболела... Моя детская душа не могла перенести этого», – пишет девушка (VIII кл.), вспоминая свое детство. «После этой ужасной проведенной ночи со мной сделалась горячка, и с этой минуты я ничего не помню», – пишет другая (II кл.). Чрезвычайно ценны те сочинения, где удается уловить именно этот момент душевного ранения ребенка. Он связан чаще всего со смертью. Страшно, когда смерть заглядывает в глаза ребенку, когда он своим маленьким существом чувствует, что сейчас, вот сейчас должно случиться непоправимое. Девочка пишет, что ее с матерью и отцом повели в чрезвычайку. «Сидели мы недолго, пришел солдат и нас куда-то повели. На вопрос, что с нами сделают, он, гладя меня по голове, отвечал: «расстреляют». Сколько немого ужаса было в этом слове» (IV кл.). Я не могу без внутренней дрожи вспомнить и крик другого ребенка в чеке. «Бабушка, я не хочу умирать!» Эти переживания, конечно,

оставили неизгладимые впечатления, а часто неизлечимое душевное ранение.

О том, как сроднились дети с мыслью о смерти, свидетельствуют некоторые спокойные записи, за которыми скрыто очень много. «Я была рада, – пишет, например, девочка (IV кл.), – что могу учиться и жить спокойно, *не думая о том, что меня убьют.* И могу получить образование». – «Самим нам казалось странным, что мы живы», – пишет девочка, пережившая бомбардировку Киева.

Но даже угроза лишения жизни является не самым страшным испытанием для детской души. Эта рана как-то скорее зарубцовывается. Но участие в убийстве другого, кровь на детских руках – это невыносимое испытание для ребенка. Убийство, если оно осознано ребенком, делает его навсегда калекой. Тот же мальчик, который с таким надрывом писал о воровстве, так рассказывает дальше свою жуткую повесть. «Зимой моих братьев и сестер разобрали добрые люди. А я... Взял браунинг отца и пошел было убить комиссара. Да по дороге увидел у сада че-ка гору трупов... И такой ужас охватил меня, что я бежал из города... Четырнадцатилетним мальчиком сделали меня унтер-офицером. Никогда не смотрел я на действие своего оружия: мне было страшно увидеть падающих от моей руки людей. А в августе 1919 г. в наши руки попали комиссары. Отряд наш на 3/4 состоял из кадет, студентов и гимназистов... Мы все стыдились идти расстреливать... Тогда наш командир бросил жребий, и мне в числе 12-ти выпало быть убийцей. Что-то оборвалось в моей груди... Да, я участвовал в расстреле четырех комиссаров, а когда один недобитый стал мучиться, я выстрелил ему из карабина в висок. Помню еще, что вложил ему в рану палец и понюхал мозг... Был какой-то бой. В середине боя я потерял сознание и пришел в себя на повозке обоза: у меня была лихорадка. Меня мучили кошмары и чудилась кровь. Мне снились трупы

комиссаров... Я навеки стал нервным, мне в темноте мерещатся глаза моего комиссара, а ведь прошло уже 4 года... Прошли года. Забылось многое; силой воли я изгнал вкоренившиеся в душу пороки – воровство, пьянство, разврат... А кто снимет с меня кровь? Мне страшно иногда по ночам». Вы видите перед собою юношу с явно выраженным душевным надломом.

Вот еще один пример. Юноша 18 лет описывает расстрел махновцев: «Мне ярко врезался в память расстрел взятых в плен махновцев. Они были взяты во время нападения Махно на Екатеринослав. Среди них были подростки лет 14–15. Наши понесли во время последних боев тяжелые потери, и солдаты решили расстрелять пленных. Их вывели за город и приказали рыть ямы. Меня тоже назначили в конвой пленных. И вот, когда ямы были вырыты, из толпы смертников отделился один моих лет, упал к ногам командира, охватил его ноги и стал, захлебываясь слезами, молить о спасении. Тот приказал его убрать, и этот несчастный так кричал и забился в руках солдат, что я не мог вынести и бросился бежать от этого страшного места» (VII кл.).

Не могу не привести на этот раз довольно большого описания расправы с красноармейцами, в котором так ярко сказалась душевная реакция участника и свидетеля события. Мальчик, которому было лет 15–16, пишет, что он не выдержал картины ужасов и от всего виденного «вскочил в вагон подошедшего эшелона и, почувствовав усталость, лег на свое место. Вдруг раздался страшный душу раздирающий крик: «Пощадите, ведь я не по своей воле, меня взяли силой!» «Врешь!» слышался ответ и глухой удар по чему-то мягкому, глухой стон, хрипение и опять мольбы; я не выдержал и, вскочив на ноги, подошел к двери и, о ужас! Вся панель усеяна трупами, с разможженными головами, еще ворочающиеся и стонущие производили ужасное зрелище. Но вот крик; я об-

ращаю свое внимание в ту сторону и, о ужас, молодой, скорее еще мальчик, очень красивый, полунагой стоял на коленях перед солдатом с озверевшим лицом и поднявшим над головой мальчика приклад; у мальчика от испуга глаза, казалось, выскочить хотели, в них были ужас, мольбы о пощаде, но солдат очевидно уже ничего не соображал. Едва он еще хотел что-то крикнуть, как приклад опустился на его голову. Я не мог выдержать, хотел броситься к нему, но что я мог сделать с человеком-зверем. После того я никак не мог сладить с собою; я как-то ослабел, я не мог больше оставаться в этой среде, морально я чувствовал себя кошмарно. Ждать долго не пришлось, вскоре я был ранен, и мне пришлось убраться в лазарет» (VII кл.).

Именно эти дети-взрослые, заглянувшие в глаза смерти и сами невольные соучастники в величайшем преступлении, носят в себе душевную рану. Для них высказать себя – большая мука, но и большое освобождение. Чем глубже таят они в себе пережитое и выстраданное, тем сильнее оно отзывается на их внутреннем душевном мире. Читая их нервные строки, написанные, как исповеди, я думал: они обрадовались возможности сбросить с себя кошмары, хоть перед кем-нибудь высказать то, что наболело у них. В их словах и жалоба и обвинение. Они знают, как искалечило их время, и горько вспоминают свое золотое детство. «Что был я – и что стал? Был когда-то юноша-ребенок, жизнерадостный, с веселыми мыслями, с радужными надеждами, с мягким любящим сердцем, а теперь стал нравственный калека, почти малограмотный, озлобленный и ожесточенный на всех и вся и запуганный, как лесной волк», – пишет юноша калека, как он сам себя называет (VII кл.). «Я часто не узнаю ни папы, ни мамы, да и себя также: из веселой девочки я превратилась Бог знает в кого», – жалуется девушка (VII кл.), а другая, ее подруга, замечает: «Но ничем и никогда не загладить тех ужасных лет,

проведенных во время большевизма. Они много сделали, исковеркали душу, рано заставили состариться» (VII кл.). Вот за этих, повторяю, детей-взрослых страшно!

2

Мне пришлось для тех педагогических выводов, ради которых я взялся за эту статью, пересмотреть материал и по-своему перераспределить его. Я рисковал при этом кое в чем, а особенно в примерах, совпасть с работами других авторов сборника. Но я думаю, читатель на меня за это не посетует. При ином подходе по-иному невольно освещается один и тот же материал. Иной подход дает возможность привлечь и новое, что оставалось бы вне поля зрения других. Мне важно было проследить, как ребенок оберегает свой детский мир от вторжения в него действительности и в какой постепенности это разрушение детского мира идет.

Мне важно показать, с каким упорством ведет ребенок эту борьбу и как ему удается уберечь себя даже в самой ужасающей обстановке. Мне важно было для выводов доказать, что обстановка сама по себе не имеет решающего значения в формировании души ребенка и что ребенок защищен своей детскостью от разлагающего влияния окружающей его среды. Мне надо было показать, что для душевного развития ребенка самое опасное лежит в тех резких вторжениях в его детский мир, при которых он насильственно вырывается из него и становится беззащитным перед лицом жестокой жизни.

В связи с этими положениями для меня педагогически решающим является не установление обстановки, в которой протекало детство и юность ученика, а характер индивидуально им пережитого. Только в индивидуальном подходе к каждому отдельному случаю могут быть вскрыты конкретные педагогические приемы. Но поскольку приходится обобщать выводы, я прежде всего склонен *делить детей на две группы: сохранившихся и душевно раненных; детей и детей-взрослых*.

Педагогические проблемы соответственно этому распадаются на две категории: нормальные и исключительные.

Конечно, в изменившихся условиях изменился и ребенок. Нужен и иной подход к нему. Эти изменения в главнейшем сводятся к следующему. Прежде всего, как общее правило, ребенок остался без семьи, во всяком случае без семьи в прежнем смысле слова. Кризис семьи, особенно в условиях роста больших городов и необходимости заработка женщины, намечался и раньше. В связи с этим педагогически острее становится вопрос о непригодности старой школы, дополнявшей семью, но не восполнявшей ее. Навстречу этой новой потребности шли детские сады, рост которых несомненно находится в известной связи с частичным перемещением «семьи» из дома в школу. Тенденция распространения влияния педагогических идей, связанных генетически с дошкольным воспитанием, на школу, вероятно, отражает тот же процесс. Особенно ярко сказались в педагогике эти новые запросы времени в применении к рабочей школе, в движении детских клубов (Вукотич, Петербург), сетлементов (Шацкие, Москва) ит. п.

Бурная эпоха революции только обострила этот уже ранее намечавшийся процесс и поставила более остро те педагогические проблемы, которые связаны с ослаблением роли семьи в жизни ребенка.

В эмигрантской школе проблема эта стала особенно остро. Катастрофически увеличился процент детей вовсе без и вне семьи оставшихся. Для иллюстрации приведу некоторые цифровые справки; беру только совершенно достоверные данные. В Болгарии (нач. 1924 г) из 1242 учащихся девяти обследованных школ круглых сирот – 7%, полусирот – 30,6% (жива мать – 22,5%, жив отец – 8,1 %); детей, судьба родителей которых неизвестна – 6%, итого детей, не имеющих

нормальной семьи – 43,6%[46]). В одной из самых больших гимназий в Тшебове Моравской (1922 г.) на 592 уч. – сирот и полусирот 194 чел., что составляло более 30% всех учащихся, и если принять во внимание местожительство родителей, то окажется, что более 45% детей находилось на сиротском положении[47]. Уже эта фактическая справка показывает, что как общее правило мы имеем в эмиграции ребенка, остающегося без воздействия на него семьи. Очень образно этот развал семьи отразился в одном ответе мальчика: «Наша семья такая: мама в Бельгии, брат в Индокитае, папа неизвестно где, а я здесь».

Если же взять условия, в которых живут те немногие счастливцы-дети, которым судьба сохранила родительский дом, то перед педагогом станет еще более тяжелый вопрос: полезно ли ребенку оставаться в той обстановке, в которой неизбежно вынуждена жить современная эмигрантская семья? Чтобы не быть голословным, приведу некоторые данные специального обследования болгарских гимназий, доложенные на Совещании представителей русских учебных заведений в Болгарии, в ноябре 1924 г.

Вот одна из исключительных гимназий – Варненская, где 66% учащихся живут у родителей. Каковы же бытовые условия этой жизни? «Быт семей учащихся в Варненской гимназии создает, в подавляющем числе случаев, весьма неблагоприятные духовные и моральные условия для воспитания детей. Убогость непривычной для родителей учащихся беженской обстановки жизни является главной к тому причиною. Материальное благополучие семей, с их эвакуацией

[46] Этот процент к сентябрю 1924 г. несколько уменьшился: по трем гимназиям В. С. Г. и З. Г. К. из 635 учащихся оказалось сирот и полусирот и утерявших родителей 34,4%. См. Бюл. Пед. Бюро № 7, с. 73.

[47] А. Бем. Школа и дети в эмиграции. – Своб. Россия, 1924 г. № 3, с. 172.

из России, скоро резко изменилось к худшему, и редко кто из родителей учащихся нашел себе занятия по душе. Большинству пришлось приспособляться к непривычному, нелюбимому труду, которому в силу необходимости и отдавать все свои силы. В заработках принимают участие все способные к тому члены семьи. Не избавлены от этого участия и учащиеся в гимназии. Они принуждены отдавать свободное от учебных занятий время не чтению книг, которые к тому же чрезвычайно трудно доставать, а приготовлению для продажи игрушек, раскрашиванию открыток и т. п. кустарным изделиям, а в каникулярное время надрывать неокрепшие силы на поденных работах, на постройках домов, по рытью канав и пр. Дети младшего возраста обслуживают нехитрое домашнее хозяйство эмигрантской семьи, и не редкость, что девочка 10–11 лет самостоятельно готовит незатейливый обед, что в прежнее время не сумели бы сделать и взрослые члены семьи. Более мелкие хозяйственные заботы, переложенные родителями на детей, влекут за собой либо опаздывание их к началу уроков в гимназии, либо пропуски уроков в течение дня по «домашним обстоятельствам». Совокупность домашних работ по хозяйству и учебных занятий перегружает детей, живущих дома, заботами и трудом, надрывая неокрепший организм ребенка. Впечатления радостного детства убиваются преждевременностью житейских забот. Дети в теперешней обстановке для многих родителей лишь обуза. Они им в тягость. Если прежде отправка детей в закрытые учебные заведения была целым горьким событием, то теперь устройство детей в интернаты доставляет родителям только радость, освобождая их для заработков»[48]. Рады не только родители, рады и дети. Нерадостно их возвращение в родительский дом на время каникул: «Дома их встречает неустройство, отсутствие уюта и, в довершение всего, ожидание со стороны

---

[48] Бюллетень Педагогочиского Бюро, № 7, с. 55.

родителей помощи в домашней работе. Кроме ласки при встрече, родители ничего не могут дать детям. Радость встречи и свидания затемняется ощущением недостатка, лишений и нищеты. Детей начинает тянуть раньше срока отпуска в интернат, где они оставили друзей и нехитрые развлечения. Беженский родительский дом не удовлетворяет детской потребности в уюте и в исключительном к ним внимании со стороны родителей, обремененных нуждой и заботой. Старшие, напротив, проникаются сознанием трудного положения родителей и охотно посещают дом, желая помочь семье, чем могут. При длительных отпусках они стремятся найти работу на стороне, чтобы облегчить существование семьи»[49].

Чаще, чем раньше, в эмиграции сталкиваешься со случаями, где моральная обстановка, в которой живут дети в семье, настолько нездорова, что о благодетельном влиянии семьи говорить не приходится. В своем докладе на Болгарском совещании Н. В. Ставровский, по нашему мнению, несколько обостренно воспринимающий отрицательные условия жизни наших детей, все же рисует такую неприглядную картину семейных нравов эмиграции, что заставляет поневоле призадуматься. «Многие из детей, – говорит он, – были свидетелями в своих семьях возмутительнейших проявлений человеческой разнузданности и полного пренебрежения семейными и вообще нравственными обязанностями. Видели они, как развратничали их родители, каких матери бросали отцов и сходились с любовниками, которых в свою очередь быстро меняли. Только тот, кому пришлось в это страшное время выслушивать многочисленные исповеди учеников, знает, в какую бездну страданий и соблазна бросила их с раннего детства судьба»[50].

---

[49] Бюл. Пед. Бюро, № 7, с. 56. Шуменская гимназия.

[50] «Об особенных целях воспитания в русских закрытых учебных заведениях заграницей». Бюл. П. Б., № 7, с. 86.

Повторяю, пусть эта характеристика семьи слишком сгущена, пусть рядом и чаще наблюдается самоотверженная жертвенность матерей и отцов, в совершенно невероятных условиях воспитывающих своих детей, но мимо фактов разложения прежнего уклада семейных отношений пройти нельзя. Все это приводит к выводу, что *материальные, а часто и моральные условия жизни ребенка в своих семьях хуже условий жизни их в школьных общежитиях.*

Совершенно невозможно в современных условиях подходить к закрытому учебному заведению с прежними мерками. Надо отбросить те укоренившиеся предубеждения, которые выросли на иной, ничего общего с нынешней не имеющей почве. Нужно твердо сказать: только закрытое учебное заведение может сейчас в полной мере взять на себя заботу о детях. Школа для приходящих справиться с новыми задачами, ставшими перед педагогами, вряд ли может[51].

Прежняя школа, семью только дополняющая, а не восполняющая, может быть, вообще отходит в прошлое для школы массового типа, а в условиях эмигрантских является просто педагогически не отвечающей требованиям времени. Школа-семья, школа – родной дом – вот что властно требует от нас жизнь. Поэтому такое странное на первый взгляд явление: «институт», «кадетский корпус» оказались жизненнее,

---

[51] Я не хотел бы быть ложно понятым. Я вовсе не являюсь защитником закрытых учебных заведений, прекрасно знаю их теневые стороны и знаю, что заменить семью они, особенно по своей связи со старой традицией, не могут. Исхожу из анализа сложившегося положения и говорю применительно к нему. Не говорю о том, что есть, а говорю о том, что надо, чтоб было. Считаю большой трагедией современности, что семья теряет ребенка, что она вынуждена передать свои воспитательские обязанности детскому дому и школе, если не хочет предоставить ребенка улице. Заменить семью в полной мере ничто не может, но восполнить то, что ребенок теряет с семьею, как-то надо.

нужнее, чем «передовая» школа старого типа[52]. Ибо эта устарелая в прежних условиях форма стоит все же ближе к школе-семье, чем любая школа для приходящих. И, как более близкая, она лучше и быстрее сумела приспособиться к новым условиям. Из этого надо сделать все необходимые выводы.

Больше, чем когда-либо, жизнь предъявляет сейчас к учителю требование: быть не только педагогом, но и воспитателем. И здесь больное место русской заграничной школы. У нас много хороших педагогов-учителей, но очень мало педагогов-воспитателей. Мы все еще говорим больше о программах и методах, чем о задачах воспитания. Школа-семья требует и совершенно иного внутреннего строя и иного подхода к самому преподаванию, чем в прежней школе. Нельзя механически соединять несоединимое: школу с пансионом; нельзя до определенного часа загонять детей в классы, проходить с ними предметы и затем передавать воспитателю на попечение. Преподаватель и воспитатель должны быть в одном лице, школа-дом должен быть одно органическое целое. Только такая школа может справиться с возлагаемой на нее временем задачей. Не могу во всем объеме касаться этой проблемы; отмечу только кое-что с нею связанное.

В своих наблюдениях над воспоминаниями я указывал, какое большое значение для ребенка имеет материальная сторона его существования. Разрушают «детство» прежде всего и больше всего физические лишения. Для ребенка, для охранения его душевной сферы важнее всего не подвергаться острым физическим лишениям: не испытывать голода и холода. Нужда скорее всего старит ребенка. Семья – и это главное – не может сейчас поставить ребенка в мало-мальски сносные условия физического существования. Это гибельно

---

[52] Я имею в виду хорошо поставленную в смысле преподавания школу, построенную по принципу школы, дополняющей семью.

отражается не только на здоровье, но и на психике ребенка. «Характерными чертами подрастающего поколения русских эмигрантов в Варне, – говорит отчет педагогического совета школы, в которой 66% учеников приходящих, – являются: бледность, связанная с малокровием от недоедания, вялость движений и хмурый, грустный вид детей, возбуждающих жалость и сострадание»[53]. Как ни неприглядна по старому масштабу обстановка жизни в большинстве интернатов, все же там дети по крайней мере получают самое необходимое. И это сразу возвращает им детство. Вот моментальная картинка Шуменской гимназии, живущей в очень трудных материальных условиях: «Плохо одетый, иногда босой или в деревянных сандалиях, а летом почти сплошь без обуви, зимой трясущийся от холода из-за отсутствия теплой одежды, несущийся поэтому по коридорам и дворам не иначе, как бегом, недостаточно напитанный, но... несмотря на это, бодрый, жизнерадостный, неунывающий, высоко оценивающий возможность пребывания в гимназии и возможность учения... Младшие... живут и учатся при таком же бодром и веселом настроении. Уныния в гимназии нет. Есть шалости, проступки, уклонения от правил дисциплины, но не уныние. Гимназия живет бедной, трудовой, но бодрой и веселой жизнью. Эта черта является основною и характерною для детей в эмиграции, указывая на неприхотливость, прочно воспитанную в них предыдущими невзгодами, при сравнении с которыми жизнь в гимназии, несмотря на всю убогость ее обстановки, дает много лучшего»[54].

Вопросы физического воспитания, вопросы здоровья имеют сейчас в школе огромное значение. Нужно не только охранять детей в данное время, нужно залечивать старые

---

[53] Бюл. Пед. Бюро, № 7, с. 55.

[54] Бюл. Пед. Бюро, № 7, с. 61.

раны. Школа и здесь должна брать на себя целиком заботу семьи. Поэтому роль врача в эмигрантской школе чрезвычайно ответственна. Учитель должен в отношении к ребенку заимствовать по-своему мудрое правило Простаковой – был бы здоров, а ученье само придет. Борьба с перегруженностью сейчас, как никогда, лежит на обязанности педагога-воспитателя. Первая и основная задача сохранить ребенка для жизни, сохранить его сопротивляемость, физическую и моральную. В связи с этим больше внимания должно быть уделено игре, спорту, чем это делалось в прежней школе. Если бы не внешние условия, от которых зависит русская школа, то следовало бы ее совсем по-иному строить, надо бы совершенно сломать привычные рамки и создать *школу физического и психического здоровья,* прежде всего, а затем уже школу знания. Роскоши губить детей школой мы себе сейчас позволить не можем, слишком уже много и так растрачено молодых жизней. Если судьба лишила ребенка матери, которая дрожит над его здоровьем, если у него забрали отца, который морально охраняет его, то эти обязанности, как никогда, ложатся на школу.

Неожиданно разрешила судьба и вопрос трудовой школы. Не от теории, а от жизни вошел труд в эмигрантскую школу. Без помощи учащихся в обслуживании хозяйственных нужд школы целый ряд эмигрантских школ вовсе не мог бы просуществовать. Так, например, обстоит дело в Болгарии. Шуменская гимназия при помощи трудовых нарядов проводит обработку, посев и посадку огорода, рубку леса для заготовки топлива, доставку, разгрузку и укладку дров, заготовку продуктов питания на зиму, побелку стен и мытье полов в интернатах, уборку дров, починку белья, штопку носков, пул ков и т. п. В наряды для исполнения этих работ привлекаются все воспитанники и воспитанницы. Насколько вредно это отражается на занятиях (для здоровья, по общему свидетельству,

скорее полезно) спорить не приходится, жизнь требует этих работ, и к этому требованию необходимо приспособиться. Воспитанники, особенно старшие, прекрасно понимают, что от добросовестного отношения к своим трудовым обязанностям зависит часто самое существование школы или попросту их личная судьба.

Не стоит повторять общеизвестных положений о воспитательном влиянии трудового начала в школе, об этом и так много написано. Важно только подчеркнуть, что в части эмигрантских школ имеется, быть может, самое важное добавочное условие трудовой школы, делающей ее осмысленной, – это простая и ясная для ребенка цель его трудовых усилий.

Мы видели, что физическая работа, если она не надрывает сил ребенка, менее всего подавляет его психику. Больше того, если труд своим результатом облегчает существование свое и близких, то он приподнимает настроение, дает своеобразное удовлетворение исполненного долга. Так бывает в семье, когда юноша или девушка своим трудом помогают родным. Но в современной семье слишком часто на плечи ребенка ложится непомерно тяжелая работа изо дня в день, убивающая своим однообразием и безрадостностью. В школе, где работа ведется не в одиночку, а совместно с товарищами, где в нее неизбежно вплетается психологический элемент игры, отрицательная сторона работы не так сказывается. Надо принять во внимание и душевный склад современного ребенка, для которого очень часто товарищество и труд – лучший способ отвлечься, уйти от своего прошлого. Ребенка надо готовить к жизни, суровой и неприглядной, его надо приучать к самостоятельности и самодеятельности, дать ему в руки необходимые навыки и привычки к труду. Это лучше всего можно сделать в условиях школы-семьи, но не просто семьи, а семьи трудовой, в которой каждый чувствует свою ответственность за благополучие целого.

Совершенно особое значение в настоящих условиях приобретает вопрос о совместном обучении. Поднимать теоретических споров о вредности и полезности совместного обучения опять-таки не приходится. Совместное обучение в эмигрантских школах утвердилось всюду, за исключением нескольких корпусов и институтов в Югославии; так этого требовала жизнь. Условия жизни вызвали и новую форму – школу-интернат с совместным обучением. Когда я говорю, что школа должна возместить ребенку семью, которой он лишен, то имею в виду и еще одну чрезвычайно, по-моему, важную сторону. Семья имеет совершенно исключительное значение для формирования половой сферы ребенка. Общение в семье закрепляет в человеке особое психическое свойство – незаинтересованное общение полов. Облагораживающая роль значения семьи в укреплении этих навыков огромна. И этого облагораживающего влияния, имеющего особенное значение для переходного возраста, современный ребенок в большинстве случаев лишен. Если школа хоть до некоторой меры хочет заменить собою семью, она должна учитывать и эту ее роль. Разрушение семьи именно в этой области имеет самые тяжелые для ребенка последствия.

Совместное обучение отчасти вырабатывает те стороны психики, которые так необходимы в жизни. И в этом вопросе очень интересен опыт совместной школы-интерната. В Шуменской гимназии, где менее всего регламентировано общение во внеклассное время, по мнению педагогического персонала, «совместное нахождение в школе с интернатом на мальчиках отражается благотворно. Оторванные от родного очага, не имеющие близких, мальчики находят в такой школе условия, приближающиеся к нормальным условиям существования. Вносимая девочками чистота нравов и отношений спасает их от одичания и огрубения и дает им случаи упражнять заложенное в каждом из них стремление защиты

и помощи слабому. Близость девочек заставляет мальчика внутренне подтягиваться, сдерживаться от грубых выходок». Менее благоприятно, по наблюдениям гимназии, влияние мальчиков на девочек: «Близость мальчиков делает девочек более легкомысленными, а близкая и всегда готовая помощь со стороны однокашников способствует развитию в них беспечности». Постоянное общение создает упрощенность отношений, напоминающую такую же в семье. «Нередко можно видеть девочку, трудолюбиво склонившуюся над штопкою рваных штанов своего одноклассника, причем это отнюдь не означает какой-либо особой заинтересованности между ними». Чрезвычайно выгодное впечатление производят воспоминания старших тем, что они за редчайшими исключениями вовсе не касаются отношений полов. А ведь большинство из них прошло через гражданскую войну. Что и в этой области ими немало пережито, свидетельствует хотя бы запись мальчика, попавшего в Мелитополе в советское общежитие: «Боже мой! что только я здесь не перенес, чего только не видел. Женщины меня учили разным гадостям и смеялись, когда я стеснялся, поэтому мне поневоле приходилось стараться делать то, что они говорили и хотели» (IV кл. 18 *л.*). И вот, несмотря на тяжелое в этом отношении прошлое, в отношениях юношей и девочек в школе эта сторона почти не сказывается. Тех трудностей, каких можно было ожидать, в действительности нет. «Сплетен и двусмысленных рассказов в среде мальчиков про девочек и, наоборот, – говорит отчет шуменской гимназии, – почти не замечается. Напротив, имеются данные утверждать, что попытки в этом направлении встречают резкий протест среды. Единичные случаи отступления от этого являются характерными не для среды, а только для лиц, вызвавших эти случаи»[55]. Здесь мы

[55] Бюл. Пед. Бюро, № 7, с. 38–39.

снова видим, какая большая сопротивляемость у детей окружающей их обстановке.

Все сказанное приводит нас к общему выводу: *при изменившихся условиях главная задача лежит в создании школы, восполняющей семью.* Для ребенка, не похожего во многом на прежнего, но относительно сохранившегося школа-семья может дать ту обстановку, при которой он войдет физически и морально здоровым в жизнь.

Школа для детей, столько испытавших, не просто место учения. Для них в большинстве случаев со школой связано возвращение к нормальной жизни; здесь они могли забыться от недавних кошмаров и снова почувствовать себя детьми. Именно поэтому так много теплых слов в сочинениях о своей школе, так искрения благодарность тем государствам, которые их, детей, приютили и дали возможность жить и учиться. Дети, прошедшие через всяческие испытания, благодарны судьбе за немногое. Девочка-институтка, для которой с революцией связано воспоминание о «всегда расстроенных лицах» близких, потерявшая мать и бабушку, проделавшая эвакуацию с институтом из Харькова в Новочеркасск и поездку в Югославию, о которой говорит: «Смутно я помню эту поездку; длинная и грустная была эта поездка», девочка эта замечает об институте, где учится теперь: «Живем хорошо: нас кормят, одевают очень хорошо. Учимся в хорошем здании при хороших условиях, за что и надо благодарить Бога» (IV кл.). Даже уже одно поступление в школу вызывает необычные для детей прежнего времени мысли и чувства: «Я была очень довольна, что меня приняли, так как маме трудно зарабатывать деньги для прокормления», – пишет, например, девочка (III кл.).

Мы имеем перед собой трудный в воспитательном отношении, но и очень благодарный материал. Педагог-воспитатель должен найти пути к душе современного ребенка,

должен осторожно подходить к его прошлому и не забывать, что это прошлое не могло пройти бесследно. Он должен уметь использовать этот ранний опыт ребенка в его же пользу, помочь ему осмыслить пережитое, подняться над чувством ненависти и мести, которое многие затаили в себе, и укрепить их творческий порыв служения родине.

Бесконечно труднее и сложнее задача педагога-воспитателя с детьми-взрослыми, с детьми, которым жизнь нанесла жестокие душевные ранения. Никаких общих указаний здесь дать нельзя, приходится всякий раз считаться с индивидуальностью ребенка и его душевным состоянием. Думаю, что здесь очень важно точно знать, какое событие явилось для ребенка решающим в его внутренней жизни. В этом случае уже не вернуть ребенку утраченного детства; слишком сильны были личные страдания, чтобы их вырвать из его души. Школа может лишь укладом своей жизни оттеснить в глубину сознания пережитое, дать затянуться душевным ранам. Именно за это так ценят школу взрослые дети. Здесь у них рождается надежда, что они снова воскреснут к прежней жизни. «Жестокий ураган большевизма сбил меня с ног, тяжело ранив при этом», – пишет юноша-кадет. «Только теперь я начинаю оправляться от этой раны и думаю, что в конце концов она совсем заживет и от нее останется только слабый рубец» (VIII кл.). Однако детские воспоминания показали, как остро еще в душе все пережитое, как легко и ярко оно вырывается при первой возможности на поверхность сознания. «Но я никогда не забуду своей жизни в России в последний год, – говорит девочка, – и часто среди веселья и шума перед глазами встают лица умирающих от голода и слышатся их крики и проклятия большевикам» (VI кл.). Вместе с воспоминаниями с большой напряженностью воскресают в памяти обиды и горечь, чаще еще чувство ненависти и мести к тем, кого ребенок считает виновником своих испытаний.

Девушка, побывавшая в чрезвычайке, пишет: «Все, что я видела, чересчур тяжело, но воспоминания, кроме ужасной тоски, возбуждают во мне ужасную злобу, ненависть к этим людям, которые заплевали нашу Россию, наши храмы, дворцы» (VI кл.).

Следы этой ненависти, часто неосмысленной, направленной под влиянием политических настроений взрослых ко всему, что так или иначе в представлении ребенка связано с революцией, встречаются на каждом шагу.

На все это нельзя закрывать глаза, не должно этого и замалчивать. Несомненно, много жуткого и болезненного таит в себе душа ребенка, прошедшего через нечеловеческие испытания. Страдания были огромны и, раз ворвавшись в душу ребенка, они оставили в ней «неотразимые обиды». Бороться с этим прежними приемами воспитательного воздействия безнадежно; думать, что их можно победить путем режима военной дисциплины, – значит не понять сложности задачи, перед педагогом-воспитателем стоящей[56]. Заставить просто забыть прошлое невозможно и педагогически неоправданно. Надо, опираясь на жизненный опыт, направить юношу на путь творческого преодоления своего прошлого, поднять его над мелким и преходящим и направить по пути высшего осмысливания как своей личной жизни, так и судеб своей

[56] «На учащихся старших классов определенно резко и больше всего сказывается пребывание их в армии со всеми хорошими и дурными сторонами этого пребывания. Любовь к родине, готовность отдать за нее свою жизнь, самостоятельность, решительность, мужество и храбрость – таковы положительные качества этой группы учащихся. Их в гимназии почти половина (40%). Легкое отношение к завтрашнему дню, недостаточно заботливое отношение к гимназическому имуществу, неумение ценить ни своей, ни чужой собственности – таковы отрицательные стороны этой группы учащихся. К таким учащимся более применимы требования военного воспитания, с воспитателями бывшими в рядах армии». (Галлиполийская гимназия). – Бюл. Пед. Б. № 7, с. 63.

страны. Надо быть на высоте того профессора, который вернул ребенку смысл жизни. Юноша-доброволец, дважды раненный, впал в отчаяние после крушения добровольчества: «Все погибло – все надежды, все стремления, все... и я принял отраву; но к счастью меня вылечили и внушили мне, что нужно жить, что стыдно и позорно умирать испугавшись жизни...» (V кл.). Тут прежде всего огромную роль играет сила нравственного примера воспитателя, заражения своей верой и своим пониманием жизненной трагедии наших дней. Этого не всегда можно требовать, но надо во всяком случае одно: серьезное и вдумчивое отношение к запросам ребенка, умение и выслушать и вникнуть в его внутренний, часто путаный и больной мир. Только внутреннее перерождение, большой душевный сдвиг может вырвать из души взрослого-ребенка обиды и страдания, нанесенные ему беспощадной жизнью. Надо помочь ему, кто может и кто в силах, стать на этот спасительный путь. Его нельзя указать, его можно лишь наметить. И намечает его в удивительных словах ребенок-девочка: «И сколько раз в тишине полутемного дортуара думалось мне, одинокой девочке: «Боженька, неужели все так и останется. Помилуй Россию, помилуй меня!» (VI кл.).

Осмыслить свои испытания как часть страданий родины, видеть свое спасение в ее воскресении – вот путь, который мне чуется в этих молитвенных словах.

5 июня 1925.

В. Левитский
У последней черты

2400 русских детей и подростков выполнили необыкновенную работу: они искренне и просто рассказали о пережитом. Наш долг – внимательно и чутко прислушаться к их голосам. Сделав это, мы отыщем, может быть, единственную уцелевшую тропинку, которая вплотную подведет нас к пониманию современной молодежи. Совершенно серьезно считаю, что эти детские исповеди должны стать настольной книгой для каждого, кому дорого будущее родной страны. Их нужно читать, перечитывать, внимательно всматриваясь в темные и светлые пятна многогранной и мятущейся души ребенка или подростка, стараясь узнать, иногда угадать, часто только смутно почувствовать ее стремления и пути. 2400 авторов этих воспоминаний пережили незабываемое. Жизнь втиснула их в страшный круг смерти и страданий. Они росли среди трупов, крови и лишений. Один из них метко отмечает, что ураган, жестоко изранив, сшиб его с ног. Дети видели все, даже человека, которого должны убить, и он уже как бы перестал жить. Многие убивали сами. Один с диким любопытством совал палец в раскроенный череп и нюхал мозг добитого им раненого. Другой, маленький мальчик, кричал в предсмертном ужасе: «Бабушка, я не хочу умирать!». В бессонные ночи девочки и мальчики, затаив дыхание, сбившись комочками, прислушивались к жуткому шуму автомобилей, несущих смерть. У многих на глазах замучили и убили близких и дорогих людей.

Выпила до дна эта русская молодежь и чашу личных страданий. Знала и холод, и голод, и раны, смотрела непонимающими, широко открытыми детскими глазенками в лицо смерти. Вынесла все... и уцелела, крепнет и развивается.

Общее впечатление от этих исповедей и рассказов заставляет с глубоким благоговением преклониться перед величием и красотой души русского ребенка. Никто из нас не смеет бросить камнем и в ожесточившихся и отчаявшихся. Да таких и немного. Редко вырывается из их уст суровое осуждение: «О будь все проклято!» «Животные реже людей нападают друг на друга». «Кто снимет с меня кровь?» Такие фразы исключение. Гораздо чаще авторы отмечают ласку и добро. Очень многие в теплых выражениях отмечают труды и заботы своих теперешних руководителей, учителей, воспитателей, заменяющих их родных. На разные голоса славят приютивших их, как братьев, чехов и сербов. Не забыт и негр, угостивший молоком, японка, подарившая куклу, добрый старый индус и турок, когда-то принесший апельсин.

Иногда дети, юноши и девочки, не прочь и пошутить. Огромное большинство очень тепло отзывается о школе, довольно своим теперешним положением, отмечает свое продвижение вперед в смысле духовного развития, вообще рассуждает толково, иногда талантливо. Все это так, но, конечно, бесследно все пережитое пройти не может. Вся эта молодежь уже сейчас явно не похожа на прежних гимназистов и гимназисток. Будет своеобразна и дальше.

Задачей этого моего очерка является попытка наметить те наиболее срочные меры, которые требует от нас жизнь, чтобы оберечь эту молодежь от опасных ошибок и неправых путей. Перед нами самые счастливые, самые надежные – они все получили возможность продолжать свое образование на родном языке, знакомиться с национальной культурой. Это резервы, из которых будут черпать новые силы, быстро редеющие кадры русской интеллигенции старшего поколения. Кругом всюду тысячи русских детей находятся в неизмеримо более тяжелом положении. Их голоса до нас не дошли. Но и у этих избранных и привилегированных часто встречаются

тревожащие ноты. Прежде всего, мы должны уже сейчас серьезно считаться с ясно обозначившимся у наших авторов процессом отхода, иногда отчуждения от старших. Дети и подростки часто одиноки, замкнуты, пережитое отдаляет их иногда и от сверстников. На нас, представителей старшего поколения, они очень часто смотрят с известным предубеждением. Они до многого добрались, напрягая до последней степени свои силенки, самостоятельно, и упрямо отказываются от помощи, даже когда сами чувствуют ее необходимость.

Многие не забыли еще на родной земле вдруг явившейся отчужденности, обратившей их, 10–12–14-летних детей, в героев, в «змеенышей контрреволюции». Не сжились они с окружающим бытом на чужбине. Часто совсем по-новому холодными, враждебными глазами внимательно наблюдают за жизнью взрослых соотечественников, иногда близких им людей. Далее, в работах детей, правда, нечасты выражения озлобленности, жестокости, недетской холодности и расчетливости. Кто знает нашу школьную молодежь на чужбине, тот согласится со мной, что в действительности эти черты играют крупную роль в ее психологии. В статье Н. А. Цурикова корни этого явления освещены достаточно полными цитатами, и потому здесь не буду их повторять.

Третье явление, заслуживающее нашего сугубого внимания, – это все более и более захватывающее молодежь, парализующее все ее начинания сознание своей непригодности к жизненной борьбе, своей беспомощности здесь и страх перед неизвестным, отвернувшимся от нее, закутанным мглой ликом современной России.

Дети и юноши переживают мучительные колебания и сомнения, скрывают их от взрослых, мечутся и не находят выхода. Вдумайтесь в такие страшные в устах подростка слова: «Смешно, но я устал жить». Что же делать? До сих пор мы так

мало интересовались жизнью нашей молодежи. Надо думать, что 2400 молодых авторов сдвинут нас с мертвой точки. Заинтересовавшись и приглядевшись, мы начнем искать пути помощи поставленным «у последней черты» и чудом спасшимся. Может быть, прежде всего опять-таки к ним придется обратиться за помощью и просить так же просто и искренне, как они написали свои воспоминания, изложить нам условия их теперешней жизни и осветить свои нужды в настоящем. Этот материал был бы очень ценен. Затем, мы не должны скрывать от себя, что с детьми сейчас неблагополучно всюду. Весь уклад жизни больших городов на Западе медленно, но систематически отравляет и засоряет их души. Явления детской беспризорности и порочности приобретают сейчас характер мирового социального бедствия. Дети – самое дорогое и ценное из всего, что у нас осталось. Я бы сказал, что их воспитание – главнейший смысл и оправдание нашего существования на чужбине. Великое счастье, что эти 2400 русские школьники. Школа дает им много, но и все мы должны начать огромную организационную работу, чтобы окружить их вниманием и заботами. В первую очередь необходимо серьезно подумать о круглых сиротах. Их особенно много в школах балканских государств. В какой-то форме придется организовать над ними русский патронаж. Лучше всего, кажется, размещение их в интеллигентные семьи, хотя бы на каникулы. Необходимо теперь же найти наиболее подходящие по местным условиям формы помощи в деле воспитания детей и тем семьям, которым самим эта задача по разным причинам сейчас не под силу. Гнетущее, обессиливающее одиночество, сознание заброшенности у детей, учащихся в школах, где рядом существуют многочисленные русские колонии, – это наша вина.

С жестокостью, озлобленностью борьба труднее. Эти черты нередко питаются настроениями взрослых. Мы теперь

привыкли говорить в присутствии детей все, они сами не могут вернуться в круг интересов и тем, нормальных для их возраста. Явление «омоложения» в зарубежной школе, о котором я говорил в другом месте[57], – явление бесспорное, но оно не излечивает ран до конца. Рубцы остаются; их можно разгладить только общим поднятием культурного уровня окружающих детей жизненных условий.

Напряжение всех наших сил к поднятию жизненной годности детей – одна из самых важных задач зарубежной интеллигенции. До сих пор мы ориентировались исключительно на Россию. В основу всей организации школьного дела ставили уверенность в скорой возможности работать на родной земле. Даже больше, как-то молча, даже не сговариваясь, весь строй школьной жизни стремились уложить в старые привычные для нас рамки дореволюционных условий быта. В лучшем случае приспосабливались, и то нехотя, к требованиям местных (чужих) высших учебных заведений. С жизнью не считались. Предоставляли детям и подросткам решать вопрос о возможности для них 12–14-летнего школьного курса (считая и среднюю и высшую школу) самостоятельно. Отсюда ряд тяжелых драм и разочарований. Одиночки уходят сами из школы, без посторонней помощи на свой страх и риск, начиная жизненную борьбу. Таким, по личному или семейному положению вынужденным прервать образование и заняться поисками хлеба, до сих пор мы руки помощи не протянули.

Наконец, острый момент окончания курса средней школы, особенно у девушек. Ведь высшее образование всем абитуриентам доступно только в Чехии. Средняя же школа всюду организована так, что предполагает непосредственный переход своих воспитанников в аудитории университетов и

---

[57] Воспоминания 500 рус. детей. Бюл. Бюро № 4.

технических школ. Более подробно об этом говорить не могу, это уже касается будущего наших авторов. Вернемся к их настоящему. По самому характеру темы авторы только мельком могли коснуться своего теперешнего положения. Особенно скромны девочки. Все же фразы: «Я учусь, а дома помогаю маме», «Я стираю белье, мою пол, убираю комнату», «Учусь и работаю», «Папа не устроился, нам плохо» и т. п. – довольно часты. На эти факты также школа не обращает внимания, она требует от своих воспитанников напряжения всех сил, использования всего времени. Это также вредит детям и тяжело отзывается на их психике.

Огромное большинство школ, в которых учатся наши авторы, смешанного типа: мальчики и девочки учатся вместе и по одной программе. Как общее явление это, кажется, не может сейчас встречать возражений, но в последние годы средней школы, казалось бы, девочки должны были бы получать большую жизненную подготовку, чем они имеют сейчас. Общеизвестный факт перехода в Сербии прямо с институтской скамьи к фабричному станку – не может не повести к совершенно нежелательным явлениям. Конечно, этими замечаниями не исчерпывается огромный вопрос о приспособлении беженской школы к жизни, о котором невольно начинаешь думать, познакомившись с авторами воспоминаний. Это только беглые замечания. Тема требует особой специальной разработки. Хотелось бы, чтобы ее не откладывали в долгий ящик. Правда, поставленные у последней черты дети в массе уцелели. Но это не лишает срочности и важности отмеченных выше вопросов.

Можно и должно отнестись к нашим авторам с уважением, нельзя закрывать глаз на действительность и успокоиться на мысли, что все у них сейчас по крайней мере совершенно благополучно. Это неверно. Кой-кто даже в разбираемых спешных, в огромном большинстве незаконченных сочинениях успел наговорить о себе много нехорошего, иногда даже

сознаться в совершении преступлений. Таких немного. Но это опять-таки не значит, что мы можем отмахнуться от сложного явления детской порочности. Жизнь каждого русского учебного заведения дает и по этому поводу немало материала для размышлений. Прежде всего, для правильного подхода к психологии современной молодежи нужно резко различать два периода: военно-эвакуационный и мирный. В первом «все было позволено». Кражи, грабежи, недозволенное пользование чужим имуществом и другие преступления совершались и взрослыми и детьми. Последние о них рассказывают охотно и ничуть их не стыдятся. У них законное оправдание: состояние крайней необходимости. В мирной обстановке другое дело – преступления совершаются значительно реже, виновные не пользуются обычно одобрением и расположением своих друзей и сверстников. Беда опять-таки в том, что школа борется и здесь старыми, негодными средствами: опозорением и изгнанием. Между тем сейчас уже прочно утвердился совершенно иной взгляд на совершающих недопустимые с точки зрения нормального общежития поступки детей и подростков. Они не преступники, а трудно поддающиеся воспитательному воздействию, требующие особо внимательного и заботливого отношения. В этой области мы до сих пор как-то ничего не удосужились сделать. Дело здесь не только в том, что изгоняемые и преследуемые быстро опускаются и гибнут. Приходится еще обратить внимание и на то, что каждый такой запущенный и потому опустившийся приносит огромный вред всему русскому делу, озлобляя и восстанавливая против нас местных жителей.

Особенно жестоко и опасно бездействие и попустительство в отношении в чем-либо проявляющих дурные наклонности девочек.

Здесь уже поистине промедление смерти подобно. Педагогический персонал и в особенности воспитатели и воспитательницы закрытых школ должны получать хотя бы

элементарную подготовку в специальной и трудной области борьбы с ранней испорченностью. Это не значит, конечно, что среди наших авторов можно будет найти большие кадры таких испорченных, которых теперь принято технически называть «беспризорными». Все данные, наоборот, говорят, что нас на чужбине пока миновало то страшное бедствие, которое выпало на долю их сверстников в Советской России. Там подрастающее поколение буквально на глазах погибает. Недаром, по официальным докладам, сейчас в России от 30 до 40% всего бюджета по народному образованию тратится на специальные учреждения для беспризорных и порочных. И грязь и разврат не сгубили наших детей на чужбине. Но береженого и Бог бережет. И здесь, на Западе, современные дети растут, как на сквозняке. Продуть может каждую минуту. Особенно опасны большие города. Недаром в одной из новейших гимназических песенок мы находим такой дуэт:

Она: Чем ты занят, милый друг,
Среди иностранцев?
Он: Изучением наук
И модерных танцев.

Бесспорно усиливающееся с каждым годом постепенное втягивание нашей молодежи в кипящую бестолочь окружающей жизни добра не принесет.

Многие из молодых авторов сами чувствуют опасность. Как ни странно, но они совершенно откровенно пишут о себе: «Партизанские отряды изломали мою душу», «Грубая нечувствительность к чужим страданиям вытеснила прежнюю кроткую любовь к человеческой личности», «Я почувствовал, что в сердце у меня выросла большая немая боль, которую нельзя ни передать словами, ни описать. Я упрекал себя, что перестал любить людей», «Я принял отраву, но к счастью меня вылечили и внушили, что стыдно и позорно

умереть, испугавшись жизни...», «Бог перестал для меня существовать», «Я стал почти психопатом, нравственным калекой... Я хуже волка, вера рухнула, нравственность пала, все люди лишь...» Недостаток места заставляет ограничиться приведенными выдержками. Все равно они не могут заменить подлинных свидетельств пережитой нашими детьми трагедии.

Показания 2400 – должны быть прочитаны полностью. Дети сделали все, что могли. Теперь мы уж не можем отговариваться незнанием. Душа современного ребенка и подростка смело обнажена. Не для хулы, холодного любопытства или равнодушного исследования, а для проникнутой горячей любовью скорой помощи. Эти исповеди ко многому нас обязывают, и детский призыв, надо думать, не останется без отклика.

Мы так любим повторять: дети – наше счастье, дети – наша радость. Теперь пора от слов перейти к делу.

В. Руднев
Несколько цифр

Забота о подрастающем поколении из всех задач, стоящих перед русской эмиграцией, бесспорно, одна из самых ответственных. Важно поэтому попытаться отдать себе отчет о качественной и количественной стороне вопроса, призванного оставаться в центре общественного внимания, русского и иностранного, выяснить общее число беженских детей, их распределение по отдельным странам, возрастной состав, семейное и имущественное положение детей, степени обеспечения их русской школой и пр.

Надо, однако, признать, что сколько-нибудь точных и проверенных данных по большинству из поставленных выше вопросов нет и быть не может, поскольку не существует ни планомерной общей регистрации русских беженцев в Западной Европе, ни детской статистики – в частности. Точные сведения имеются только относительно одной группы детей, а именно – уже обучающихся в русских школах. Ответы на остальные вопросы могут быть даны лишь с большой степенью гадательности и с существенными оговорками, весьма ослабляющими реальное значение приводимых цифр.

Взять хотя бы распространенные представления о численности русского беженства в целом. Обычно принимаемое их количество в 2 и даже в 3 миллиона явно преувеличено. В Западной Европе, по крайней мере, – а здесь сосредоточена главная масса беженства, – общее число беженцев вряд ли превышает 600 000–700 000 – к такому выводу приводит критическое сопоставление данных, почерпнутых из разных источников.

Как при такой неопределенности пытаться установить число детей путем вычисления обычного процента к общей массе беженства? К тому же нормальное для населения в

обычное время соотношение взрослых и детей нарушается для эмиграции наличием в ней бывших военных контингентов; в другом, противоположном смысле влияет наличие известного количества одиноких детей, эвакуированных из России в составе нескольких закрытых учебных заведений.

Можно лишь с уверенностью сказать, что определявшаяся д-ром Нансеном в 1923 году цифра детей беженцев в Европе в 400 000 несомненно и сильно преувеличена. С другой стороны, по неизбежности гадательной остается и принимаемая Земско-Городским Комитетом для одной категории, – детей нуждающихся беженцев, – цифра в 45–50 тысяч.

Относительно распределения детской массы по отдельным государствам за полным почти отсутствием точных данных приходится ограничиваться лишь общими соображениями, основанными на аналогии с распределением в Европе взрослого беженства.

Исторически проникновение в Западную Европу масс беженства в 1919–1921 гг. шло двумя путями: с юга, через Константинополь, и с востока, на протяжении всей сухопутной границы России. Таким образом, создалось два важнейших района первоначального поселения беженцев в славянских землях и в лимитрофных государствах. В третьем условно обозначаемом районе – в государствах центральной части Западной Европы – осело в первые годы лишь небольшое количество беженцев, вследствие запретительных мер правительств этих стран. В 1922–1923 гг. происходит новая передвижка беженской массы, на этот раз переносящая центр ее из лимитрофных и славянских государств в Германию и Францию. Нижеследующая таблица показывает распределение беженцев по отдельным государствам в 1924 году[58]:

[58] Положение с тех пор существенно не изменилось, ибо вновь введенные в 1924 г. Францией и Германией ограничения для въезда русских беженцев в общем приостановили эмиграционный процесс.

Финляндия	15 000
Эстония	12 000
Латвия	15 000
Литва	2 500
Польша	100–150 000
Бессарабия	15–20 000
Чехословакия	30 000
Югославия	30–35 000
Болгария	30–34 000
Греция	2 000
Турция	10 000
Швейцария	2–3 000
Англия	2–3 000
Бельгия	3 500
Франция	200 000
Германия	120–150 000
Всего	590–685 000

Районы расселения и относительная численность в них детей в общем, конечно, соответствуют местам сосредоточения масс беженцев. Судя по вышеприведенной таблице, к 1924 году в славянских и лимитрофных государствах остаются еще большие сосредоточения детей, но сильно возрастает к этому времени значение центральной части Западной Европы. В частности, во Франции и Германии должно находиться около половины общего количества беженских детей.

* * *

Более определенные, хотя и не всеобъемлющие данные имеются относительно детей, обучающихся в русских школах.

Общее количество детей школьного возраста, *нуждающихся в систематической материальной общественной поддержке,* определяется З.-Г. Комитетом в 18–20 тыс., – по-видимому, эта цифра достаточно близка к истине. С исчерпывающей точностью произведен подсчет обучающихся в русской зарубежной школе детей беженцев.

По данным З.-Г. Комитета, эта школьная сеть в начале 1924 г. состояла из 90 школ, в том числе 43 средних и 47 низших. Общее число обучающихся в этих беженских школах детей достигает к этому времени 8 835, из них 6 937 детей в

средней школе, а 1 898 – в низшей. Из обучающихся в средних школах содержалось полностью в интернатах 4 380 детей[59].

Учитывая же еще около 3 000 беженских детей, обучающихся в школах русского национального меньшинства в лимитрофных государствах, *общее число детей-беженцев, обучающихся в зарубежной русской школе, надо считать около 12 000*; таким образом, за порогом русской школы должно оставаться, по-видимому, от 6 до 8 тысяч детей.

Помимо того, что далеко не все дети беженцев имеют возможность обучаться в своей национальной школе, надо еще иметь в виду, что и существующие школы распределены между отдельными странами крайне неравномерно. Об этом свидетельствует нижеследующая таблица, показывающая распределение школ и учащихся, а также содержимых в интернатах между тремя вышеупомянутыми районами в 1924 г.:

Районы	Средние шк.			Начальн. шк.			Всего		
	Число школ	Число учащихся	Число детей в интернатах	Число школ	Число учащихся	Число детей в интернатах	Число школ	Число учащихся	Число детей в интернатах
I. Славянские государства и Балканы…………..	26	4920	3931	16	590	72	42	5510	4003
II. Лимитрофн. госуд………………	11	1308	275	20	788	91	31	2096	366

[59] В течение 1924–1925 уч. года произошло некоторое, хотя и незначительное, сокращение как числа школ, так и количества учащихся. Так, окончательно ликвидированы морской корпус в Бизерте, детский приют в Жодуань близ Брюсселя. Несколько уменьшилось и число обучающихся в существующей русской школе.

III. Остальн. госуд. Европы…………..	6	709	174	11	520	411	17	1229	585
Всего………………	43	6937	4380	47	1898	574	90	8835	4954

При первом же взгляде на эту таблицу бросается в глаза, что по числу школ, учащихся и особенно содержимых в интернатах наиболее благоприятно положение в славянских странах, значительно хуже это положение в государствах лимитрофных и неизмеримо хуже – в государствах центральной части Европы. Но ближайшее рассмотрение показывает, что эта неравномерность еще более разительна. Дело в том, что повсеместная организация большинства ныне существующих школ уже закончилась в 1920–1921 гг., т. е. ранее того, когда огромное количество беженцев из лимитрофных и славянских стран переселились в 1922–1923 гг. во Францию и Германию. Это массовое переселение однако не могло ввиду недостатка средств у З. Г. К. в то время сопровождаться созданием необходимого количества русских школ в новых местах. Нижеследующая таблица, сравнивающая количество беженцев и число средних школ в двух характерных группировках государств, иллюстрирует создавшееся положение:

Страны	Колич. беженцев	Число сред. школ	Число учащихся	Число содерж. в интерн.
I гр.: Финляндия, Эстония, Чехословакия Болгария, Югославия	ок. 125 000	37	6228	4206
II гр.: Франция, Германия	ок. 350 000	3	586	30

Как мы видим отсюда, сточки зрения возможности получать образование в своей национальной школе условия для

беженских детей в государствах второй группы неизмеримо менее благоприятны, чем в государствах первой группы. Очевидно, что в таких странах, как Франция и Германия, отсутствие достаточного количества бесплатных или дешевых русских школ и интернатов вынуждает беженцев отдавать своих детей в школы иностранные, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

О количестве обучающихся в иностранных школах детей-беженцев имеются лишь весьма неполные и не сводимые в общую картину сведения. Пополнение и систематизация данных об этой категории русских детей является задачей совершенно неотложной и сточки зрения практической школьной политики не менее важной, чем дальнейшее изучение положения детей в школе русской.

В. С. Собкин
Педагогика в эмиграции

Казалось бы, о трагедии гражданской войны в России мы знаем сегодня почти все и нас трудно чем-либо удивить. Обилие исторических документов, мемуаров, произведений искусства, как нам порой кажется, практически «исчерпало тему», и мы можем наконец составить «объективную» картину произошедших событий. Снятие идеологической цензуры позволило не только услышать свидетельства тех, кто пел: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов», но и различить в том же мотиве иной голос, иные слова: «Смело мы в бой пойдем за Русь святую». Но дело не только в реконструкции «объективной» картины тех событий. По мере их удаления в прошлое нас, как это ни парадоксально на первый взгляд, привлекает в этих событиях не столько их «историческое значение», сколько их *человеческий смысл.* Именно это и обеспечивает их понимание. И здесь принципиальной оказывается категория *переживания.*

В этом отношении материал книги уникален и мы действительно – читатель согласится со мной – открываем для себя совершенно новые страницы. Уникален, поскольку это фиксация, документирование и переживание событий гражданского раскола с позиции ребенка. И этот угол зрения, эта точка отсчета принципиальна. Без претензии на «художественность» глаз ребенка особым образом фиксирует такие детали, которые и есть «правда жизни»:

Сидели мы недолго, пришел солдат и нас куда-то повели. На вопрос, что с нами сделают, он, гладя меня по голове, отвечал: «расстреляют».

Вот эту деталь – *гладя меня по голове* – придумать невозможно; в искусстве это уже было бы на уровне гениальности. Но вся суть в том, что эти детские сочинения не «искусство», и

отсюда особая правда жизни, особое переживание той действительности, тех событий. Подобных примеров на страницах этой книги множество, и читатель, я в этом уверен, не раз испытал боль, страдание и горечь, погружаясь в те далекие события, описанные детьми. Эта проекция гражданского раскола в детский мир, этот животный оскал на человеческом лице, увиденный ребенком, не может оставить равнодушным. И это, может быть, наибольший урок нам, вступающим в третье тысячелетие. Урок, данный нам, взрослым, – детьми.

Детьми... Но ведь, по сути, это *наша* трагедия, трагедия наших прадедов и дедов, бабушек и прабабушек. Только описанная теми, кто был «по другую сторону». Но и те, «кто по эту», видели то же, теми же детскими глазами впитывали в себя все *это*. Поэтому это все – наше и про нас. Более того, переживается это как свое, и в этом особое значение этой книги.

Приведенные в книге фрагменты детских сочинений – это тот живой материал, на который в первую очередь обращаешь внимание при ее чтении. Но помимо фрагментов детских сочинений в книге есть и другой смысловой слой, который связан с социологическим и психолого-педагогическим анализом проблем детства тех, кто пережил революцию и оказался в изгнании. На мой взгляд, эту вторую авторскую позицию – тексты ученых и педагогов, представивших свои статьи в сборник, – мы тоже не можем оставить без внимания. Признаюсь, для меня лично эта позиция при первом чтении не была главной, поскольку эмоционально я реагировал (думаю, как и большинство читателей) в основном на детские высказывания и был погружен именно в их чтение. Но затем, по мере углубления в материал, все больше начинаешь обращать внимание на профессиональную сторону дела. И здесь несколько моментов я хотел бы отметить.

Во-первых, это историко-культурная ориентация при анализе проблематики детства. В своем предисловии к дан-

ному сборнику проф. В. В. Зеньковский отмечает, что детские сочинения о революции содержат в себе богатейшие данные для педагога и для психолога, для историка и социолога. «Собрать этот материал в возможно большем объеме и сохранить его для будущего – такова была задача, которую себе поставило Педагогическое Бюро». Эта установка принципиально отличает авторов сборника от педагогических ориентаций их коллег, работающих в это время в России. Отличие здесь в разном отношении к *настоящему*. Для педагогов и психологов в Советской России, идеологически сориентированных на создание нового человека, момент настоящего не играет особой роли – их интересует сам проект. Поэтому конкретика настоящего, непосредственные смысловые переживания ребенка не столь и важны (они порой не те и не очень-то подходят для идеологически заданного проекта – это скорее «помехи»). Более того, живая детская речь, часто неподконтрольная идеологической цензуре, просто опасна для самого исследователя. В силу этого в работах 20-х годов мы за редким исключением практически не услышим реальный голос ребенка, его размышлений о жизни. У авторов сборника подход иной: для них настоящее самоценно, поскольку они не ограничены проектировочными шорами. Будущее прорастает из настоящего и поэтому настоящее необходимо сохранить и отфиксировать по возможности полно.

Во-вторых, обращает на себя внимание различие в языке описания. И дело здесь не в культуре речи педагога-исследователя, хотя и это явно бросается в глаза. Если мы обратимся к отечественным педологическим исследованиям 20-х годов, то поразимся не столько тем, как быстро новояз стал основой педагогической речи, сколько резким изменением самой парадигмы педагогического мышления. Распространенная для того времени терминология – «детская масса», «детский материал» и т. п. – отражает технократический, объектный подход к ребенку. Авторы же сборника

смотрят на детей иначе, пытаясь сохранить традицию субъектного подхода: «Многие дни и ночи, недели и месяцы, которые я провел за чтением этих тысяч биографий, заставили сжиться с ними, сроднили с их авторами». Причем эта субъектная позиция обнаруживается даже в обсуждении казалось бы формального вопроса о методике исследования: «Раны, нанесенные детской душе всеми событиями последних лет, так глубоки, так свежи, что прямое прикосновение к ним совершенно недопустимо».

В-третьих, следует отдать должное уровню профессионализма, на котором выполнены исследования. Это касается и организационной стороны дела (проведение масштабного сбора материала в разных странах), и культуры систематизации материала. Уже сам по себе тематический анализ подобного объема детских сочинений, совмещающий социологический и психологический ракурс рассмотрения (Н. Цуриков), является в профессиональном отношении уникальным для того времени. Особое место в сборнике занимает статья В. В. Зеньковского, имеющая, на мой взгляд, важное общепсихологическое значение. Отмечу лишь некоторые моменты. Так, одним из феноменов подросткового возраста, на который обращал внимание Л. С. Выготский, является момент «изживания детства». В. Зеньковский делает акцент на другом аспекте: «на не изжитом детстве» у детей, попавших в ситуацию социального катаклизма. Думаю, что для сегодняшних социальных реалий в России эта идея весьма актуальна. Крайне интересен его анализ четырех типов отношения к травматическому опыту и факторов, вызывающих особый тип переживаний во время социального перелома. По тонкости и глубине психологического анализа травматических переживаний ребенка во время социальных катастроф эта работа может быть отнесена к классическим психологическим исследованиям.

И, наконец, в-четвертых. На мой взгляд совершенно особое значение сегодня имеет статья Кн. П. Долгорукова о чувстве родины у детей. Эта статья, посвященная психолого-педагогическим проблемам воспитания чувства родины у детей, оказавшихся в вынужденной эмиграции после гражданской войны, удивительно перекликается с теми проблемами, которые стоят перед образованием русскоязычного населения стран СНГ и Балтии.

Со времени издания книги за рубежом прошло 75 лет и только теперь она стала доступна широкому кругу читателей в России. Авторы сборника выполнили свою задачу, они «сохранили материал для будущего». Теперь уже задача стоит перед нами: понять послание.

Содержание

Дети эмиграции

Сборник статей

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Е. Романова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru